

Пробуждение Китая

У. А. П. Мартин

The Awakening of China

W. A. P. Martin

The Project Gutenberg eBook of The Awakening of China

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинстве других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать, дарить или повторно использовать ее на условиях Лицензии проекта "Гутенберг", прилагаемой к этой электронной книге или размещенной на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, вам придется ознакомиться с законодательством страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Пробуждение Китая

Автор: У. А. П. Мартин

Дата выхода: 21 февраля 2005 [eBook #15125]

Последнее обновление: 2 апреля 2023 года

Язык: Английский

Кредиты: Продюсер: Роберт Дж. Холл.

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ГУТЕНБЕРГ ЭЛЕКТРОННАЯ КНИГА ПРОБУЖДЕНИЕ КИТАЯ ***

Пробуждение Китая

У. А. П. МАРТИН, доктор философии, доктор права

Бывший президент Китайского императорского университета

Автор книг "Цикл о Катае", "Осада в Пекине", "Лор Катая" и др.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Китай - театр величайшего движения, происходящего сейчас на земном шаре. По сравнению с ним агитация в России ничтожна, ибо она не политическая, а социальная. Ее цель - не смена династии, не революция в форме правления; но, имея более высокую цель и более глубокие мотивы, она обещает не что иное, как полное обновление самой старой, самой густонаселенной и самой консервативной империи. Есть ли в любом полушарии народ, который может позволить себе равнодушно наблюдать за происходящим?

Когда около тридцати лет назад Япония приняла внешние формы западной цивилизации, многие расценили ее действия как сценический трюк, своего рода пародию, использованную для временной цели. Но что они думают сейчас, когда видят, как кабинеты министров и торговые палаты вынуждены считаться с британцами северной части Тихого океана? Пробуждение огромного соседа Японии обещает привести к столь же поразительным результатам и в гораздо более широких масштабах.

Политические волнения, будь то периодические, как приливы и отливы, или непредвиденные, как ураган, в целом поверхностны и временны; но социальное движение в Китае берет свое начало в подземных силах, которые поднимают континенты из лона глубин. Объяснение этих сил и является целью данной работы.

Именно очарование этого грандиозного зрелища вернуло меня в Китай после короткого визита на родину и в эту столицу после нескольких лет пребывания в центральных провинциях. Если бы люди продолжали оставаться такими же инертными и неподвижными, какими они казались полвека назад, я мог бы впасть в отчаяние по поводу их будущего. Но когда я вижу их такими, какими они являются сегодня, объединенными в твердой решимости порвать с прошлым и искать новую жизнь, перенимая основы западной цивилизации, я чувствую, что мои надежды на их будущее оправдались более чем наполовину; и я рад помочь их делу голосом и пером.

Их патриотизм, конечно, может быть окрашен враждебностью к иностранцам; но разве он не будет расширяться по мере роста интеллекта, и разве они не придут к пониманию того, что их интересы неотделимы от интересов великой семьи, в которую они стремятся попасть?

Каждый день свидетельствует о глубине и подлинности движения в направлении реформ. Вчера завершились осенние маневры Великой армии. Они показали, что с помощью своих железных дорог Китай способен собрать 100 000 человек обученных войск. Не довольствуясь этими грозными сухопутными силами, правительство приказало построить ядро военно-морского флота, состоящего из восьми броненосных крейсеров и двух линкоров. Пять из них и три военно-морские станции должны быть оснащены беспроводным телеграфом.

Не менее значимым, чем это восстановление армии и флота, является тот факт, что несколько дней назад несколько студентов, закончивших обучение в иностранных университетах, были приняты в третью степень (или D. C. L.) в шкале литературных почестей, что означает назначение на какой-либо важный пост в действующем мандаринате. Если грохот пушек на торжественном смотре возвестил о том, что век луков и стрел прошел, то разве не возвещает этот факт о том, что в сфере образования рифмоплетство и каллиграфия уступили место науке и языкам? Отныне тысячи честолюбивых юношей будут стекаться в университеты Японии, и все большие толпы людей будут искать знания в их источнике за морями.

Еще более удивительны шаги, предпринимаемые в Китае для интеллектуальной эмансипации женщин. На днях один из ведущих министров образования заверил меня, что он добивается создания школ для девочек. Таким образом, затененное полушарие китайской жизни будет выведено на солнечный свет, и в ближайшие годы образование китайской молодежи будет начинаться с колен матери.

Ежедневные обсуждения в Государственном совете доказывают, что реформаторские предложения Высшей комиссии не будут отброшены на второй план. Туан Фан, один из лидеров, только что был назначен вице-королем Нанкина, получив *карт-бланш* на реализацию своих прогрессивных идей; а столичный вице-король Юань, принимая вдовствующую императрицу перед началом маневров, просил ее не слушать реакционных советов, подобных тем, что привели к катастрофе 1900 года.

В свете этих фактов неудивительно, что в китайских газетах обсуждается вопрос о национальной религии? Костры старых алтарей почти потухли, а среди тех, кто выступил за принятие христианства как единственной веры, отвечающей потребностям просвещенного народа, одним из самых выдающихся является священник Будды.

Разве мы не можем с уверенностью ожидать того времени, когда Китай окажется в братстве христианских народов?

W. A. P. M.

Пекин, 30 октября 1906 года.

ВВЕДЕНИЕ

Как разнообразны геологические формации разных стран, и какие бесчисленные эпохи они отражают! Не менее разнообразны и человеческие существа, населяющие поверхность земного шара, и не намного короче период их эволюции. Проследить этапы их роста и упадка, объяснить превратности, через которые они прошли, - вот задача философского историка.

Если история жизни шелкопряда, чье трехкратное существование завершается за несколько месяцев, полна интереса, то насколько же интереснее история человеческих обществ, возникших из варварства и развивавшихся на протяжении тысячелетий. Следующей по интересности после истории нашей собственной ветви человеческой семьи является история желтой расы, с которой мы сталкиваемся на противоположном берегу Тихого океана; она может быть еще более захватывающей из-за странности нравов и среды обитания, а также из-за контраста или совпадения опыта и чувств. Многие этапы их социальной жизни настолько отличаются от наших (автор пишет как американец), что возникает соблазн заподозрить, что тот же закон, который поставил их ноги напротив наших, по необходимости повернул их головы в другую сторону.

Заниматься этим исследованием - не значит копаться в некрополе, подобном Ниневии или Вавилону; ведь Китай, как и Западная Азия, - не могила мертвых империй, а родина народа, наделенного неиссякаемой жизненной силой. Ее нынешнее величие и ее будущие перспективы вызывают восхищение.

Если бы жители других миров могли смотреть на нас свысока, как мы смотрим на Луну, то на земном шаре нашлось бы всего пять империй достаточной протяженности, чтобы они могли обозначиться на их карте: одна из них - Китай. С населением, более чем в три раза превышающим население России, и почти такой же площадью, по природным преимуществам она не имеет конкурентов, если не считать Соединенных Штатов. Воображение с удовольствием рисует ее будущее, когда она примет христианскую цивилизацию, а пар и электричество свяжут воедино все члены ее гигантского каркаса.

Именно путем поглощения небольших государств китайский народ достиг величия. В данной работе мы проследим их историю по мере того, как они, подобно ручейку, вытекают из высокогорий Центральной Азии и, увеличиваясь в объеме, текут, как величественная река, к восточному океану. Будут описаны многочисленные и поразительные революции: одни, как в эпоху Великой стены, наложившие отпечаток единства на весь народ; другие, как маньчжурское завоевание 1644 года, в результате которого, полностью или частично, они оказались под властью иностранной династии. Наконец, современная история будет рассмотрена довольно подробно, поскольку этого требует ее важность; а преобразования, происходящие сейчас в империи, будут достоверно изображены в ее отношениях с западным влиянием в области религии, торговли и вооружений.

Поскольку ни один народ не может быть понят или правильно изучен в отрыве от окружающей его среды, здесь представлен вид страны с высоты птичьего полета.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ
ВВЕДЕНИЕ

ЧАСТЬ I

ИМПЕРИЯ В ОБЩИХ ЧЕРТАХ

- I. Собственный Китай
- II. Путешествие по провинциям Квантун и Кванси
- III. Фукиен
- IV. Chéhkiang
- V. Киангсу
- VI. Шантунг
- VII. Чихли
- VIII. Хонан
- IX. Речные провинции - Хупе, Хунань, Аньвэй, Киангси
- X. Провинции Верхний Ян-Цзе-Чечуэнь, Квейчау, Юньнань
- XI. Северо-западные провинции - Шанси, Шенси, Кансук
- XII. Отдаленные территории - Маньчжурия, Монголия, Туркестан, Тибет

ЧАСТЬ II

ИСТОРИЯ В ОБЩИХ ЧЕРТАХ, С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО ВОСЕМНАДЦАТОГО ВЕКА

- XIII. Происхождение китайцев
- XIV. Мифический период
- XV. Три династии
- XVI. Дом Чоу
- XVII. Мудрецы Китая
- XVIII. Воюющие государства
- XIX. Дом Цин
- XX. Дом Хань
- XXI. Три королевства
- XXII. Династия Тан
- XXIII. Династия Сун
- XXIV. Династия Юэнь
- XXV. Династия Мин
- XXVI. Династия Та-Цзин

ЧАСТЬ III

КИТАЙ В ПРОЦЕССЕ ТРАНСФОРМАЦИИ

- XXVII. Открытие Китая, драма в пяти действиях - Бог в истории - Пролог
АКТ 1 - Опиумная война
(Заметка о восстании Тайпина)
АКТ 2-Война "Стрелы"
АКТ 3 - Война с Францией

АСТ 4 - Война с Японией
АСТ 5 - Боксерская война

XXVIII.	Русско-японская война
XXIX.	Реформа в Китае
XXX.	Вицерай Чанг
XXXI.	Антииностранный агитация
XXXII.	Маньчжурия, норманны Китая

ПРИЛОЖЕНИЕ

- I. Деятельность миссионеров в распространении светских знаний в Китае
- II. Неупомянутые реформы
- III. Новая опиумная война

ИНДЕКС

ЧАСТЬ I

ИМПЕРИЯ В ОБЩИХ ЧЕРТАХ

ПРОБУЖДЕНИЕ КИТАЯ

ГЛАВА I

КИТАЙСКАЯ НЕДВИЖИМОСТЬ

Пять больших делений - Климат - Площадь и население - Восемнадцать провинций

Империя состоит из пяти больших частей: Собственный Китай, Маньчжурия, Монголия, Туркестан и Тибет. При рассмотрении этого огромного конгломерата удобнее всего будет начать с той части, которая дает название и характер всему целому.

О Китае можно сказать, что нигде солнце не светит так ярко, как на территории, где сочетается столько условий, необходимых для жизни богатого и процветающего народа. Расположенный между 18° и 49° северной широты, его климат одинаково свободен как от жаростной жары зоны торридов, так и от убийственного холода фригидных регионов. Нет ни одной провинции, где бы с большим или меньшим успехом не возделывались пшеница, рис и хлопок - три основных продукта питания и одежды; но в южной половине пшеница уступает место рису, а на севере хлопок - шелку и конопле. На юге хлопок - король, а рис - королева полей.

Протянувшийся во всех направлениях через горные хребты умеренной высоты, чьи склоны возделаны террасами на такую высоту, что создают впечатление висячих садов, Китай обладает плодородными долинами в достаточной пропорции, а также обширными равнинами, которые по протяженности сравнимы с американскими прериями. Изрезанные великими реками, чьи бесчисленные притоки обеспечивают средства ирригации и транспорта, бесплодные территории немногочисленны и малочисленны.

Береговая линия протяженностью три тысячи миль, изрезанная заливами, бухтами и заливами, предоставляет бесчисленное количество гаваней для судоходства, так что немногие страны могут сравниться с ней по возможностям для океанской торговли.

Что касается ее границ, то на востоке шесть из восемнадцати ее провинций омываются водами Тихого океана; на юге она сжимает руки с Индо-Китаем и Британской Бирмой; а на западе предгорья Гималаев образуют более надежный бастион, чем стена, которая отмечает ее границу на севере. Величайшее из творений человека, Великая стена в настоящее время не служит никакой другой цели, кроме как простого географического выражения. Построенная для защиты плодородных полей "Цветущей страны" от набегов северных кочевников, она, возможно, была полезна в течение нескольких поколений; но вряд ли ее можно назвать безусловным успехом, поскольку Китай полностью или частично прошел под властью татар более половины из двадцати двух последующих веков.

Площадь Китая составляет около 1 500 000 квадратных миль, что в два раза меньше европейской, а численность населения - около четырехсот миллионов человек; но, несмотря на это, нет никаких сомнений в том, что при улучшении методов ведения сельского хозяйства, производства, добычи полезных ископаемых и транспортировки, Китай мог бы с легкостью содержать вдвое больше нынешнего числа своих бережливых детей.

В пределах этой благодатной области продукты природы и человеческой промышленности соперничают друг с другом в масштабах и разнообразии. Простое перечисление могло бы прочесть как страница справочника и, возможно, произвести не большее впечатление, чем колонка цифр. Чтобы оценить удивительную плодovitость страны и осознать ее живописность, необходимо последовательно посетить все провинции и потратить год на изучение каждой из них. Если же такой возможности нет, то, несомненно, лучше всего увидеть их глазами тех, кто путешествовал и специально изучал эти регионы.

Более чем в половине провинций я могу предложить себя в качестве гида. Я провел десять лет в Нинпо и один год в Шанхае, оба на южном побережье. В северной столице я провел сорок лет; и недавно я провел три года в Вучане на берегах Ян-цзе-Кианг, особой точке обзора для изучения центрального Китая. Во время проживания в вышеупомянутых центрах мне посчастливилось посетить еще шесть провинций (некоторые из них не один раз), таким образом, я лично познакомился с десятью из восемнадцати и получил возможность собрать ценную информацию из первых рук.

Взглянув на приведенную ниже таблицу (из отчета Китайской внутренней миссии за 1905 год), вы поймете, насколько велико поле для исследования, находящееся перед нами. Средняя провинция по площади соответствует среднему штату Американского Союза; а вся территория превышает ту часть Соединенных Штатов, которая лежит к востоку от Миссисипи.

КИТАЙСКАЯ НЕДВИЖИМОСТЬ

ПРОВИНЦИИ	ПЛОЩАДЬ SQ. МИЛЬ	НАСЕЛЕНИЕ
Квантун (Кантон)	99,970	31,865,000
Кванси	77,200	5,142,000
Фукиен	46,320	22,876,000
Chéhkiang	36,670	11,580,000
Киангсу	38,600	13,980,000
Шантунг	55,970	38,248,000
Чихли	115,800	20,937,000

Шаньси	81,830	12,200,000
Шэньси	75,270	8,450,000
Кансук	125,450	10,385,000
Хонан	67,940	35,316,000
Нупеи	71,410	35,280,000
Хунань	83,380	22,170,000
Нганхуэй (Аньхуэй)	54,810	23,670,000
Юньнань	146,680	12,325,000
Szechuen	218,480	68,725,000
Киангси	69,480	26,532,000
Квейчай	67,160	7,650,000
Итого	1,532,420	407,331,000

ГЛАВА II

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО ПРОВИНЦИЯМ - КВАНТУН И КВАНСИ

Гонконг - поездка в Кантон - Макао - пейзажи на Жемчужной реке - Кантонский христианский колледж - страсть к азартным играм - типичный город - главный источник эмиграции

Давайте совершим воображаемое путешествие по провинциям и начнем с Гонконга, где в 1850 году я начал свое реальное знакомство с жизнью в Китае.

С палубы доброго судна "Лантао", которое за сто тридцать четыре дня доставило меня из Бостона вокруг мыса, я с восхищением смотрел на восточный Гибралтар. Передо мной была закрытая гавань, в которую могли спокойно заходить все флоты мира. Вокруг меня возвышалась благородная цепь холмов, склоны которых украшали прекрасные резиденции, а долины - шахматная доска оживленных улиц, на которых то тут, то там возвышалась британская батарея.

Под властью Китая Гонконг был незначительной рыбацкой деревушкой, фактически гнездом пиратов. В 1841 году остров был уступлен Китаем Великобритании, а уступка была подтверждена Нанкинским договором в августе 1842 года. Преобразования, произошедшие менее чем за десять лет, были волшебными; но это был лишь расцвет младенчества по сравнению с богатой зрелостью сегодняшнего дня.

Для торговли с Кантоном тогда хватало ежедневного парохода, с Шанхаем - еженедельного пакетбота, а основная часть товаров по-прежнему перевозилась на парусных судах или китайских джонках. Как поразителен прогресс, которым ознаменовались последние полвека! Улицы, которые блуждали среди долин или у кромки воды, теперь опоясывают холмы, как ряды сидений в огромном амфитеатре; железная дорога поднимает пассажира на вершину горы, а другие железные дороги кружат его с холма на холм по головокружительной высоте. I Торговля тоже выросла в двадцать раз. В коммерческом отчете за год, закончившийся в июне 1905 года, говорится, что по объему грузоперевозок Гонконг стал знаменным портом мира.

Хотя политически Гонконг не является Китаем, более 212 000 из его занятого населения (около 221 000 человек) - китайцы, и он, по праву, является воротами Китая. Благодаря

мудрой и либеральной политике британского правительства он стал главным портом восточных морей.

Теперь мы отправимся в Кантон и пересечем залив, усыпанный островами. Они покрыты обильной зеленью, но, как и все остальные на китайском побережье, лишены венчающей красоты деревьев. Мимоходом мы видим Макао - симпатичный городок под флагом португальцев, пионеров восточной торговли. Старейшее иностранное поселение в Китае датируется 1544 годом - не прошло и полувека после открытия пути в Индию, четвертое столетие которого отмечалось в 1898 году. Если бы удалось выяснить, в какой день какой-нибудь отважный аргонавт отправился на поиски Золотого руна в Дальнюю Индию, как тогда называли Китай, этот подвиг можно было бы с равным успехом увековечить.

Город Макао - памятник лузитанской предприимчивости. Красиво расположенный на выступающем отроге острова, он является излюбленным летним курортом иностранных жителей метрополии. Его население составляет около 70 000 человек, в основном китайцев, и в нем находятся две гробницы, которые делают его священным в моих глазах: гробница Камозенса, автора "Лузиады" и поэта путешествия Гамы, и гробница Роберта Моррисона, пионера протестантских миссий, столетие прибытия которого было блестяще отпраздновано в 1907 году.

Войдя в Жемчужную реку, прекрасный поток длиной 500 миль, чьи притоки, словно веер, расстилаются над двумя провинциями, мы попадаем в столицу вице-короля, как следует называть Кантон, хотя вице-король фактически проживает в другом городе. Река оживлена пароходами, большими и маленькими, в основном под британским флагом; но местные суда старого образца еще не канули в лету. Приводимые в движение парусом или веслом, они ползут вдоль берега, а на якорной стоянке Пагода недалеко от города образуют плавучий город, в котором рождаются и умирают семьи, так и не обзаведясь домом на *твердой земле*.

Большеноегие женщины зарабатывают на жизнь, работая веслом или раскачиваясь на балочке с младенцами на спине. Можно заметить и так называемые "цветочные лодки", украшенные как дворцы водных фей. Пришвартованные в одном месте, они являются известным курортом для порочных людей. На полях землепашцы босиком и с головой уходят в грязь и воду, держа в руках плуг или борону, запряженную земноводным существом под названием карабао или водяной буйвол, закапывая вручную в трясину корни молодых растений риса или применяя в качестве удобрения городской мусор и отходы. Такие непоэтические труды никогда не могли вдохновить георгическую музу Вергилия или Томсона.

Самое живописное строение, которое бросается в глаза при подъезде к городу, - это христианский колледж, показывающий, как изменились времена. В 1850 году иностранный квартал находился в пригороде возле одних из ворот. Там я обедал с сэром Джоном Боурингом в британском консульстве, имея рекомендательное письмо от его американской кузины, мисс Мэйлин, одаренной дамы из Филадельфии. Там же я остановился у доктора Хаппера, который неустанными многолетними усилиями сумел заложить фундамент того самого христианского колледжа. Для него это памятник, более прочный, чем медь; для Китая же это лишь один из многих маяков, возвышающихся сейчас на видных местах на морском побережье и во внутренних районах страны.

Проезжая мимо Фати, места отдыха вблизи города, можно увидеть развлечения богатых и распутных людей. Мы видим толпу людей, сидящих вокруг петушиной кабины и затевающих петушьи бои; но петухи - это перепела, а не дворовые птицы. Здесь же меньший и более эксклюзивный круг склонился над парой сверчков, вступивших в смертельную схватку.

Иногда их заменяют насекомые других видов или драчливые птицы; и можно предположить, что люди должны быть воинственными по своему нраву, чтобы наслаждаться подобными зрелищами. На самом деле они любят сражаться по доверенности. Однако больше всего их привлекает возможность выиграть или проиграть пари .

Более интеллектуальное развлечение, которое можно встретить во многих местах, - это разгадывание исторических загадок. Какая-нибудь древняя знаменитость изображается в виде животного в рифмованном двустишии, и тот, кто обнаружит героя под этой маскировкой, выигрывает значительную сумму. Страсть к азартным играм настолько сильна, что ставки делаются даже на результаты столичных экзаменов, особенно на то, какой провинции достанется честь первого приза - ученого-лауреата.

Чиновники во всех частях света и благотворительные общества пользуются этой страстью к азартным играм, открывая лотереи для сбора средств на достойные цели - политика неразумная, если не сказать аморальная. Однако не стоит забывать, что наши предки иногда прибегали к лотереям для строительства церквей.

Иностранное поселение теперь стоит на Шамиене, красивом островке на реке, великолепно контрастируя с убожеством местных улиц. Городская стена не бросается в глаза, если вообще видна за домами многолюдного пригорода. Однако можно быть уверенным, что она есть; ведь каждый крупный город должен иметь стену для защиты, а во всей империи насчитывается не менее 1 553 городов, обнесенных стенами. Какой показатель небезопасности, вызванной плохо регулируемой полицией! Китайцы удивляются, когда слышат, что во всех Соединенных Штатах нет ничего, что они могли бы назвать городом, потому что американские города лишены стен.

В Кантоне с его пригородами проживает более двух миллионов человек, поэтому он является самым густонаселенным городом империи. В целом дома низкие, темные и грязные, а улицы по большей части слишком узкие для машин шире седана или рикши (джинрикша). Однако в городе и пригородах глаз поражает богатство магазинов, особенно тех, что торгуют шелками и вышивками. Сильно контрастируя с этим роскошным изобилием, можно увидеть толпы нищих, выставляющих свои отвратительные язвы у дверей богатых людей, чтобы вымогать таким образом копейки у тех, кто, возможно, не склонен давать из соображений благотворительности. На узких улицах толпятся кули в виде носильных животных, подвешенных к каждому концу упругого шеста, балансирующего на плече, или везущих своих ставленников в креслах-седанах: два носильщика для простолюдина, четыре - для "припухлости" и шесть или восемь - для магната. Высокопоставленных чиновников в этих роскошных транспортных средствах сопровождают конные или пешие ликторы. Женихам и невестам разрешается в кои-то веки позировать как вельможам, а свадебное кресло, драпировка которого сочетает радугу и бабочку, возвещается музыкальным оркестром, звуками рожков и звоном кимвалов. Возникающие при этом шум и суматоха - это то, чего не потерпит ни один народ, кроме терпеливых китайцев. Они преклоняются перед обычаем и улыбаются неудобствам. Конных экипажей и карет нет только на новых улицах. Рикши и тачки протискиваются в самые узкие переулки и конкурируют с седанами за долю в пассажиропотоке.

На голубых холмах, которые, словно облака, висят на краю горизонта и носят поэтическое название "Белое облако", раскинулись сады, в которых в богатом разнообразии сочетаются плоды как жаркого, так и умеренного поясов. Чай и шелк выращивают во многих других частях Китая, но здесь они производятся превосходного качества.

Предприимчивые и умные, жители этой провинции заполнили острова Тихого океана от Сингапура до Гонулулу. Прибыв на Яву в 1850 году, я нашел угощение в лавке одного кантонца, который демонстрировал явное превосходство над коренными жителями острова. Не стоит ли сожалеть, что китайцев не пускают на Филиппины? Разве будущее этого архипелага не было бы более светлым, если бы на смену беспечным туземцам пришли расторопные китайцы?

Именно в Кантоне американская торговля больше всего пострадала от бойкота 1905 года, потому что там жестокое обращение с китайцами в Америке ощущалось сильнее всего, а китайцы в Калифорнии были почти исключительно выходцами из провинции Кантон.

Под юрисдикцией кантонского вице-короля находится также провинция Кванси. Гористая и малонаселенная, она рассматривается наместником как обуза, находясь в состоянии почти хронического восстания и требуя больших армий для поддержания порядка среди своих беспокойных жителей.

ГЛАВА III

ПРОВИНЦИЯ ФУКИЕН

Амой - Смелые мореплаватели - Фучоу - Кушанская гора - Мост десяти тысяч лет

Следуя вдоль побережья на север около трехсот миль, мы приезжаем в Амой, первый важный морской порт в соседней провинции Фукиен. Внешний вид страны претерпел изменения. Холмы достигают высоты гор, а аллювиальные равнины, столь заметные в Кантоне, сжимаются в узкие долины.

Люди также изменились в речи и чертах лица. Более высокие, с грубыми чертами лица, с высокими скулами и резкими голосами, их диалект совершенно непонятен жителям соседней провинции. В качестве примера разнообразия диалектов в Китае можно привести китайское слово, обозначающее человека. В некоторых районах Фукиена оно *длинное*, в Кантоне - *ян* или *инь*, в Нинпо - *нинг*, а в Пекине - *цзинь*.

Остается только сомневаться, что было главным в определении разделительной линии, отделяющей их от соседей на юге и западе, - люди или горы, которые они населяют. По предприимчивости и энергии они соперничают с кантонцами. Они смелые мореплаватели; великий остров Формоза, ныне уступленный Японии, был колонизирован ими, и с их помощью дикие аборигены были вытеснены на восточное побережье. На этих горах выращивают особый сорт черного чая, который, наряду с травяной тканью, составляет основную часть торговли Амоя. Гавань не лишена красоты, а вид с вершины одного из холмов, с которого видны сотни деревень, очень живописен. О городе Амой с его 200 000 жителей мало что можно сказать, кроме того, что несколько миссий, британская и американская, открывшие здесь свои станции вскоре после первой войны с Великобританией, добились обнадеживающего успеха. В Сватоу, округе в провинции Кантон за границей, американские баптисты имеют процветающую миссию.

Войдя в Формозский канал, мы направляемся к устью Мин, прекрасной реки, которая ведет к Фучоу (Фучау), примерно в тридцати милях вглубь страны. Мы не останавливаемся, чтобы исследовать остров Формоза, поскольку, будучи переданным Японии, он больше не является частью Китайской империи. Из-за реки всю провинцию иногда называют "страной Мин", но ее официальное название - Фукиен. Это название не означает "счастливо основанный", как утверждается в большинстве книг, а образовано из названий двух главных городов, взяв первый слог каждого из них, подобно тому, как первопоселенцы Арканзаса образовали

название пограничного города Тексаркана. Таким же образом образованы названия некоторых других провинций Китая, например, Киангсу, Кансух, а также название наместнического округа Юнквей.

Кушань, гора на берегу реки, славится своими пейзажами; как и везде в Китае, на ней расположен буддийский монастырь, где несколько десятков монахов проводят время не в созерцании, а в безделье.

Город Фучоу впечатляет своей прекрасной каменной стеной и длинным каменным мостом, который называется Вансуик'иао - "мост десяти тысяч лет". Его население составляет около 650 000 человек. К его важности добавляется гарнизон или колония маньчжуров, которые с момента завоевания в 1644 году живут отдельно от китайцев и не уменьшаются в численности.

Американский совет и Методистский епископальный совет имеют большие и процветающие миссии в этом великом центре, а отсюда они разветвляются по окрестным горам, в основном следуя по притокам реки Мин до их истоков. В 1850 году в Фучоу меня принимал преподобный доктор К. К. Болдуин, который, как я рад сообщить, все еще жив по прошествии пятидесяти пяти лет; но он больше не работает на миссионерском поприще.

ГЛАВА IV

ПРОВИНЦИЯ ЧЭХКИАН

Архипелаг Чусан - Путу и пираты - Чудесные рыбаки и чудесные лодки - Нинпо - Литературный триумф - Поиск души - Китайская психология - Ханчжоу - Великая скважина

Чехкианг, следующая провинция на севере и самая маленькая из восемнадцати, представляет собой часть нагорья, о котором говорилось в предыдущей главе. Ее площадь примерно равна площади штата Индиана, в то время как площадь некоторых провинций в четыре-пять раз больше. Нет никаких видимых причин, почему она должна иметь отдельное провинциальное правительство, кроме того, что ее воды текут на север, или, возможно, потому, что княжество Юйх (1100 г. до н. э.) имело такую границу, или, опять же, возможно, потому, что язык народа схож с языком Великой равнины, в которой находит выход ее главная река. Как часто завоеватель разрывает регионы, составляющие единое целое, только для того, чтобы создать княжество для какого-то фаворита!

У его побережья находится архипелаг Чусан, в котором стоит выделить два острова. Самый большой из них, давший название архипелагу, имеет длину примерно в половину Лонг-Айленда, штат Нью-Йорк, и назван так из-за причудливого сходства с джонкой, имеющей высокий мыс на обоих концах. В нем восемнадцать долин - это деление не связано с восемнадцатью провинциями, но увековечено в популярной рифме, которая сурово отражается на нравах его жителей. Защищенные морем и достаточно близко расположенные к суше, чтобы с легкостью нанести удар по любой точке соседнего побережья, британские войска нашли здесь безопасный лагерь во время своей первой войны.

На востоке лежит священный остров Путу, Иона китайского побережья. Благодаря благородному ландшафту и столь малой площади земли, что здесь нет соблазна для мирского, буддисты неизбежно должны были остановиться на нем как на естественной обители. На протяжении многих веков он славится своими монастырями, некоторые из которых построены из бревен, взятых из императорских дворцов. Раньше миссионеры из соседних морских портов находили в Путу убежище от летней жары, но теперь он заброшен,

так как не дает укрытия от мелкого пиратства, которое во все времена так свирепствует в этих водах.

В 1855 году мистер (впоследствии епископ) Рассел и я были захвачены пиратами по пути в Путу. Самые джентльменские вольные разбойники, о которых я когда-либо слышал, пригласили нас разделить завтрак на палубе нашей собственной джонки; но они завладели всей нашей провизией и нашей джонкой тоже, отправив нас к месту назначения на маленькой лодке и пообещав нанести нам дружеский визит на острове. Один из них, забравший часы моего друга, пришел к хозяину, чтобы спросить, как их заводить. Преподобному Уолтеру Лоури, основателю пресвитерианской миссии в Нинпо, повезло меньше. Напав на пиратов почти на том же месте, он был брошен в море и утонул.

Миновав эти острова, мы выходим к реке Нинпо, в устье которой находится небольшой город Чинхай, а в двенадцати милях вглубь страны - Нинпо, - крупный торговый центр. Это любопытное расположение, столь отличное от ожидаемого, сталкивает человека в Китае с закономерностью естественного закона: Кантон, Шанхай, Фучжоу и Тяньцзинь - все они подчиняются ему. Маленький город стоит на якорной стоянке для крупного судоходства, но большой город, отказываясь от этого преимущества, располагается на некотором расстоянии вглубь страны, чтобы быть в безопасности от морских разбойников и иностранных врагов.

Поднимаясь вверх по реке, мы не раз сталкивались с необычным способом ловли рыбы. Мы видим несколько бакланов, сидящих на бортах лодки. Время от времени птица ныряет в воду и всплывает с рыбой в клюве. Если рыба небольшая, птица проглатывает ее в награду за свои услуги; но рыбе значительных размеров мешает спуститься кольцо на шее птицы, и она становится добычей рыбака. Птицы, похоже, хорошо обучены, а их острые глаза проникают в глубины воды. Еще одна новинка в рыболовстве - приспособление, с помощью которого рыба ловится сама - не забегая в сеть или заглатывая крючок, а перепрыгивая через белую доску и падая в лодку. Еще более странно выглядят люди, которые, подобно бакланам, ныряют в воду и выходят оттуда с рыбой - иногда по одной в каждой руке. Эти рыбаки, когда находятся в воде, всегда держат ноги на земле и ощупывают берег. Впервые увидев этот способ на практике, я бросился к краю реки, чтобы спасти, как мне казалось, жизнь бедняге. Однако едва он поднял голову из воды, как снова опустился на дно, и толпа людей, кричавших *"Ко-нг, Ко-нг, он ловит рыбу"*, посмеялась надо мной за мою проникательность.

Туземцы используют своеобразный способ управления лодкой. Сидя на корме, лодочник одной рукой держит штурвал, а другой - длинную трубку, которую он курит на досуге. Не имея мачты или паруса, он набирает скорость против ветра или течения, используя ноги для управления веслом. Таким образом, он получает преимущество в весе и сильных мускулах. Эти маленькие суденышки - самые быстрые лодки на реке.

У развилки реки, на широкой равнине, усеянной деревьями, возвышаются каменные стены Нинпо, шесть миль в окружности, окружающие сеть улиц, построенных лучше, чем в большинстве китайских городов. Иностранное поселение находится на северном берегу главного потока, но в его стенах живут несколько миссионеров, и там я провел первые годы своей жизни в Китае.

Над стенами, заметная на расстоянии, возвышается вершина высокой пагоды - сооружения, подобного большинству носящих это название, с восемью углами и девятью этажами. Эти воздушные сооружения, изначально предназначенные лишь для наблюдения, превратились в суеверные приспособления, призванные привлекать добро и отгонять зло.

В этой части провинции не только есть свой диалект, относящийся к мандаринскому типу, но и люди обладают более тонким телосложением, чем жители юга. Более высокие, с менее угловатыми глазами и лицами безупречной симметрии, они представляют собой красивый народ, славящийся как литературным талантом, так и коммерческой предприимчивостью. Во время моего пребывания там весь город был однажды взбудоражен новостью о том, что один из ее сыновей получил первую премию в прозе и стихах на конкурсе перед императором и собравшимися учеными империи - честь, сопоставимая с почетом поэта-лауреата или победителя Олимпийских игр. Считается, что когда эта честь выпадает на долю какого-либо города, то, чтобы уравнивать шансы, за этим событием обязательно следует три года безводья. В этом случае высшие мандарины сопровождали жену литературного спортсмена на вершину стены, где она разбросала несколько горстей риса, чтобы предотвратить надвигающийся голод.

Мой дом был пристроен к новой церкви, над которой возвышалась колокольня. В месте, где до этого не было ничего подобного, эта достопримечательность привлекала множество посетителей еще до того, как колокол был готов их пригласить. Однажды к нам явилась плачущая мать в сопровождении встревоженной свиты и попросила разрешения подняться на башню, в чем ей, конечно, не отказали.

Раскрыв сверток, она сказала: "Это одежда моего мальчика. Вчера он был на башне, и, испугавшись высоты здания, его маленькая душа оставила тело, и ему пришлось вернуться домой без него. Сейчас он бредит от лихорадки. Мы думаем, что душа витает в этом огромном здании и что она узнает эту одежду и, завладев ею, вернется домой вместе с нами".

Когда птица сбегает из клетки, китайцы иногда подвешивают клетку на ветку дерева, и птица снова возвращается в свой дом. Они верят, что таким же образом могут поймать беглую душу. Иногда также можно увидеть человека, который стоит ночью на крыше дома, размахивая фонарем и напевая мрачными голосами приглашение блуждающему духу вернуться в свою обитель. Оправдались ли в упомянутом случае надежды бедной женщины и вернулся ли из своих странствий *блуждающий дух*, я так и не узнал, но упоминаю об этом случае как о проявлении еще одного живописного суеверия.

Китайская психология признает три души: животную, духовную и интеллектуальную. Отсутствие одной из трех душ, таким образом, не влечет за собой немедленной смерти, как это происходит в нашей дуальной системе.

Но я слишком долго задерживаюсь в своем старом доме. У нас впереди еще практически целая империя, и поэтому мы отправимся на запад, в Хангчоу.

В XIII веке здесь находилась резиденция императорского двора, и столица провинции до сих пор хранит множество признаков имперского величия. Западное озеро с его павильонами и лилиями - место, достойное императора; обширный круг городских стен, опоясывающих холмы и долины; его выгодное расположение на берегу великой реки в верховьях широкого залива - все это придает ему достоинство. Я хорошо помню тот день в 1855 году, когда по его улицам впервые прошли белые люди. Это были преподобный Генри Рэнкин и я. Хотя по договору нам не разрешалось проникать даже за кожуру "дыни", как китайцы называют свою империю, на расстояние, превышающее допустимое для возвращения домой на ночлег, мы все же нарушили границы и отправились в старую столицу Сунгов. По дороге мы остановились в городе Шаоин; и когда мы читали проповедь многочисленной и почтительной аудитории на общественной площади, сквозь толпу протиснулся хорошо одетый мужчина и пригласил нас оказать ему честь и выпить чаю в его

доме. Его особняк демонстрировал все признаки достатка; и он, ученый по профессии, стремящийся к почестям мандариата, объяснил, заказывая для нас обильную трапезу, что ему было бы стыдно, если бы ученым с Запада позволили проехать через его город, не оказав им гостеприимства. Какая вежливость! Может ли еврейское или арабское гостеприимство превзойти его?

Две вещи, которыми славится город Шаоин, - это (1) сорт рисового вина, используемый по всей империи как незаменимый на мандариновых пирах, и (2) умные адвокаты, которые считаются незаменимыми юридическими консультантами мандаринов. Это "филадельфийские адвокаты" Китая.

Когда мы въезжали в Ханчжоу, мальчишки кричали *"Во цей лай ляо"*, "японцы идут" - они никогда не видели европейцев и слышали, как их отцы говорили о японцах как о морских разбойниках, наводящих ужас на китайское побережье. До этого момента у Японии не было договора с Китаем, она никогда не вела с ним регулярную торговлю и не признавала превосходства Китая. Не прошло и нескольких лет, как эти молодые люди привыкли к западной одежде и чертам лица; и я никогда не слышал, чтобы какой-нибудь иностранец получил от них оскорбление или травму.

В 1860 году преподобный Дж. Л. Невиус, один из моих коллег, вступил во владение этим местом во имя Христа. Вскоре за ним последовал епископ Бурден из Английской церковной миссии, чей апостольский преемник, епископ Моул, теперь является резиденцией своей огромной епархии.

Не стоит упускать из виду и то, что его река является ловушкой для китов. Семь или восемь лет назад вблизи устья реки на мель село китообразное чудовище. Преподобный доктор Джадсон, президент Ханчжоуского миссионерского колледжа, отправился посмотреть на него и прислал мне отчет о своих наблюдениях. Он оценил длину кита в 100 футов; хвост был удален туземцами. Чтобы объяснить этот инцидент, необходимо сказать, что в заливе, имеющем воронкообразную форму, приливы и отливы поднимаются на необычайную высоту. Дважды в месяц, во время полнолуния и смены луны, притяжения солнца и луны соединяются, и вода с ревом устремляется внутрь, подобно приливной волне. Скученность Хангчоу не превзойдена ни Хугли, ни заливом Фанди. Суда терпят крушение, и даже чудовища глубин не в силах противостоять ярости его неодолимого натиска.

ГЛАВА V

ПРОВИНЦИЯ КИАНГСУ

Нанкин-Шанхай-Ян-Цзе-Кианг-Желтая река

Примыкающий к морю, пересекаемый Большим каналом и главной рекой империи Ян-Цзе-Кианг, богатый сельским хозяйством, рыболовством и торговлей, Киангсу - бесспорная королева восемнадцати провинций. В 1905 году она была представлена трону как слишком тяжелое бремя для одного набора офицеров. Поэтому северная часть была отделена и выделена в отдельную провинцию; но прежде чем новое правительство было организовано, вдовствующая императрица уступила уговорам и отменила свой поспешный указ, показав, как неохотно она идет наперекор желаниям своего народа. Прежде всего, Китаю необходима избирательная урна, с помощью которой народ может выразить свои желания.

Название провинции происходит от двух ее главных городов - Сучоу и Нанкина. Сучоу, Париж Дальнего Востока, соединен с Ханчоу в популярной рифме, которая представляет эти два города как образцовые:

"Шанг ю т'иен т'анг хиа ю су ханг".

"Су и Ханг, такие богатые и справедливые,
Могут сравниться с Раем".

Местный диалект настолько мягок и музыкален, что бродячие игроки из Сухоу пользуются большим спросом в соседних провинциях. Известное двустипение гласит:

"Я бы предпочел слушать, как мужчины ссорятся в приятных тонах Сухова.
Чем слушать этот горный жаргон, состоящий из вздохов и стонов".

Дальше вглубь страны, у берегов "Великой реки", стоит Нанкин, старая столица династии Мин. Маньчжуры, не желая называть его *королем*, *то есть* резиденцией империи, переименовали его в Киангнинг; но старый титул сохранился, несмотря на ревность чиновников. Поскольку он будет играть важную роль в нашей истории, мы не будем останавливаться на нем, а перейдем к Шанхаю, месту, которое, как никакое другое, контролирует судьбы государства.

Когда-то это был незначительный городок третьего порядка (столицы провинций и префектур занимают соответственно первое и второе места), но какой-то умный англичанин, заинтересованный в коммерции, понял преимущество этого места; и при заключении мира в 1842 году он стал одним из пяти портов. Он затмил собой Кантон, и больше, чем все остальные порты, демонстрирует китайцам чудеса западного мастерства, знаний и предприимчивости.

Расположенный на широком устье реки, недалеко от устья главной артерии, пронизывающей сердце Китая, он стал одним из ведущих центров мировой торговли. Родной город все еще скрывает свое убожество за низкими кирпичными стенами, но за Северными воротами лежит участок земли, известный как "Иностранные концессии". Там, словно великолепная прудовая лилия из грязных, рисовых полей, вырос прекрасный город, названный "образцовым поселением". Проведя там год, я отношусь к нему с некой привязанностью, как к одному из своих восточных домов.

Шанхай представляет собой зрелище, редкое среди морских портов мира. Его широкие улицы, ухоженные и вскоре оснащенные электрическими троллейбусами, тянутся на многие мили вдоль берегов двух рек, усыпанные роскошными деловыми домами и роскошными особняками, большинство из которых окружены садами и утопают в рощах цветущих деревьев. Эти магазины и особняки также не являются лишь образцом вкуса и роскоши. В пределах концессий царит закон - не произвол магистрата, как в других странах Китая, а результат свободы и справедливости. Иностранцы живут повсюду под защитой своих национальных флагов: и в пределах концессий. Китайцев, обвиненных в преступлениях, судит смешанный суд, который служит наглядным уроком справедливости и гуманности. Если бы было время заглянуть в туземный *ямэн*, можно было бы увидеть связки бамбука, большие и маленькие, приготовленные для бастинадо; можно было бы увидеть также винты для больших пальцев, деревянные ботинки, деревянные ошейники и другие орудия пыток, некоторые из них предназначены для превращения человеческого тела в фарш. Теперь их использование запрещено.

[Сноска *: В другом городе фермер вымогал деньги у портного, жившего на территории концессии, и тот обратился к британскому консулу за справедливостью. Консул, неопытный молодой человек, заметив, что дело касается только китайцев, передал его городскому

магистрату, который тут же приказал наложить на портного сто ударов за то, что тот обратился в иностранный суд].

В Шанхае есть школы всех классов, некоторые из них подчиняются иностранным муниципальным властям, другие - миссионерским обществам. Колледж Святого Иоанна (Епископальный колледж США) и Англо-китайский колледж (Американский М. Е.) держат пальму первенства в линии образования, которую так долго несли римские католики Сиккавея. К ним добавляются иностранные и местные газеты - последние пользуются свободой мнений, невозможной за пределами этого города-убежища, Общество распространения христианских знаний и другие бюро переводов, иностранные и местные, выпускающие книги тысячами с помощью паровых прессов, - все это образует комбинацию сил, к которой Китай уже невосприимчив.

Возобновив воображаемое путешествие, мы движемся на север и уже через час оказываемся в устье Ян-Цзе-Кианг, или Та-Кианг, "Великой реки", как называют ее китайцы. Ширина ее устья наводит на мысль об азиатском конкуренте Амазонки и Ла-Платы. Теперь мы понимаем, почему эту часть океана иногда называют Желтым морем. Река, чей объем, как говорят, равен объему двухсот сорока четырех таких рек, как Темза, вливает в него свои мутные воды, создавая новые острова и продвигая берега далеко во владения Нептуна.

Обратите внимание на длинные ряды деревьев, которые словно выходят из лона реки. Они являются жизненным поясом острова Цунмин, который шесть веков назад поднялся, подобно сказочному Делосу, с поверхности мутных вод. Принятый как дань реки Трону Дракона, сегодня он образует округ провинции с населением более полумиллиона человек. Примерно в то же время большой участок суши был унесен в море Хванг Хо, "Желтой рекой", что породило народную пословицу: "Если мы теряем в Тунгкинге, то приобретаем в Цунминге".

Первая река приходит с полным ртом жемчуга, вторая зевает, чтобы поглотить прилегающие земли. В настоящее время, однако, Желтая река пересохла и испытывает жажду: непокорный поток, противоположность горацевскому *ixorius amnis*, около сорока лет назад покинул свое старое русло и устремился в Печилийский залив (Пех-Чихли). Это произвело не меньший переполох, чем если бы Миссисипи проложила себе путь через штат, носящий ее имя, и вошла в Мексиканский залив в бухте Мобил. Подобное явление происходило через большие промежутки времени в прошлом. Своенравный поток с чем-то похожим на периодическую регулярность колебался из стороны в сторону Шантунгского мыса, а иногда протекал с разделенным течением, превращая эту территорию в остров. Однако теперь река, похоже, обосновалась в своем новом русле, войдя в залив у Ян Чиа Коу - места, которое иностранные моряки называют "коровой янки", - и внеся значительные изменения в географию земного шара.

ГЛАВА VI

ПРОВИНЦИЯ ШАНЬТУН

Киоа-Чао - посещение гробницы Конфуция - экскурсия к евреям К'ай-фун-фу - Большой канал - Чефу

Жители Шантунга выглядят гораздо более крепкими, чем их соседи с юга. Основным продуктом питания для них являются пшеница и просо, а не рис. В их садах вместо апельсинов растут яблоки, груши и персики.

В Киао-Чао (Киан-Чау) немцы, занявшие этот порт в 1897 году, построили прекрасный город напротив острова Цинтао, представляющий собой прекрасный образец для подражания, который, однако, китайцы не спешат копировать. Они также построили железную дорогу от моря до Цинань-фу, почти разделяющую провинцию. Вэйхиену суждено стать железнодорожным центром; несколько миссионерских обществ строят там колледжи, чтобы обучать людей истинам, которых Конфуций никогда не знал. Более полувека назад, когда миссионер распространял в этом регионе христианские книги, люди приносили их обратно, говоря: "У нас есть труды наших мудрецов, и их нам достаточно". Разве новые искусства и науки Запада не убедят их в том, что их мудрец не был всеведущим?

В 1866 году я заслужил почетное звание *хаджи*, посетив гробницу Конфуция - великолепный мавзолей, окруженный его потомками в семидесятом поколении, один из которых в качестве первосвященника величайшего китайского учителя имеет ранг наследного герцога.

В тот раз я приехал после посещения евреев в Хонане. Воспользовавшись зимними каникулами для экспедиции в К'айфунфу, я намеревался продвинуться через всю провинцию до Ханькоу. Однако, как я узнал к своему большому разочарованию, внутренние районы были охвачены восстанием. Ни один возчик не хотел рисковать своей шеей, своим животным и своим транспортным средством, отправляясь в этом направлении. Поэтому я направился в Шантунскую Мекку и, отдав дань памяти величайшему мудрецу Китая, переправился через Большой канал и направился в Шанхай. Из К'ай-фун-фу я добирался по суше медленно, мучительно и не без опасностей. Из Ци-нина я плыл с роскошной легкостью в хорошо оборудованном доме-лодке, размышляя над тем, в каких поэтических выражениях описать этот контраст.

Канал заслуживает названия "грандиозный", как и стена на севере - "великая". Памятники древности, они оба до сих пор не имеют себе равных в западном мире, если не считать Сибирской железной дороги. Великий Уан - это изнеженный реликт, который больше не используется; и кажется сатирой на человеческую прозорливость, что Большой канал должен был быть построен теми самыми людьми, которых Великая стена должна была исключить из Китая. Сегодня канал так же полезен, как и шесть веков назад, и остается главной славой монгольской династии.

Установив свой трон на севере и завершив завоевание восемнадцати провинций, Хубилай приказал построить этот великолепный водный путь, который протянулся на 800 миль от Пекина до Ханьчжоу и соединился с другими водными путями, обеспечивающими круговое сообщение северной столицы с провинциями крайнего юга. Его целью было освоение рисовых полей Центрального Китая и получение продовольствия, которому не могли бы помешать дерзкие морские разбойники, сомнительные японцы, уничтожившие его флоты и сделавшие неудачной его попытку завоевания. О Великой стене можно сказать, что притеснения, неизбежные при ее возведении, поспешили свергнуть дом ее строителя. То же самое, вероятно, можно сказать и о Великом канале. Мириады неоплачиваемых рабочих, которые были призваны *корвеем* из числа китайцев, впоследствии сами или их дети встали под революционное знамя, изгнавшее угнетателей-монголов.

Еще один порт этой провинции, мимо которого мы не можем пройти без восхищенного взгляда, - Чефу (Чифу). На прекрасном холме, возвышающемся над морем, развеваются флаги нескольких государств; в гавани находится скопление островов, а над поселением возвышается еще один благородный холм, увенчанный храмом и рощей деревьев. По бокам от него и на берегу моря расположены резиденции миссионеров. Там я не раз находил убежище от летнего зноя под гостеприимной крышей миссис Невилл, вдовы моего друга

доктора Дж. Л. Невиуса, который, открыв миссию в Ханчжоу, стал одним из пионеров Шантунга. В Чефу он посадил не только церковь, но и фруктовый сад. Для китайцев этот сад был ярким символом того, что его Евангелие предлагало сделать для людей.

ГЛАВА VII

ПРОВИНЦИЯ ЧИЛИ

Таку-Тяньцин-Пекин-Летний дворец-Патачу-Храмы Неба, Земли и Земледелия-Зарубежный квартал-Запретный город-Железная дорога Кинг-Хан-Паотинг-фу

Пересекая залив, мы достигаем Таку в устье Пэйхо и, минуя разрушенные форты, поднимаемся по реке к Тяньсину.

В 1858 году я провел два месяца в Таку и Тиенсине в связи с утомительными переговорами того года. В последнем месте я познакомился с пыльной дорогой к храму договора, а в первом стал свидетелем взятия фортов объединенными эскадрами Великобритании и Франции. На следующий год на той же самой территории я видел, как союзные войска были отбиты с большими потерями - поражение, отомщенное взятием Пекина в 1860 году.

Во время Боксерской войны силы помощи встретили в Тяньцине грозное сопротивление. Однако из полуразрушенного состояния он поднялся с новым величием и теперь представляет собой главную резиденцию самых могущественных наместников. Соединенный рекой с морским побережьем, Большим каналом с несколькими провинциями на юге, а также железной дорогой с Пекином, Ханькоу и Маньчжурией, Тяньцин занимает главные линии сообщения в северном Китае. В торговом отношении он занимает третье место по значимости среди договорных портов.

Три часа езды по железной дороге привели нас к воротам Пекина, северной столицы. Раньше, чтобы попасть в город, требовался еще один час. Суеверия или подозрения держали железнодорожный вокзал в отдалении, но теперь он находится у Больших центральных ворот. В отличие от Нанкина, Пекин не имеет ничего живописного или выдающегося в своем расположении. На западе и севере, на расстоянии от десяти до двадцати миль, в ландшафте выделяются гряды голубых холмов. В этих пределах глаз не видит ничего, кроме плоских полей, перемежающихся купами деревьев, заслоняющих семейное кладбище или могилу какого-нибудь вельможи.

Между городом и холмами находятся Юэнь Минг Юэнь, летний дворец императора, сгоревший в 1860 году и до сих пор представляющий собой неприглядные руины, и Эхо Юэнь, летняя резиденция вдовствующей императрицы. Окруженный двумя или тремя красивыми холмами и расположенный рядом с высокой горной грядой, он занимает место редкой красоты. Кроме того, он обладает горной водой в богатом изобилии. Не менее двадцати четырех источников бьют из подножия одного из холмов, питая красивое озеро и бесчисленные каналы. Частично разрушенный в 1860 году, этот дворец долгие годы был таким же безмолвным, как залы Пальмиры. Я часто бродил по его запущенным территориям. Теперь каждая выдающаяся скала увенчана пагодой или павильоном. Однако есть вещи, которые раб лампы не в состоянии создать даже по приказу императрицы - здесь нет почтенных дубов и высоких сосен, которые придавали бы сцене свое величие.

Патачу, расположенный на соседних холмах, был излюбленным летним курортом для легатов и других иностранцев до того, как до моря стало можно добраться по железной дороге. Его название, означающее "восемь великих мест", обозначает такое количество буддийских храмов, построенных один над другим в извилистом ущелье на склоне холма. В самом

высоком из них, называемом Жемчужным гротом, на высоте 1 200 футов над морем, я провел много лет. Я нахожусь там сейчас (июнь 1906 года), и там я рассчитываю написать заключительные главы этой работы. Эти храмы у моих ног; великий город на виду. К этому святилищу императоры иногда совершали экскурсии, чтобы получить отдаленную перспективу мира. Один из них, Киен Лунг, известный как поэт, оставил на камне несколько строк в память о своем визите:

"Зачем я поднялся на эту головокружительную высоту?
Зачем искал это горное логово?
Я ступаю по заколдованной земле,
не похожей на обиталище людей.

"Под ногами моими царство я вижу
Как на развернутой карте,
Над моей головой балдахин
украшенный золотыми облаками".

Столица состоит из двух частей: татарского города, площадью четыре мили, и китайского города, размером пять миль на три. Они разделены внушительными стенами с высокими башнями, внешняя стена имеет двадцать одну милю в окружности. В настоящее время подданным разрешено свободно общаться со своими завоевателями, но большая часть бизнеса ведется в китайском городе. Похожий на другие китайские города по своему неухоженному состоянию, этот участок содержит два императорских храма, обладающих большой святостью. Один из них, Храм Неба, имеет круглый алтарь из прекрасного белого мрамора с лазурным куполом в центре в подражание небесному своду. Здесь император объявляет о своем восшествии на престол, молится о дожде и приносит быка в жертву во время зимнего солнцестояния, обращаясь к Шанг-Ти, верховному правителю, "которым правят короли и принцы устанавливают справедливость".

Храм земледелия, стоящий на небольшом расстоянии от упомянутого, был воздвигнут в честь первого человека, возделывавшего землю. В китайском языке у него нет имени, его титул Син-нунг означает "божественный земледelec" - Церера в мужском роде. Можно ли назвать это место храмом Каина? Там император воздает должное земледелию, вспахивая несколько борозд в день весеннего равноденствия. Его пример, несомненно, ободряет и успокаивает тружеников.

Еще один храм, связанный с ними, - храм Матери-Земли, олицетворенной супруги Неба; но он находится не в этом месте. Вечная закономерность требует, чтобы он находился за пределами стен и на севере. У нее квадратный алтарь, потому что земля, как предполагается, имеет "четыре угла". "Небо круглое, а земля квадратная", - гласит первая строка школьного учебника для мальчиков. Тартарский город выстроен с идеальной регулярностью, а его улицы и переулки имеют удобную ширину.

Пройдя из китайского города через Большие центральные ворота, мы попадаем на улицу Легации, названную так потому, что на ней или рядом с ней расположено большинство легаций. Архитектурно они ничем не примечательны: одноэтажные, максимум двухэтажные, и спрятаны за высокими стенами. Стены британского легата настолько высоки и прочны, что во время Боксерской войны 1900 года они служили всему сообществу крепостью, и мы выдержали восьминедельную осаду. Мраморный обелиск у ворот легации напоминает об этой осаде, а мраморные ворота на соседней улице отмечают место, где был застрелен барон Кеттелер. После этой войны был выделен иностранный квартал, подходы к которому

были частично укреплены. Улицы значительно благоустроены, разрушенные здания отремонтированы, а общий вид старого города изменился в лучшую сторону.

Прежде чем попасть во дворец, нужно миновать еще две крепостные стены. Один из них представляет собой охраняемый барак или лагерь для дворцовой стражи и других чиновников, обслуживающих двор. Другой - священный участок, защищенный от пошлых глаз и назойливых ног, носит название "Запретный город". В год после бегства двора эти дворцы охранялись иностранными войсками и были открыты для посещения иностранцами.

Мраморные мосты, балюстрады и лестницы приводят незнакомца в недоумение. Драконы, фениксы и другие воображаемые чудовища, вырезанные на дверях и колоннах, предупреждают, что он ступает на священную землю. Земля, хотя и вымощена гранитом, далеко не чиста, а дорогая резьба внутри напоминает о поговорке одного восточного монарха: "Паук берет руками и находится в домах королей". Ни одно из зданий не имеет более одного этажа, но тронные залы и большие залы настолько высоки, что напоминают купол собора. Все крыши покрыты черепицей желтого оттенка - цвета, который не разрешается использовать даже принцам.

От дворца его отделяют ров и стена - Проспект-Хилл, очаровательное возвышение, служащее императорским садом. При падении города в 1643 году последний из Мингов повесился здесь, зарезав свою дочь, как другой Виргиний, в качестве последнего доказательства отцовской привязанности.

От ворот Запретного города до дворца чиновники высокого и низкого ранга должны идти пешком, если только Его Величество по особой милости не предоставит привилегию ездить верхом, о чем *в газете* всегда сообщается, что Его Величество "подарил лошадь" такому-то и такому-то. На улицах не встретишь ни одной тележки, а четырехколесные экипажи появились совсем недавно. Телеги, верблюды, тачки и вездесущие рикши - вот средства передвижения и локомотивы. Каналы представляют собой открытые сточные каналы, которые никогда не использовались для лодок.

Не лишенная варварского великолепия, по удобству жизни эта знаменитая столица не сравнится ни с одной деревушкой западного мира. На одной параллели с Филадельфией, но суше, жарче и холоднее, климат настолько превосходен, что в городе, несмотря на отсутствие системы санитарии, наблюдается удивительно низкий уровень смертности. В 1859 году я впервые вошел в его ворота. В 1863 году я приехал сюда жить. Как никакое другое место на земле, он стал для меня домом; и здесь я вряд ли завершу свое паломничество.

Во время своего первого визита я использовал строки Байрона о Лиссабоне, чтобы выразить свои впечатления о Пекине. Хотя сейчас в городе наблюдаются некоторые признаки улучшения, цитату вряд ли можно считать неприменимой в настоящее время. Приводим ее для удобства следующих путешественников:

"...Всякий, кто войдет в этот город,
Тому, парящему вдали, небесным покажется,
В унынии будет бродить туда-сюда,
Средь множества вещей неприглядных:
Ведь хижины и дворцы выглядят нечисто:
Грязные обитатели живут в грязи;
Ни один человек высокого или низкого положения
Не заботится о чистоте сюртука и рубашки..."

("Паломничество Чайльд Гарольда", Канто первое, ст. xvii.)

Вернувшись на станцию, мы устремляемся на юг и берем билеты до Паотинг-фу. Мы находимся на первой большой магистрали этой империи. Ее можно назвать позвоночным столбом, от которого по обе стороны, подобно ребрам, будут протянуты железные дороги, поддерживающие и скрепляющие огромный каркас. Проект, начатый около двенадцати лет назад, только недавно был завершён до Ханькоу, что составляет около шестисот миль. Последний колышек в мосту через Желтую реку был вбит в августе 1905 года, и с тех пор сквозные поезда ходят из столицы к берегам Ян-Цзе-Кианг.

Эта часть была построена бельгийским синдикатом, и они прекрасно справились со своей задачей. Хотелось бы сказать то же самое и о другой половине (от Ханькоу до Кантона), контракт на строительство которой был отдан американской компании. После предварительного обследования эта компания не стала выполнять никаких работ, а под предлогом ожидания спокойных времен наблюдала за колебаниями на рынке акций. В конце концов, все предприятие было приобретено местной компанией, выступающей против иностранного владения, с авансом в 300 процентов. Это была умная сделка; но американцы пожертвовали кредитом и влиянием своей страны, и грандиозная возможность была упущена по причине глупости и недостатка патриотизма.

Этой железной магистрали суждено в ближайшем будущем оказать могущественное влияние на людей и правительство. Она объединит провинции и заставит их почувствовать свое единство. Кроме того, она гарантирует, что сообщение между севером и югом не будет прервано, как это могло бы случиться, если бы оно зависело от моря или канала. Эти преимущества должны были быть настолько очевидны, чтобы преодолеть врожденную враждебность к развитию. Вместо того чтобы быть опасностью, эти железные дороги должны стать источником неисчислимой силы.

В 1900 году в Паотинг-фу произошла печальная трагедия, и когда на место происшествия явились войска возмездия и увидели среди пепла обугленные кости миссионеров, они хотели уничтожить весь город, но один миссионер, служивший проводником, умолял их пощадить это место. Жители были так благодарны ему за доброе вмешательство, что подарили миссии большой участок земли, показав тем самым, что, как бы легко они ни были испорчены, они не лишены лучших чувств человечности.

Продолжая путь через полдюжины значительных городов, в одном из которых, Шунте-фу, недавно была открыта американская миссия, мы достигаем границ провинции Хонань.

ГЛАВА VIII

ПРОВИНЦИЯ ХОНАНЬ

Великий мост - К'ай-фун-фу - Желтые евреи

Проехав пограничный город Вейхвей-фу, мы оказались на реке Хван-хо - не то чтобы мы испытывали какие-либо трудности при переправе на другой берег, но мы хотели бы удовлетворить свое любопытство, осмотрев средство передвижения. Это мост, и такой мост, которому нет аналогов на земле. Пять миль в длину - это больше, чем любой другой мост, построенный для перехода через реку. Однако, как уже было сказано, это не самый длинный мост в мире; надземная железная дорога Нью-Йорка - это мост гораздо большей длины. Так же как и некоторые мосты, которые проводят железные дороги через болота на Тихоокеанском побережье. Однако мосты такого рода отличаются сравнительной простотой конструкции. В них нет непокорного потока или коварных зыбучих песков, с которыми нужно

бороться. Мост Сезара через Рейн был достижением, достойным быть записанным среди побед его галльских войн; но он был детской игрушкой по сравнению с мостом через Желтую реку. Мост Сезара опирался на сескипедальные балки из цельного дерева. Бельгийский мост опирается на стальные сваи диаметром сесквипедали, забиваемые с помощью пара или ввинчиваемые в песок на глубину до пятидесяти футов.

Рядом с этим местом были и другие мосты, с которыми можно сравнить этот. Один из них назывался Та-лян, "Великий мост", и дал название городу. Другой - Пьен-лян, "Мост Пьена", одно из названий нынешнего города К'ай-фун-фу. Этот мост давно исчез, но название сохранилось за городом.

Какой неустойчивый фундамент для возведения резиденции империи! И все же за последние двадцать пять веков столица располагалась в этих окрестностях не раз и не два. Первый раз это произошло во времена династии Чжоу (1100 г. до н. э.), когда царь, желая занять более центральное положение или, возможно, опасаясь вторжения татар, оставил свою столицу в Шэньси и пошел вдоль ручья вниз почти до самого моря, храбрысь перед зыбучими песками и наводнениями вместо того, чтобы встретиться с этими ужасными врагами. И снова, в период Сун, он был резиденцией правительства в течение полутора веков.

Будучи самым безопасным убежищем для беглого двора, который, обосновавшись там, не имеет причин опасаться нападения с моря или реки, несколько странно, что в 1900 году вдовствующая императрица не направила свои шаги в сторону К'ай-фун-фу, вместо того чтобы бежать в Си-нгань. Однако, будучи сама татаркой, она могла ожидать, что будет действовать вопреки прецедентам, установленным китайскими династиями. Очевидно, она выбрала последний в качестве места убежища, поскольку он находился недалеко от границ Тартарии. Примечательно, что верный губернатор Хонана в это время готовил дворец для ее размещения в К'ай-фун-фу, а когда двор пригласили вернуться в Пекин, он умолял ее не рисковать в северной столице.

Хонан - провинция, богатая сельскохозяйственными и, вероятно, минеральными ресурсами, но не имеющая выхода к торговле. Каким благом должна стать эта железная дорога как канал связи с соседними провинциями!

Я пересек Желтую реку в 1866 году, но тогда еще не было ни одного моста. Ширина реки составляла две трети мили, а течение было неистовым, и управлять паромной лодкой было нелегко. В тот раз меня привлек объект, который притягивал сильнее, чем этот замечательный мост, - колония евреев К'ай-фун-фу, осколок потерянного колена Израиля. Как уже говорилось в предыдущей главе, я приехал по суше через тот самый путь, по которому сейчас проходит железная дорога, но в условиях, сильно контрастирующих с роскошью железнодорожного вагона - "одиноким, недружелюбным, уединенным, медленным", - я пробирался с трудом, пересаживаясь с лошади на телегу, а иногда из-за узости пути вынужден был спускаться на тачке. Как же я тосковал по появлению железного коня. Теперь со мной веселая компания, и мы можем наслаждаться умственными стимулами непрерывных заседаний Восточного общества, проходя за час большее расстояние, чем я тогда проходил за день.

О состоянии евреев К'ай-фун-фу, какими я их застал, я подробно рассказывал в другом месте. Достаточно сказать, что так называемая колония состояла примерно из четырехсот человек, принадлежавших к семи семьям или кланам. Подорванная разливом Желтой реки, их синагога пришла в негодность, и, не имея возможности ее отремонтировать, они избавились от ее бревен, чтобы облегчить давление своей крайней бедности. Осталось

лишь пустое место, отмеченное единственным камнем, на котором запечатлена переменчивая судьба этих несчастных израильтян. Здесь говорится, что их далекие предки прибыли в Китай через Индию во времена династии Хань, еще до христианской эры, и что основатели этой колонии попали в К'ай-фун-фу во времена династии Т'анг около 800 года н. э. Здесь также дается краткое описание их святой веры, показывающее, что во всех своих скитаниях они не оставляли Бога своих отцов. У них все еще было несколько свитков Закона, написанных на иврите, на овечьих шкурах, но у них больше не было раввина, который бы их толковал. Они забыли священный язык, и некоторые из них перешли в лоно Мухаммеда, чье вероучение было схоже с их собственным. Некоторые также приняли религию Будды.

[Сноска *: См. "Цикл Катая". Revell & Co., Нью-Йорк].

Мой доклад был с большим интересом выслушан богатыми евреями Шанхая, но ни один из них не положил руку в карман, чтобы восстановить разрушенную синагогу; а без этого места для сплочения колония должна вскоре угаснуть и поглотиться окружающим язычеством, или же быть приведена к принятию христианства.

Теперь я узнал, что евреи Шанхая проявили достаточный интерес, чтобы привезти несколько своих молодых людей в этот порт для обучения древнееврейскому языку. Кроме того, некоторые из этих евреев К'ай-фун-фу часто посещают христианские часовни, которые теперь открыты в этом городе. На мой взгляд, возрождение этой древней колонии было бы таким же чудом, как возвращение из плена во времена Кира.

ГЛАВА IX

РЕЧНЫЕ ПРОВИНЦИИ

Железный завод Хупе-Ханькоу-Ханьян - центр миссионерской деятельности Хунань-Куанги-Анхвеи - родная провинция Ли Хунг Чанга

Под термином "речные провинции" следует понимать те провинции центрального и западного Китая, которые доступны для сношений и торговли через Ян-Цзе-Кианг.

Продолжая наш путь, через двенадцать часов езды по железной дороге мы достигаем границы Хупе. В этом месте мы видим над собой укрепление, возвышающееся на склоне холма, который находится за линией фронта. На высоте, более чем вдвое превышающей высоту этой зубчатой стены, находится летний курорт для иностранцев из Ханькоу и других внутренних районов страны. Я посетил это место в 1905 году. По-китайски плато, на котором он расположен, называется, из-за выступающей скалы, "Гребень Петуха"; сокращенное до более выразительного названия "Петух", оно наводит на мысль о летнем покое. С него открывается великолепная перспектива, охватывающая широкую полосу обеих провинций.

Еще шесть часов - и мы прибываем в Ханькоу, один из трех городов, построенных на слиянии Хань и Ян-цзе, Триполис Китая, треножник империи, средоточие вселенной, как его ласково называют китайцы. Два других города - Вучан, столица вице-королевства, и Ханьян, расположенный на противоположном берегу реки.

В Ханькоу можно увидеть Шанхай в меньшем масштабе, а в двух других городах глаз поражают признаки перемен, которые происходят во внешнем облике китайской жизни.

В Ханьяне, куда ведет мост, можно увидеть обширную и хорошо оборудованную систему железных заводов, ежедневно производящих большое количество стальных рельсов для продолжения железной дороги. Здесь также производят большое количество железных

снарядов на случай войны. Это любимое предприятие просвещенного вице-короля Чанг Чин-тунга; но на другом берегу Ян-цзе мы имеем обнадеживающие доказательства того, что он не ограничивал свои реформы транспортом и армией. Там, на южном берегу, можно увидеть длинные стены и высокие трубы многочисленных мануфактур - хлопчатобумажных, шелковых, канатных, стекольных, черепичных, пороховых заводов - все они призваны внедрять искусство Запада и вести промышленную войну с христианскими державами. Там же, в красивом доме с видом на Великую реку, я провел три года в качестве помощника вице-короля в образовательной работе. В самом сердце Китая это была сторожевая башня, с которой я мог смотреть вверх и вниз по реке и изучать состояние этих внутренних провинций.

Этот великий центр был заранее облюбован пионерами миссионерского дела. Сорок лет назад Гриффит Джон водрузил здесь знамя креста и неустанными и плодотворными трудами снискал себе имя "апостола Центрального Китая". Кроме того, он основал колледж для подготовки местных проповедников. 1905 год стал юбилейным для его приезда в империю. Сюда же приехал Дэвид Хилл, святой человек, сочетающий в себе черты святого Павла и Джона Говарда, один из пионеров церквей Великобритании. За этими лидерами последовал целый ряд людей, которые, будучи менее выдающимися, возможно, совершили больше для продвижения Царства Христа. Без сотрудничества с такими организациями все реформаторские движения, подобные тем, что инициировал вице-король, не смогут поднять народ на уровень христианской цивилизации.

Лондонская миссия, английские уэслианцы и американские епископалы - все они имеют процветающие отделения в Вучане. Школа Буна, действующая под эгидой последнего из названных обществ, - замечательное учебное заведение, стоящее в одном ряду с лучшими колледжами Китая.

В Ханькоу Китайская внутренняя миссия представлена суперинтендантом и домом для транзитных миссионеров. В этом доме преподобный Дж. Хадсон Тейлор, основатель великого общества, которое я называю Лойолой протестантских миссий, провел несколько дней в 1906 году; и там мы с доктором Джоном сидели с ним в группе "трех старших миссионеров" в Китае.

Речные провинции можно разделить на нижние и верхние, разделительная линия проходит в Ичане у ущелий Ян-цзе. Хупэ и Хунань, Киангси и Аньвэй занимают нижнее течение реки; Сечуэнь, Квейчау и Юньнань - верхнее. Первые два образуют один вице-королевский округ, население которого превышает население любой европейской страны, за исключением России.

Хупе означает "к северу от озера"; Хунань - "к югу от озера" - великого озера Тунгтинг, лежащего между ними. Хупех открыт для торговли и проживания уже более сорока лет, но родственная провинция долгое время была герметично закрыта от следов белого человека. Двадцать или даже десять лет назад проникновение в ее пределы стоило бы европейцу жизни. Столица провинции, Чанша, была местом антииностранный пропаганды, из которой выходили массы нецензурной литературы; но беззаконная враждебность народа была сдержана благоразумной твердостью нынешнего вице-короля, и теперь этот город является местом расположения многочисленных миссионерских организаций, которые соперничают друг с другом в своих усилиях по распространению света и знаний. Он также открыт для торговли как торговый порт.

Одной из главных отличительных черт провинции является воспитание храбрых людей, одним из самых отважных из которых был первый маркиз Ценг, который во главе патриотических сил своей родной провинции отвоевал город Нанкин и положил конец

хаотическому правительству повстанцев Тайпин - заслуги, которые с тех пор были признаны китайским правительством в присвоении уроженцу Хунани титула вице-короля Нанкина.

К югу от реки находится провинция Киангси, где расположено озеро Поян, следующее по размерам за Тунгтингом. Над его входом в Киукианг возвышается одинокая гора, носящая название Кулинг. Красиво расположенная, с которой открывается широкий вид на озеро и реку, она усеяна симпатичными домиками, построенными в качестве летних курортов для людей из всех внутренних портов. Здесь можно увидеть флаги многих наций, и здесь трудолюбивый миссионер находит отдых и развлечение, без праздности; он находит клубы для обсуждения политики и философии и библиотеки, которые с лихвой восполняют отсутствие его собственных. Прямо напротив входа в озеро стоит "Маленькая сирота" - поросшая виноградом скала высотой 200 футов с небольшим храмом на вершине. Она похожа на осколок, вырванный из горного склона и посаженный в лоно ручья. Фантазия не в силах передать конвульсии, памятником которых является "Маленькая сиротка".

Еще дальше расположена провинция Аньвэй, получившая свое название от двух главных городов - Анкинга и Вэйхоу. В целом она похожа на Киангси, имеет два процветающих порта на реке - Анкинг, столицу, и Уху. О жителях нельзя сказать ничего примечательного, кроме того, что они необычайно буйны, и их беззаконный дух не был обуздан никакой сильной рукой, подобной руке наместника в Вучане[*] Провинция отличается производством великих людей, одним из которых был Ли Хун Чанг.

[Сноска *: Это было написано до бунта в Наньчане в марте 1906 года].

ГЛАВА X

ПРОВИНЦИИ ВЕРХНЕГО ЯН-ЦЗЕ

Опасный переход-Чечжуен-Квейчау, самая бедная провинция Китая-Юньнань-племя аборигенов

До сих пор наше исследовательское путешествие, как и один из походов Кука, проходило под личным руководством. Однако с этого момента я должен полагаться на опыт других: гид должен сам искать проводника, который проведет его по оставшимся частям империи.

Мы попадаем в верховья Ян-цзе через длинный и извилистый проход, по которому "Великая река" мчит с силой и ревом, подобными катарактам Рейна, только в гораздо большем масштабе. В давние времена вулканические силы разрушили горный хребет, а воды великого потока избороздили русло; но скалы, мешающие проходу, так и не снесены, остаются постоянными препятствиями для парового судоходства и являются причиной частых кораблекрушений. Тем не менее, не смотря на опасности, затмевающие Сциллу и Харибду, трудолюбивые китайцы уже несколько веков подряд осуществляют огромный грузопоток через этот опасный проход. При подъеме их джонки тянут против течения команды грузчиков, десятки или сотни последних привязаны к буксирным линиям одной лодки и везут ее, как поезд быков в Южной Африке. Медленным и трудным является подъем, но быстрым и опасным - спуск.

Несомненно, инженеры смогут устранить некоторые из препятствий и свести к минимуму опасности, связанные с этим переходом. Пар также может обеспечить другой способ тяги, который заменит эти команды людей. В перспективе еще одна революция, а именно судоходный канал или железная дорога. Последняя, возможно, сможет поднимать джонки из воды и перевозить их за пороги. Два города, однако, несколько пострадают от такого изменения способа судоходства, а именно Ичанг у подножия и Чангкинг у вершины порогов.

Последний является главным речным портом провинции Сечжуэн, площадь которой в четыре раза превышает среднюю.

Великая провинция Сечуэн, если бы у нее были преимущества морского побережья, заняла бы лидирующее положение по значимости. Но и без того она, как и Чихли, считается достаточно важной, чтобы иметь собственного вице-короля. Название означает "четыре реки", и в провинции столько же горных хребтов. Одна из них, Омешань, славится своей красотой и величием. Горы придают провинции большое разнообразие климата, а реки обеспечивают транспорт и ирригацию. Ее жители также более однородны по языку и характеру, чем жители большинства других регионов. Их язык напоминает северный мандарин. Считается, что к концу правления династии Мин все население было уничтожено в ходе братоубийственных войн того кровопролитного периода. Население, соответственно, сравнительно немногочисленно, а города, как говорят, представляют собой новую и процветающую картину. Над Сечжуэном лежат две провинции Квейчау и Юннань, образующие одно вице-королевство под названием Юнквей.

Квейчау имеет репутацию самой бедной провинции Китая с очень скудным населением, почти половину которого составляют аборигены, называемые *шан, лоло и мяоцзы*.

Юннань (что означает не "облачный юг", а "юг облачных гор") по площади соседствует с Сечжуэнем. Его ресурсы еще не освоены, но у него, несомненно, большое будущее. Его климат, если о нем вообще можно говорить, считается нездоровым, а среди его холмов много глубоких ущелий, которые, по мнению китайцев, полны *чанг-чи*, "ядовитых газов", смертельно опасных для людей и животных, как Грот дель Кане в Италии. Но эти ущелья и скалы изобилуют и лучшими вещами. Они богаты неразработанными запасами угля, а также содержат множество шахт с чистой медной рудой. Река, омывающая здешние берега, носит имя Кинша, река "золотых песков". Некоторые из ее рек имеют любопытную особенность течь в обратном направлении, то есть на запад и юг, а не к восточному морю. Поэтому китайцы называют провинцию "Тяньшэн" - страна "обратных потоков".

Говорят, что в пределах Юннаня проживает более сотни племен аборигенов, более или менее похожих на племена Квейчау и Бирмы, но каждое из них подчиняется отдельному вождю. Некоторые из них - красивые, энергичные люди, но китайцы описывают их как живущих в состоянии полной дикости. Миссионеры, однако, недавно начали работать для них, и мы можем надеяться, что, как и для карен Бирмы, для аборигенов Юннана скоро наступит лучший день.

Французы, имеющие колонии на границе, естественно, желают эксплуатировать провинции этого южного пояса, а Китай с большим подозрением относится к посягательствам с этой стороны.

ГЛАВА XI

СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЕ ПРОВИНЦИИ

Шаньси - самая ранняя из известных родина китайцев - Кансук

Из трех северо-западных провинций самая богатая - Шаньси. Более благоприятная по климату и почве, чем другие члены группы, она отличается большей плотностью населения. Отделенная от Чихли грядой холмов, вся ее поверхность холмистая, но не гористая. Высокогорья вносят разнообразие в температурный режим, сгущая влагу и поставляя воду для орошения. Долины чрезвычайно плодородны, и о них можно сказать словами Иова: "Что касается земли, то из нее произрастает хлеб, и под нею разверзается огонь". Поля не только

дают прекрасные урожаи пшеницы и проса, но и содержат обширные запасы угля отличного качества. Железная руда также встречается в большом изобилии. Горнодобывающие предприятия, соответственно, велись с древних времен, а теперь, с появлением пара, они получили новый импульс. Разумеется, из этого следует, что провинция изобилует банкирами. Шаньсийские банкиры монополизировали финансовый бизнес во всех прилегающих провинциях.

Далее на запад идет провинция Шэньси, от *shen* - "пролив или проход" (не *shan* - "холм"), и *si* - "запад".

Здесь была самая ранняя родина китайской расы, о которой сохранились какие-либо сведения. На Желтой реке, которая здесь образует границу двух провинций, стоит город Сингань, где династия Чжоу установила свой трон в двенадцатом веке до н. э. С тех пор многие династии сделали его резиденцией империи. Их дворцы исчезли, но большинство из них оставили монументальные надписи, из которых можно извлечь связную историю. Для нас самым интересным памятником является камень, воздвигнутый около 800 года н. э. в честь введения христианства несторианскими миссионерами из западной Азии.

Провинция Кансух сравнительно бесплодна. Ее границы простираются далеко за пределы областей, населенных монгольскими племенами, а соседство с большими пустынями создает засушливый климат, неблагоприятный для сельского хозяйства. Многие жители - переселенцы из Центральной Азии, исповедующие магометанскую веру. Он почти окружен Желтой рекой, как картина в золоченой раме, напоминающая о райской реке, которая "охватывает всю землю Гавилы, где есть золото". Есть ли золото в Кансухе, нам еще предстоит узнать, но, несомненно, несколько песчинок драгоценного металла можно найти среди его изменчивых песков.

ГЛАВА XII

ОТДАЛЁННЫЕ ТЕРРИТОРИИ

Маньчжурия-Монголия-Туркестан-Тибет, крыша мира-путешествие Хука и Габета.

За восточной границей Великой стены, ограниченной на западе Монголией, на севере - Амуром, на востоке - русским побережьем, а на юге - Кореей и Печилийским заливом, находится родина маньчжуров - расы, которая сейчас доминирует в Китайской империи. Китай претендует на него, как Великобритания претендовала на Нормандию, потому что ее завоеватели были выходцами из этого региона; и теперь, когда два ее соседа истощили себя в борьбе за него, она будет тщательно следить за тем, чтобы ни один из них не отнял драгоценность из ее короны.

Это замечательное достижение, завоевание Китая несколькими тысячами полувцивилизованных татар, рассматривается во второй части данной работы.

Маньчжурия состоит из трех областей, которые сейчас называются провинциями: Шенкинг, Кайрин и Хелунгианг. Все они подчиняются одному генерал-губернатору, резиденция которого находится в Мукдене, городе, священном для каждого маньчжура, поскольку там находятся гробницы отцов династии.

Коренное население Маньчжурии было призвано в гарнизоны и колонизировало завоеванную страну, а их пустынные районы были открыты для китайских поселенцев. Население трех провинций в основном китайское, и, ассимилировавшись в управлении с китайским, они считаются завершающими двадцать одну провинцию. Изобилующая

зерновыми полями, лесами и полезными ископаемыми, со всеми возможностями для торговли, ни одна часть империи не имеет более светлого будущего. Северная часть империи так мало заселена, что до сих пор остается обширным охотничьим угодьем, поставляющим на китайский рынок соболей и тигровые шкуры, а также другие виды шкур. Тигровые шкуры особенно ценны, так как имеют более длинный и богатый мех, чем бенгальские.

О маньчжурах как о народе я расскажу позже. Те, кто остался в местах их исконного обитания, крайне грубы и невежественны; однако даже эти доселе заброшенные регионы теперь попадают под просветительское влияние системы государственных школ.

[Сноска *: Часть II. стр. 140 и 142; часть III, стр. 267-280].

Монголия, крупнейшее подразделение Тартарии, если не империи, известна едва ли лучше, чем горные районы Тибета, а большая часть ее территории покрыта пустынями, такими же непривлекательными и редко посещаемыми, как африканская Сахара. Однако один маршрут, лежащий между Киахтой и Пекином, был хорошо проторен русскими путешественниками.

В царствование Канхи русские получили привилегию основать церковную миссию для служения казачьему гарнизону, который император захватил в Албазине, вторгшись на его территорию. Подобно другому Навуходоносору, он пересадил их на китайскую землю. Он также разрешил русским приносить дань "Сыну Неба" раз в десять лет. Это подразумевало право на торговлю, так что русские, как и другие посланники, по китайскому выражению, "приходили худые, а уходили жирные". Но им не разрешалось сходить с проторенной дороги: они были купцами, а не путешественниками. Только после снятия табу в последние полвека эти отдаленные территории стали исследовать такие люди, как Рихтгофен и Свен Хедин. Раньше составители карт украшали эти неизвестные регионы

"С караванами за неимением городов".

Как ни странно, здесь нет городов, за исключением Урги, святыни для паломников, резиденции живого Будды, а также Киахты и Калгана, конечных пунктов караванного пути, о которых уже упоминалось.

Киахта - это двойной город, по половине которого находится по обе стороны русско-китайской границы, представляющий собой поразительный контраст великолепия русского города и нищеты и грязи татарского лагеря. Вся страна называется по-китайски "земля травы". У ее жителей есть овчарни и скотоводческие ранчо, но нет ни полей, ни домов, разве что палатки и временные шалаши можно так назвать. И по сей день, ведя кочевой образ жизни, они переходят с места на место со своими отарами и стадами в зависимости от потребностей в воде и пастбищах.

Линии разграничения существуют для больших территорий, принадлежащих племени, но нет мелких разделов, таких как индивидуальные владения. Члены клана пользуются общими пастбищами и готовы сражаться за права своего вождя. Кровавые междоусобицы, длящиеся поколениями, такие, что могут соперничать с шотландскими кланами, случаются нередко. Их маньчжурский повелитель относится к этим племенным конфликтам с возвышенным безразличием, как и к деревенским войнам в Китае.

Монгольских вождей, или "князей", как их называют, сорок восемь. Сорок восемь князей" - фраза, столь же привычная для китайского уха, как для нашего - "восемнадцать провинций". Как и маньчжуры, они объединены в группы под восемью знаменами. Некоторые из них

принимали участие в завоевании, но маньчжуры слишком подозрительны, чтобы позволить им нести гарнизонную службу в Поднебесной, дабы не пробудить воспоминания о хане Хубилае и его славе. Однако они обязаны нести военную службу. Сэнг Ко Лин Син ("Сэм Коллинсон", как его окрестили англичане), лама-принц, возглавил северные войска против повстанцев Тай-пина, после чего потерпел поражение от англичан и французов перед воротами Пекина.

Зимой монгольские князья приезжают со своими сородичами, чтобы насладиться прелестями Камбалу, города великого хана, как они продолжают называть Пекин со времен Хубилая, великолепие которого отметил Марко Поло. Местом их стоянки является Монгольская площадь, которая переполнена шалашами, построенными из бамбука и покрытыми войлоком. На своеобразном базаре можно увидеть пирамиды из масла и сыра - двух товаров, которые являются отвратительными для китайцев юга, но очень ценятся китайцами в Пекине, а также маньчжурами. Можно также увидеть горы совершенно свежей оленины; замороженные туши "желтых баранов" (на самом деле это не бараны, а антилопы); затем идут кабаны в изобилии, барсуки, зайцы и отряды живых собак - последние должны быть только дикими, чтобы сделать их съедобными. Это дает слабое представление о вкладе Монголии в роскошь метрополии. Будучи убежденным буддистом, средний монгол считает воздержание от животной пищи недостижимой для себя степенью святости.

Монголы из простонародья одеты в грязные овечьи шкуры. Их дворянство и священство одеваются в добычу волка или лисы - более дорогую, но не более чистую. Также можно заметить меха, войлок и шерстяные ткани самой грубой фактуры. Одежду из верблюжьей шерсти, подпоясанную кожаным поясом по примеру Иоанна Крестителя, можно увидеть в любой день, и ее носители не вызывают жалости.

Их верблюды тоже прекрасно приспособлены к своей среде обитания. Снабженный двумя горбами, он несет естественное седло, а одетый в длинную шерсть желтого, коричневого или черного цвета, зимой он выглядит величественным зверем. Его руно никогда не сбривают, а сбрасывают летом. В это время бедное голое животное представляет собой самое жалкое из созданий. В отсутствие железных и автомобильных дорог оно занимает место корабля пустыни и выполняет самые тяжелые работы, такие как перевозка углей и соли. Самый покорный из рабов, по одному слову хозяина он опускается на колени и спокойно принимает свою ношу.

В Пекине есть ламасарий, где четыреста монгольских монахов содержатся в безделье за счет императора. Их манеры - это манеры разбойников. Известно, что они накладывали грубые руки на посетителей, чтобы вымогать благотворительную подачку; и, если верить слухам, их мораль далека от образцовой.

Мои знания о монголах основаны главным образом на том, что я видел их в Пекине. Я также видел их страну в Калгане, за Великой стеной. Несколько строк из караванной песни преподобного Марка Уильямса дают представление о долгом путешествии на этих медленных повозках:

"Мы продвигаемся вперед, мы продвигаемся вперед,
Со скоростью улитки мы продвигаемся вперед,
Наши кони выносливы, наши верблюды сильны,
Мы все достигнем Урги, продвигаясь вперед".

"То, что обычно, все люди презирают;
Но эти вещи в пустыне мы ценим больше всего.

Ведь вода дороже огромных мешков с золотом.
А алмазы - бриллианты несметной стоимости".
- *A Flight for Life*, Pilgrim Press, Boston.

Политически Туркестан не является Монголией, но Тамерлан, хотя и родился там, был монголом. Его потомками были моголы Индии. В разные эпохи по монгольскому плато бродили народы, называемые тюрками и гуннами, а по Туркестану - монголы. Провести демаркационную линию не так просто и важно. В современном Туркестане большинство населения следует за пророком из Мекки. Россия поглотила большинство ханств и не раз пыталась посягнуть на части, принадлежащие Китаю. В одном случае ей помешало мужество вице-короля Чанга, и она была вынуждена уступить, но эту историю я оставляю для продолжения. Желанным регионом был Или, а предлогом для пересечения границы послужило хроническое состояние войны, в котором находились жители.

Тибет - земля Великого Ламы. Является ли он просто данником или частью Китайской империи? Этот вопрос горячо обсуждался в течение последних двух лет - его подняла экспедиция полковника Юнгхазбенда и договор, заключенный в Лхасе. Вместо того чтобы обратиться с жалобами к пекинскому двору, индийское правительство предпочло решить вопрос на месте, игнорируя авторитет Китая. Естественно, Китай был спровоцирован на то, чтобы проинструктировать своего резидента в Лхасе о необходимости отстаивать свои права.

Предположительное утверждение может быть основано на том, что Великий лама укрылся в Урге, где он оставался до тех пор, пока вдовствующая императрица не приказала ему вернуться на покинутый пост. Китай всегда имел своего представителя при его дворе, но его функции, по-видимому, были скорее политическим шпионом, чем надсмотрщиком, губернатором или даже советником. Влияние Китая в Тибете практически *нулевое*. Для Китая утверждать свою власть путем вмешательства и возлагать на себя ответственность за недостатки Тибета было бы сомнительной политикой, против которой две войны должны были бы послужить достаточным предупреждением. Она была вовлечена в войну с Францией своим вмешательством в Тонкин и с Японией - вмешательством в Корею. Слишком активное вмешательство в дела Тибета может легко свести ее с Великобританией.

В каком-то смысле буддийский папа может по праву претендовать на звание самого высокого из земных владык. Никто другой не восседает на троне на равной высоте над уровнем моря. Как и Мельхиседек, он не имеет ни отца, ни матери - каждый занимающий трон является свежим воплощением Будды. Признаки буддашипинга известны только посвященным, но предполагается, что они заключаются в распознавании мест, лиц и одежды. Эти ламы никогда не умирают от старости.

В то время как в других частях Империи преобладает полигамия для тех, кто может себе это позволить, в Тибете появляется полиандрия. Что из них более оскорбительно для доброй морали, решать не будем; но разве не очевидно, что конфуцианство демонстрирует свою слабость с одной стороны, как и буддизм - с другой? Народ, который терпит и то, и другое, вряд ли заслуживает того, чтобы считаться цивилизованным.

Китайцы называют Тибет "крышей мира", и большая его часть так же бесплодна, как крыша дома. И все же крыша, хотя и не производит ничего, собирает воду для орошения сада. Тибет - мать великих рек, и питает она их из своих вечных снегов. На ее высокогорье есть озеро или скопление озер, которые китайцы *называют Синг Су Хай*, "море звезд". Из него берет начало Желтая река и, возможно, Ян-Цзе-Кианг. Китайская легенда гласит, что Чанг Чиен на

плоту добрался до истоков Желтой реки и оказался в Млечном Пути, *Тяньхо*, "Небесной реке".

Пятьдесят лет назад два бесстрашных французских миссионера, Гюк и Габет, добрались до Лхасы, но им не позволили там остаться. Китайские жители сделали их пленниками, под предлогом предоставления защиты, и отправили на морское побережье через сердце империи. Таким образом, они смогли увидеть обширные внутренние районы в то время, когда они были закрыты как для путешественников, так и для миссионеров. Бессмертным памятником этого авантюрного путешествия является опубликованное "Путешествие" Хука .

Таким образом, мы обошли весь Китай и заглянули в большинство его отдаленных зависимых территорий. Дальнейшее изучение Тибета мы можем отложить до тех пор, пока она не заявит о своих претензиях на господство в этом горном регионе. Обширность Китайской империи и многочисленность ее населения пробуждают в сознании множество вопросов, на которые ничто, кроме истории, не может дать адекватного ответа. Поэтому мы обращаемся к оракулу, ответы которого, возможно, менее сомнительны, чем ответы Дельф.

ЧАСТЬ II

ИСТОРИЯ В ОБЩИХ ЧЕРТАХ С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО XVIII ВЕКА

ГЛАВА XIII

ПРОИСХОЖДЕНИЕ КИТАЙЦЕВ

Родительский фонд - мигрирующий народ - они вторгаются в Китай с северо-запада и колонизируют берега Желтой реки и Хань - их конфликты с аборигенами - туземные племена, поглощенные завоевателями

То, что родительская семья, от которой произошла китайская нация, была небольшим мигрирующим народом, подобно коленам Израиля, и что они вошли в землю обетованную с северо-запада, вполне определено; но проследить их предыдущие странствия до Шинара, Индии или Персии было бы пустой тратой времени, поскольку необходимые данные отсутствуют. Даже в пределах их назначенных владений рассказы об их ранней истории слишком туманны, чтобы их можно было принять за достоверные.

Судя по всему, они начали свою завоевательную карьеру с колонизации берегов Желтой реки и берегов Хань. Медленными шагами они продвигались на восток к центральной равнине и на юг к Ян-цзе-Киангу. В ту раннюю эпоху, между 3000 и 2000 годами до н. э., они обнаружили, что страна уже занята различными дикими племенами, которых они считали дикарями. В своих ранних традициях они описывают эти племена соответственно четырьмя словами: южные племена называются *Ман* (слово с радикалом шелка); восточные - *И* (с радикалом лука); северные - *Тух* (представленные собакой и огнем); западные - *Чжун* ("воинственные, свирепые", символ их идеограммы - копье). Каждое из этих названий указывает на нечто характерное. Возможно, некоторые из этих племен были прядильщиками шелка, некоторые - охотниками, и все они - грозными врагами.

Самая ранняя книга истории открывается конфликтами с аборигенами. Не приходится сомневаться, что медленное продвижение захватчиков по течению тех потоков, на которых впоследствии были расположены древнейшие столицы китайцев, было вызвано необходимостью бороться с ними. Шунь, второй государь, о правлении которого сохранились сведения (2200 г. до н. э.), как говорят, вел войну с Сан Мяо, тремя племенами мяоцзе или аборигенов, термин, который до сих пор применяется к независимым племенам

юго-запада. Побитый на поле боя или, по крайней мере, потерпевший временное поражение, он предался религиозным обрядам, совершая подношения и молясь верховному правителю Шанг-ти. "Через сорок дней, - говорится в статье, - туземцы покорились".

В отсутствие каких-либо объяснений можно сделать вывод, что во время приостановки военных действий велись переговоры, которые привели не к уничтожению туземцев, а к их объединению с более цивилизованными соседями. Это первое зафиксированное объединение такого рода, несомненно, было примером процесса роста, который продолжался в течение многих веков и привел к поглощению всех туземных племен на севере Ян-цзе и большинства тех, что были на юге. Расширяющееся государство в конечном итоге состояло из огромного количества туземцев, которые подчинились своим цивилизованным завоевателям, подобно тому как жители Мексики и Перу согласились на управление горсткой испанцев[*].

[Сноска *: И по сей день в основной массе населения этих стран можно обнаружить лишь незначительные следы испанской крови. Хуарес, знаменитый диктатор, был чистокровным индейцем].

До христианской эры не сохранилось ни одного достоверного свидетельства о постоянных завоеваниях в Китае к югу от "Великой реки", хотя военные экспедиции в этом направлении были нередки. Жители северных провинций называли себя *хань-цзинь*, "люди Хань" или "сыновья Хань", а жители южных - *т'анг-цзинь*, "люди Т'анг". Не указывает ли это на то, что если первые были сформированы в единство великой династией, получившей свое название от реки Хань (206 г. до н. э.), то вторые стали китайцами только в блестящий период Т'ангов, почти тысячу лет спустя? Нет необходимости приводить дополнительные подтверждения, чтобы показать, что империя Дальнего Востока, современная Древнему Риму и превосходившая его по уровню цивилизации, охватывала менее восемнадцати провинций собственно Китая. Из девяти районов, на которые ее разделил Та-юй в 2100 году до н. э., ни один не находился к югу от "Великой реки".

ГЛАВА XIV

МИФИЧЕСКИЙ ПЕРИОД

История сотворения мира - П'ан-ку, древний основатель - Три государя - Пять правителей - Начало человеческой цивилизации - Золотой век - Яу, бескорыстный монарх - Шунь, образец домашних добродетелей - История Та-юй - Возникновение наследственной монархии

В отличие от греков и индусов, китайцы не обладают тем воображением, которое порождает поэтическую мифологию. Однако они не лишены той расовой гордости, которая склонна претендовать на прошлое, равно как и на будущее. Соответственно, они создали не мифологию, а вымышленную историю, которая начинается с сотворения мира.

Как были созданы люди и животные, они не говорят; но они утверждают, что небо и земля были объединены в состоянии хаоса, пока божественный человек, которого они называют П'ан-ку, "древний основатель", не разорвал их на части. На изображениях он изображен с кувалдой, отделяющей солнце и луну от возвышающихся над ними холмов, - гротескная концепция, сильно контрастирующая с простым и возвышенным утверждением: "Бог сказал: "Да будет свет", и был свет". За П'ан-ку последовало божественное существо по имени Нью-ва, в отношении которого неясно, в каком роде говорить - женском или мужском. О ней, чаще называвшейся царицей, чем царем, говорится, что, когда часть неба обрушилась

(вероятно, из-за некачественной работы ее предшественника), она восстановила его с помощью драгоценных камней разных цветов. *Lien shih pu tien*, "замостить небо драгоценными камнями", - это набор фраз, которыми китайцы обозначают нечто сказочное и абсурдное.

Вместо того чтобы заполнить долгий промежуток между сотворением мира и рождением истории богами и феями, китайцы покрывают этот период тремя государями, которых они называют по имени своей любимой триады - небо, земля и человек, давая им соответствующие титулы Тьен-хван, Ти-хван и Цзинь-хван. Каждый из них царствовал восемнадцать тысяч лет; но над чем они царствовали, неясно. Во всяком случае, они, похоже, мало способствовали комфорту своего народа; ведь к концу этого долгого периода у несчастных жителей империи - единственной страны, существовавшей тогда на земле, - не было ни домов, ни одежды, ни законов, ни писем.

Далее следуют пять персонажей, которые в соответствии с китайскими историческими традициями наделены императорским достоинством и называются У-ти, "пять правителей". В совокупности они представляют собой первое появление полезных искусств, грубые зачатки человеческой цивилизации. Один из этих правителей, заметив, что птицы строят гнезда, научил свой народ строить хижины, отчего его называли "строителем гнезд". Другой был Прометеем своего времени и добыл огонь, правда, не украв его у солнца, а честно работая над ним с помощью двух кусков дерева, которые он натер вместе. Третий из этих правителей, по имени Фухи, по-видимому, был учителем своего народа в искусстве разведения домашних животных; другими словами, он положил начало пастушеской жизни и, возможно, стал инициатором жертвоприношений. Четвертый по порядку ввел земледелие. Как уже говорилось в предыдущей главе (см. [стр. 36](#)), у него нет другого имени, кроме Син-нунг, "божественный мужей"; под этим именем ему по сей день поклоняются как китайской Церере. Император каждую весну приходит в его храм, чтобы вспахать несколько борозд в качестве поощрения своего народа. Последнего из пяти персонажей называют "желтым правителем" - то ли из-за цвета его одеяний, то ли как правителя желтой расы, остается под вопросом. Ему приписывают изобретение письма и шестидесятилетнего цикла - основы китайского летоисчисления (2700 г. до н. э.).

В отличие от долгих сумерек, которые предшествуют рассвету в высоких широтах, полумифический век был краток и охватывал не более двух царствований - Яо и Шуня. Конфуций относил их к "пяти правителям". Чтобы освободить для них место, он опускает первых двух; на остальных он ссылается редко, но, похоже, принимает их как реальных личностей. Он не критик; но он проявил здравый смысл, проведя линию не дальше назад. Он сделал эпоху этих последних золотым веком (2356-2206), который является не творением поэта, а замыслом философа, желавшего иметь свободное пространство, на котором он мог бы строить свои политические теории. Более того, он нашел в этих первобытных временах некоторые черты, которые его сильно очаровали. Простота и свобода, царившие в те далекие времена, были для него очень привлекательны.

Рассказывают, что Яо, тип бескорыстного монарха, во время инспекционной поездки под видом крестьянина услышал, как старик поет эту песню под ноты своей гитары:

"Я пашу землю мою и ем хлеб мой,
Я копаю свой колодец и пью свою воду:
Что мне до царя и двора?"

Яо вернулся в свой дворец, радуясь, что состояние его страны таково, что народ смог забыть его.

Еще одна особенность, которую китайцы подчеркивают, - это тот факт, что в те времена занятие трона не было наследственным. Говорят, что Яо царствовал сто лет. Когда он состарился, то с горечью увидел, что его сын не проявляет никаких признаков того, что он достойный преемник. Поэтому, отложив его в сторону, он попросил своих министров порекомендовать кого-нибудь в качестве наследника. Все они сошлись на кандидатуре Шуня. "Каковы его достоинства?" - спросил царь. "Филиальное благочестие и братская доброта", - ответили они. "Благодаря этим добродетелям он провел реформу в семье, отличавшейся испорченностью". Король пожелал узнать подробности, и они рассказали следующую историю:

"Отец Шуня - злобный, слепой человек. У него есть жестокая мачеха и эгоистичный младший брат. Этот мальчик, любимец своих родителей, относился к Шуню с наглостью, и отец с матерью объединились в преследовании старшего сына. Шунь, не выказывая обиды, громко воззвал к Небу и получил терпение, чтобы вынести их суровость. Долгом и привязанностью он завоевал сердца всех троих". "Приведите его ко мне, - сказал царь, - у меня есть еще одно испытание, на котором я проверю его добродетели". Яо сделал его своим зятем, сразу же отдав ему двух своих дочерей. Он хотел проверить, будет ли хороший сын и брат также хорошим мужем и отцом - примером для своего народа во всех его домашних отношениях. Шунь принял испытание со сдержанной покорностью и вел себя так, как было угодно старому царю, который возвел его на трон. Проще говоря, пятьдесят лет, отчасти в качестве соратника Яо, Шунь последовал примеру своего тестя. Пропустив мимо ушей собственного сына, он оставил трон Та-юю или Юю, человеку, на долю которого выпали испытания куда более серьезные, чем жить в одном доме с парой хорошеньких принцесс.

Вопрос, обсуждавшийся в школе Менция много веков спустя, может быть приведен здесь для того, чтобы пролить свет на использование китайскими школьниками примеров этого периода. "Предположим, - спросил один из учеников, - что отец Шуня убил человека, позволил бы Шунь, будучи царем, осудить его?" "Нет, - ответил мастер, - он отказался бы от трона и, взяв отца на плечи, убежал бы на берег моря, радуясь тому, что исполнил долг сына". Шунь и по сей день считается образцом домашней добродетели, занимая первое место в списке из двадцати четырех человек, отмеченных сыновней почтительностью.

Испытание, на котором были доказаны добродетели Та-ю, представляло собой необычайный инженерный подвиг - не что иное, как усмирение вод потопа. "Воды, - сказал царь, - окутали высокие холмы и нагло угрожают самому небу. Кто найдет нам человека, способного взять их в руки и удержать на месте?" Его министры рекомендовали некоего Куна. Кун не справился с задачей, и Шунь, который в данном случае вряд ли может служить образцом справедливого правителя, предал его смерти. Тогда эту задачу возложили на Та-юя, сына казненного. После девяти лет невероятных трудностей он довел дело до успешного завершения. За это время он охватил своим вниманием реки не одной провинции, вычерпывая, выкапывая и вырывая каналы. Трижды он проходил мимо собственной двери и, хотя слышал крики своего младенца-сына, ни разу не вошел в его дом. Сын преступника, которого постигла смерть, получил трон в награду за свое усердие и способности.

Храм в Ханьяне, у слияния двух рек, посвящен подвигу Та-юя, который, безусловно, полностью отбрасывает в тень труды Геракла. На противоположном берегу реки стоит столб, исписанный древними иероглифами, который, как утверждается, фиксирует это великое достижение. Она является копией той, что стоит на горе Ханг, а иероглифы, выполненные в стиле головастика, настолько древние, что у современных ученых существуют сомнения относительно их истинного значения. Соответственно, каждая буква сопровождается ее эквивалентом на современном китайском языке. Камень утверждает, что его воздвиг сам Та-

юй, что дает основания для подозрений, но доказал, что это выдумка более позднего времени, хотя и очень древняя.

[Сноска *: Доктор Хениш из Берлина приложил немало усилий, чтобы разоблачить это самозванство].

В два предыдущих царствования государь всегда руководствовался общественным благом, а не семейными интересами - форма монархии, которую китайцы называют выборной, но которая никогда не соблюдалась, за исключением того, что император пользуется правом выбора среди своих сыновей независимо от первородства. Человек, на которого возлагают вину за отход от бескорыстной политики Яо и Шуня, - это тот самый Та-юй. Он оставил трон своему сыну и, как говорят китайцы, "сделал из империи семейное поместье".

Это повествование взято из "*Шу-Кинга*" или "Книги истории", самой почитаемой из пяти классических книг, написанных Конфуцием; но читатель легко поймет, что в нем не больше истории, чем в рассказах Кодруса или Нумы Помпилия.

Во времена правления Яо мы имеем рассказ об астрономических наблюдениях, проведенных с целью определения продолжительности года. Король велит одному человеку отправиться на восток, а другому - на запад, чтобы наблюдать за кульминацией и транзитом определенных звезд. В результате, по его словам, они обнаружат, что год состоит из 366 дней, что является близким приближением для той эпохи. Нелепость этого стиля, который приписывает принцу всезнание и оставляет его агентам только задачу проверки, не должна умалять заслуг их наблюдений. Полученный результат был примерно таким же, как и у вавилонян в ту же дату (2356 год до н. э.).

Другие правители, которым приписывают великие изобретения, вероятно, сделали их таким же образом. Будь то при Фухи или Хванг-ти, Цанг-киэ признается Кадмом Китая, автором его письменных иероглифов; а Танао, министр Хванг-ти, признается автором цикла из шестидесяти. Можно представить, что оба этих императора призвали своих министров и сказали одному: "Иди и изобрети искусство письма", а другому: "Разработай систему хронологии".

Точно так же предшественникам Яо приписывают зарождение культуры шелкопряда и открытие магнитной иглы, вероятно, исходя из того, что сокровища являются собственностью короля, и если не удастся найти претендента на эту честь, ее следует приписать какому-нибудь древнему монарху. Производство шелка, как женское занятие, они приписывают супруге одного из этих достойных людей - вещь маловероятная, если не невозможная, поскольку ее место жительства находится на севере Китая. Их изображения рассказывают совсем другую историю. Их слово, обозначающее южного варвара, состоящее из слов "шелк" и "червь", указывает на юг как на источник этой полезной промышленности, так же как наше слово "шелк", происходящее от *sericum*, указывает на Китай как на источник его происхождения.

ГЛАВА XV

ТРИ ДИНАСТИИ

Дом Хиа-Та-ю проявляет заботу о своих подданных - Чрезмерность Киэ - Дом Шан-Шан-Тан, основатель, приносит себя в жертву и вызывает дождь - Чжоу-Син поджигает свой дворец и погибает в пламени - Дом Чжоу

Династии Хиа, Шан и Чоу вместе взятые охватывают двадцать два века, предшествующих христианской эре. Первая занимает 440 лет, вторая - 644, а последняя, в условиях смуты и анархии, влечет жалкое существование в течение 874 лет. Их объединяют в группы Сан Тай или Сан Ванг, "Три Дома Королей", потому что этот титул носил основатель каждого из них. Некоторые из их преемников назывались *Ту*; но *Хванг-Ту*, термин "император", используемый в настоящее время, никогда не использовался, пока его не принял строитель Великой стены после свержения феодальных государств и объединения империи, в 240 году до н.э.

ДОМ ХИА, 2205-1766 ГГ. ДО Н.Э.
(17 королей, 2 узурпатора)

В отличие от большинства основателей царских домов, которые вступают на престол через потоп крови, Та-юй, как было показано в последней главе, взошел на этот престол через потоп воды. Подобно Ною, герою более раннего потопа, он, похоже, по крайней мере, однажды слишком вольно отнесся к употреблению вина. Глава "Книги истории", озаглавленная "Предостережение против вина", сообщает нам, что некий Ити, изготовив вино, преподнес его своему принцу. Та-юй был в восторге от него, но отказался от употребления, сказав, что в будущем короли потеряют свои троны из-за пристрастия к этому напитку. В Китае "вино" - это общее название всех опьяняющих напитков. То, о чем говорится в этом отрывке, несомненно, было перегонкой из риса или проса.

При исполнении своих государственных обязанностей Та-юй проявлял не меньшее усердие, чем в борьбе с водами. Он повесил у своей двери колокольчик, в который могли позвонить самые бедные из его подданных и таким образом получить немедленное внимание. Рассказывают, что, принимая ванну, услышав колокольчик, он иногда спешил выйти, не поправляя одежду, а во время трапезы, если раздавался звонок, он не давал себе времени проглотить рис.

Перед тем как сложить с себя тяжкий сан, Та-юй приказал отлить девять медных треножников, на каждом из которых была изображена карта или описание одной из провинций империи. В последующие века они стали считаться главным патентом императорской власти. Однажды один феодальный князь задал вопрос: "Насколько тяжелы эти треножники?". Государственный министр, заподозрив намерение снять их и узурпировать власть, ответил длинной речью, доказывая божественное поручение своего господина, и спросил в заключение: "Зачем же тогда спрашивать о весе этих треножников?"

О последующих царствованиях не сохранилось ничего достойного повторения, кроме падения династии. Однако это объясняется скорее скудостью языка того времени, чем незначительностью семнадцати царей. Разве не вероятно, что они были заняты тем, что отстаивали свои права на девять провинций, изображенных на треножниках?

Говорят, что Киэ, последний король, попал под очарование прекрасной женщины и проводил время в недостойных каруселях. Он построил гору из плоти и наполнил резервуар вином, а чтобы развлечь ее, заставил 3000 своих придворных встать на четвереньки и пить из резервуара, как множество коров.

ДИНАСТИЯ ШАН, 1766-1122 ГГ. ДО Н.Э.
(28 царей)

Основателем этой династии был Шан-тан, или Чэн-тан, который к великой доблести добавил добродетели гуманности и справедливости. Жалея о притеснениях народа, он пришел к нему как избавитель, и легкомысленный тиран был вынужден уйти в неизвестность. Еще более

выдающимся проявлением общественного духа стало принесение себя в жертву, чтобы умиловить гнев Небес. Во время продолжительного голода, когда его молитвы не принесли дождя, прорицатели сказали, что нужна человеческая жертва. "Это буду я", - ответил он и, сняв свои царственные одежды, возложил себя на алтарь. Обильный дождь стал ответом на этот акт преданности.

Преемником Шанг-танга стал его внук Т'ай-киа, который находился под опекой мудрого министра по имени И-инь. Заметив праздность и любовь к удовольствиям юноши, министр отправил его на три года в отставку, чтобы тот приобрел привычку к трезвости и трудолюбию. Заслуживает внимания то обстоятельство, что министр, вместо того чтобы сохранить власть в своей семье, вернул трон его законному владельцу.

Другой король из этого дома, по имени П'ан-кенг, не может похвастаться ничем, кроме того, что пять раз переносил свою столицу. Поскольку нам не говорят, что его преследовали мстительные враги, остается предположить, что он спасался от катастрофических наводнений или, возможно, под влиянием глупого суеверия искал более удачное место.

Дела шли все хуже и хуже, и в конце концов Чжоу-синь превзошел в злодейских излишествах того, кто принес гибель Дому Хиа. Дом Шан, конечно же, постигла та же участь. Честолюбивый, но добросердечный принц пришел на помощь народу и был принят им как избавитель. Тиран, видя, что все потеряно, облачился в праздничные одежды, поджег свой дворец и, подобно другому Сарданапалу, погиб в пламени.

Он и Киэ составляют пару, которая подлежит вечному порицанию в качестве предупреждения тираническим принцам. Как и его далекого предшественника, Чоу-сина, по преданию, подтолкнула к злодеяниям злая женщина по имени Та-ки. Можно предположить, что ни один, ни другой не нуждались в подобном побуждении. Согласно истории, плохие короли обычно хуже плохих королей. В Китае же женщина считается неуместной, когда она прикладывает руку к государственному штурвалу. Отсюда и тенденция очернять имена знаменитых придворных красавиц.

Если верить Менцию, сами тираны были не такими уж расточительными, как их представляет история. Он говорит: "Грязная вода имеет свойство скапливаться в самых низких раковинах"; и он предупреждает князей своего времени не ставить себя в такое положение, когда будущие века будут продолжать поносить их память.

О мудрых основателях этой династии говорят, что они "сделали религию основой образования", как и римляне, которые гордились преданностью своим богам. В обоих случаях естественная религия выродилась в грубое суеверие. По числу своих богов китайцы превзошли римлян, а поклонение многим из них они относят к династии Шан.

Следующая династия, династия Чжоу (35 правителей, 1122-249 гг. до н. э.), заслуживает отдельной главы.

ГЛАВА XVI

ДОМ ЧОУ

Вэнь-ван, основатель - подъем и прогресс культуры - коммунистическое землевладение - происхождение термина "Срединное царство" - герцог Чжоу и Чэн-ван, "Завершитель" - королевский путешественник - Ли и Юй, два плохих короля

Милосердным завоевателем, который в это время спас народ от угнетения, был У-ван, воинственный царь. Он нашел, как говорят, людей, "висящих вниз головой", и поднял их на ноги. Накануне решающей битвы он обратился к своим войскам с речью, взывая к божеству как к арбитру и выражая уверенность в результате. "У тирана, - сказал он, - десять мириад воинов, а у меня - всего одна мириада. Однако у его солдат десять мириад сердец, а у моей армии - всего одно сердце".

Когда битва была выиграна, он вывел своих боевых коней на пастбище и постановил, что они навсегда должны быть свободны от ярма и седла. Мог ли он быть менее гуманным в обращении со своими новыми подданными?

Свою победу он приписывает десяти мудрым советникам, одним из которых была его мать. Однако история в значительной степени приписывает ее его отцу, Вэнь-вану, , который тогда уже умер, но подготовил почву для триумфа своего сына.

Вэнь-ван, Боклерк из рода Чоу, - одна из самых заметных фигур в древней истории Китая. Будучи вассальным принцем, он не столько благодаря военной доблести, сколько благодаря мудрому управлению сумел расширить свои владения так, что стал обладателем двух третей империи. Его мудрость заслуживает похвалы за то, что он все еще платил дань уважения своему слабому вождю. Однако последний, должно быть, относился к нему с подозрением, так как Вэнь-ван был брошен в тюрьму и обрел свободу только ценой большого выкупа. Вэнь-ван, очевидно, предвидел смертельную схватку; рассказывают, что, увидев старика, который ловил рыбу, он узнал в нем способного полководца, покинувшего службу тирана. "Ты, - сказал он, - тот самый человек, которого я искал", и, взяв его в свою колесницу, как Иеху взял Ионадава, он ликовал в уверенности в грядущей победе. Рыбаком был Кианг Тай Кунг, родоначальник королевского дома Цай в Шантунге. В возрасте восьмидесяти одного года он принял командование конницей и председательствовал на советах своего нового господина.

Боклерк, Вэнь-ван, должен был стать настоящим основателем новой династии, ведь теперь впервые эти изображенные символы превратились в живые цветы, с которых собираются плоды обучения и философии. Возникновение и развитие щедрой культуры - главная характеристика дома Чжоу. Помимо поощрительных писем Вэнь-ван внес большой вклад в новую литературу. Он известен как комментатор "Книги перемен" *И-Кин*, , которую Конфуций считал глубочайшей из древних классических книг, но которую он так и не понял.

Теоретически при этой и предыдущей династии не существовало частной собственности на землю. Пахотная земля была разбита на участки по девять квадратов, таким образом:

Восемь из них были отданы людям для самостоятельной обработки, а средняя площадь была зарезервирована для правительства и обрабатывалась совместным трудом всех. Говорят, что простодушные души того времени молились о том, чтобы дожди сначала шли на общественное поле, а затем посещали их личные угодья.

Позднее выяснилось, что эта коммунистическая схема не работает идеально, как утверждают, из-за упадка общественной добродетели. Один государственный деятель по имени Шаньян перевел владение землей в простое пользование - естественная эволюция, которая, однако, была расценена как слишком революционная и вызвала осуждение населения.

Очаровательная простота приведенной выше маленькой диаграммы, казалось бы, должна была подсказать расположение вотчин в государстве, в котором нерегулярная феодальность прежних времен превратилась в симметричную систему. В центре находился государь, а по четырем сторонам последовательными рядами располагались феодальные бароны. Центральная часть была названа *Chung Kwoh*, "Срединное царство", титул, который стал применяться ко всей империи, подразумевая, конечно, что все народы земли являются ее вассалами.

Устроенное в порядке лагеря и управляемое с военной энергией, новое государство процветало в течение нескольких царствований. Однако в конце концов, пораженные болезнью сердца, члены государства перестали подчиняться велениям главы. Упадок и анархия написаны на последних страницах истории Дома Чжоу.

Царь-батюшка умер молодым, оставив своего малолетнего наследника на попечение брата, герцога Чжоу. Последний, унаследовавший вкусы и таланты Вэнь-вана, явно был тем человеком, которого великий мудрец взял за образец. С верностью и умением он завершил умиротворение государства. Заслуга в этом досталась его подопечному, который получил титул *Чэн-вана*, "Завершителя".

Обвиненный в интригах с целью узурпации трона, герцог сложил с себя полномочия и удалился от двора. Юный принц, открыв золотую шкатулку, обнаружил в ней молитву своего дяди, составленную и запечатанную во время тяжелой болезни короля, в которой тот умолял Небеса принять его жизнь в качестве выкупа за своего королевского подопечного. Это трогательное доказательство преданности развеяло все сомнения, и верный герцог был отозван к уже повзрослевшему монарху.

Даже во время несовершеннолетия своего племянника герцог никогда не появлялся в его присутствии иначе, чем в полном придворном наряде. Однажды юный король, играя с младшим братом, вручил ему пальмовый лист со словами: "Это будет твоим патентом на дворянство. Я делаю тебя герцогом такого-то и такого-то места". Регент стал возражать, и тогда король оправдался: "Я просто занимался спортом". Герцог ответил: "Король не имеет права заниматься такими видами спорта", и настоял на том, чтобы младший отрок получил инвеституру и вознаграждение. Говорят, он также так бережно относился к священной особе, что никогда не оставлял на ней следов от своего жезла. Когда маленький король заслуживал наказания, опекун всегда вызывал своего собственного сына Печина и крепко порол его. Беднягу, ставшего невинной заменой, жаль больше, чем восхищаешься скрупулезным и суровым регентом. У китайцев есть пословица, которая гласит: "Выпори осла, и пусть лошадь увидит это".

Что же сказать о преемниках Чэн-вана? Чтобы объяснить скудость хроник предыдущих династий, можно сослаться на бедность языка, еще недостаточно зрелого для требований истории; но для кажущейся незначительности длинной линии Чоу, живших в раннем расцвете, если не в богатом плоде, классического периода, такие извинения неприемлемы.

Несомненно, были и такие, кто не добился выдающихся успехов, потому что у них не было ни внешнего врага, которому нужно было противостоять, ни внутреннего мятежа, который нужно было подавить. Другие же были настолько стеснены системой, что им не оставалось ничего другого, как принимать дань вассалов. Один из них, Му-ван, пятый по счету, так устал от этих однообразных церемоний, что в качестве избавления от тоски или, возможно, побуждаемый врожденной любовью к приключениям, отправился в заграничное путешествие. Он был в восторге от лошадей и, привязав к своей колеснице восемь прекрасных коней, отправился смотреть мир. В книге, полной басен, рассказывается о его

путешествиях. В ней говорится, что у него был волшебный кнут, который обладал свойством сжимать поверхность земли в небольшое пространство. Сегодня китайские посланники, имеющие в своем распоряжении пар и электричество, часто восклицают: "Наконец-то мы получили быстрых коней и волшебный кнут Му-вана".

На двух других царей, Ли и Ю, указывают презрительным пальцем как на пример того, каким не должен быть царь. Последний отбросил свою царицу и ее сына в пользу наложницы и ее сына; и так оскорбилось Высокое Небо этим нецарским поведением, что солнце скрыло его лицо в полном затмении. Это случилось в 775 году до н. э. и является отправной точкой для достоверной хронологии. Чтобы развлечься, король зажег сигнальные костры. Она от души посмеялась, увидев, как великие бароны бросились на помощь и обнаружили, что это была ложная тревога; но она не улыбнулась, когда вскоре после этого на столицу напал настоящий враг, отец ее обиженного соперника. Снова зажгли сигнальные костры, но бароны, однажды обманутые криком "Волк", позаботились о том, чтобы не подвергать себя новым насмешкам.

Другой король не был поднят в яростный свет, бьющий на трон, ничем столь трагичным, как горящий дворец; но его имя соединено с именем первого как синоним всего слабого и презренного.

История дома Чжоу не может быть изложена в нескольких абзацах, как история предшествующих династий, потому что это был период становления древнего Китая, век величайших мудрецов, рождения поэзии и философии. Поэтому, прежде чем завершить "Книгу Чжоу", я посвящу одну главу мудрецам, а другую - царствованию анархии.

ГЛАВА XVII

КИТАЙСКИЕ МУДРЕЦЫ

Конфуций - называет себя редактором, а не автором - "образцовый учитель всех веков" - Менций - более красноречив, чем его великий учитель - Лао-цзы, основатель даосизма

Я не буду знакомить читателя со всеми, кто по праву носит титул мудреца; ведь в Китае было больше и мудрее, чем в любой другой древней стране. Некоторые из них могут быть упомянуты в продолжении; но эту главу я посвящу главным образом двум, которые, по всеобщему согласию, не имеют себе равных в истории империи - Конфуцию и Менцию. Эти великие люди во многом обязаны своей славой ученым иезуитам, которые впервые вывели их на сцену, облачив в римскую тогу, и сделали их гражданами мира, дав им благозвучные имена, под которыми они известны в народе. Лишенные маскировки, они предстают перед нами как К'унг Фу-цзе и Менг-цзе. Заменяв *рудные ротонды* Рима на сибиллионы Китая, они никогда не смогли бы стать натурализованными так, как сейчас.

CONFUCIUS

Конфуций родился в 549 году до н. э. и был современником Исаяи и Сократа. Выходец из уважаемой, но не богатой семьи, он с трудом получил образование, которое в последующие годы не скрывал, приписывая ему значительную часть своего жизненного успеха. На вопрос одного из них: "Как получилось, что вы успели сделать так много", он ответил: "Я родился бедным и должен был учиться". Его школьные учителя неизвестны, и его можно спросить, как это было с более великим, чем Конфуций, человеком: "Как этот человек знает буквы, никогда не учившись?"

О своем самообразовании, продолжавшемся всю жизнь, он рассказывает следующее: "В пятнадцать лет я начал учиться; в тридцать я занял позицию ученого; в сорок мои мнения устоялись; в пятьдесят я умел судить и выбирать; в шестьдесят я ни разу не оступился; в семьдесят я мог следовать своим наклонностям, не ошибаясь". Обратите внимание, как каждый этап знаменует собой продвижение к нравственному совершенству. Отметьте также, что в этом отрывке дается представление о самодисциплине. В нем ничего не говорится о его книгах или о его деятельности как государственного деятеля и реформатора.

Говорят, что у него было три тысячи учеников, как первых, так и последних. Дольше всех обучались двенадцать человек. Они учились не по лекциям и учебникам, как в современных школах, а идя по его следам и впитывая впечатления от его характера, подобно тому как Петр и Иоанн шли по следам и изучали жизнь Христа. Некоторые из них следовали за Конфуцием, когда он, стремясь провести политическую и этическую реформу, путешествовал от двора к двору среди мелких княжеств. Они записали, что однажды, подвергаясь большой опасности, он утешил их, сказав: "Если Небо сделало меня хранителем этих учений, что могут сделать мои враги против меня?" Благородно осознавая свою более чем человеческую миссию, он был настолько чист в своих учениях, что, хотя он преподавал мораль, а не религию, ему, как и Сократу, вполне можно было бы претендовать на своего рода вдохновение.

Единобога, о котором он почти ничего не знал, он называл Небом и всегда говорил о Небе с глубочайшим благоговением. Когда им пренебрегали или его не понимали, он утешал себя словами: "Небо знает меня". Во время тяжелой болезни один из учеников спросил, не следует ли ему помолиться за него, имея в виду совершение подношений в каком-нибудь храме. Конфуций ответил: "Я давно молюсь", или "Я давно имею привычку молиться".

В письмах он называл себя "редактором, а не автором", имея в виду, что переработал произведения древних, но не опубликовал ничего своего. Из их поэзии он отобрал триста од и заявил, что "чистота помыслов" может быть наложена на весь сборник. В путаную массу традиционных церемоний он внес нечто похожее на порядок, сделав китайцев (пусть и чересчур церемонных) самым вежливым народом на земле. Из их мифов и летописей он извлек достоверную историю, а своим отношением к пороку заставил принцев трепетать, чтобы их головы не оказались на исторической виселице. Он уделял много времени редактированию музыки древних, но его работы в этой области исчезли. Это, однако, нельзя считать очень большой потерей, учитывая то грубое состояние, в котором до сих пор находится китайская музыка. Как бы ни были скудны его познания в искусстве, его страсть к музыке была необычайной. Услышав прекрасное исполнение, "он не мог три месяца наслаждаться едой". Пятым заданием было редактирование "*И-Кунга*", книги гаданий, составленной Вэнь-ваном. Насколько глубоко он верил в нее, видно из его слов: "Если Небу будет угодно дать мне пять или десять лет на изучение этой книги, я не буду подвергаться опасности впасть в большие ошибки". Он имел в виду, что тогда он сможет определять свое поведение, рассчитывая шансы.

[Сноска *: Эта и предыдущая книги - пять классических книг, которые, как и пять книг Моисея, лежат в основе религии и образования нации].

Как ни велики были его труды по закладке фундамента литературной культуры, впечатление, произведенное его личным общением и собранными им изречениями, оказалось в десять раз более сильным. Они составляют суть "Четырех книг", которые китайцы по схожему числовому совпадению любят сравнивать с нашими Четырьмя Евангелиями. Конфуций, безусловно, дает Золотое правило как суть своего учения. Правда, он излагает его в негативной форме: "Не делай другим того, чего не хотел бы, чтобы они делали тебе"; но он

также говорит: "Мое учение заключено в двух словах, *чжун* и *шу*". Первое обозначает верность, второе - постановку себя на место другого, но оно не дотягивает до той активной благотворительности, которая изменила лицо мира.

Легко указать на недостатки и ошибки Конфуция, но в целом его заслуги были таковы, что его народ вряд ли можно винить за преувеличенные почести, которые он воздает его памяти. Они называют его "образцовым учителем всех веков", но не обращаются к нему как к божеству-покровителю и не представляют его в виде изображения. Чрезмерное почитание Конфуция не является идолопоклонством.

MENCIUS

Через сто лет родился Менций, получивший свое учение через внука мудреца. Более красноречивый, чем его великий учитель, более смелый в обличении пороков князей, он был менее оригинален. Достаточно привести один пример его учения. Один из принцев, спросив его: "Откуда ты знаешь, что во мне есть способности стать хорошим правителем?", ответил: "Мне сказали, что, видя крайний ужас вола, которого вели к алтарю, ты отпустил его и велел принести вместо него овцу. Вол был перед твоими глазами, и ты пожалел его; овца же не была перед твоими глазами, и ты не пожалел ее. Теперь с таким сердцем, если бы ты только подумал о своем народе, чтобы привести его к себе, ты мог бы стать лучшим из правителей".

Менций потерял отца в младенчестве, но его мать проявила редкий здравый смысл в воспитании своего единственного ребенка. Живя рядом с мясником, она заметила, что мальчик подражает крикам свиней. Тогда она удалилась к воротам кладбища, но, заметив, что ребенок сменил мелодию и насмехается над стенаниями скорбящих, разбила палатку и поселилась возле средней школы. Там она с радостью наблюдала, как он усваивает манеры и приобретает вкусы ученика. Однако, заметив, что ему грозит опасность стать ленивым и усидчивым, она перерезала нить своей паутины и сказала: "Сын мой, вот что ты делаешь с паутиной жизни".

Гробница каждого из этих мудрецов находится у одного из его потомков, который пользуется всеми привилегиями потомственного дворянина. Сам Менций говорит о своем учителе, которого он никогда не видел: "С тех пор как на земле появились люди, не было человека, подобного Конфуцию".

LAO-TSE

Я не могу завершить эту главу, не сказав пару слов о Лао-цзе, основателе даосизма. Он носил фамилию *Ли*, "сливовое дерево", либо оттого, что его домик находился в саду, либо потому, что, подобно академикам, он разместил свою школу в роще сливовых деревьев. Имя, под которым он известен сейчас, означает "старый мастер", вероятно, потому, что он был старше Конфуция. Последний, как говорят, навестил его, чтобы расспросить о ритуалах и церемониях; но Лао-цзе, с его любовью к уединению и абстрактным рассуждениям, похоже, не оказал большого влияния на ум восходящего философа. Говоря о нем, Конфуций сказал: "Вдали от людей нет философии - нет *дао*".

Менее почитаемый официальным классом, Лао-цзе имел не меньшее влияние на народные массы Китая, чем его младший соперник. Как и у двух других мудрецов, у него тоже есть сегодня представитель, который имеет официальный статус верховного жреца даосской секты. Чанг Тьен-ши живет в величественном дворце на вершине горы Тигра и Дракона в Кiangси, как глава одной из трех религий. Но, увы, возвышенное учение основателя даосизма превратилось в презренную смесь жонглирования и колдовства.

Только пять веков спустя буддизм проник в Китай и завершил триаду религий - триаду, странно не гармоничную; действительно, едва ли можно представить себе три вероучения, более радикально антагонистичные.

ГЛАВА XVIII

ВОЮЮЩИЕ ГОСУДАРСТВА

Пять диктаторов - Дипломатия и стратегия - Храбрый посланник - Герои помирились - Цинь уничтожает дом Чжоу

В первой половине правления династии Чжоу механизм двигался с такой регулярностью, что Конфуций не мог придумать более восхитительной формы правления, говоря: "Политика будущего может быть предсказана на сто поколений - она будет заключаться в следовании дому Чжоу". Вторая половина правления была периодом разгула и анархии.

Амбиции и ревность приводили к мелким войнам. Король был слишком слаб, чтобы подавить их, и эти мелкие войны переросли в огромные объединения, подобные лигам современной Европы. Пять государств в разное время приобрели такой перевес, что их правителей стали называть *У Па*, "пять диктаторов". Один из них, герцог Хван из западного Шантунга, знаменит тем, что девять раз созывал Генеральные штаты. Диктатор всегда председательствовал на таких собраниях, и его признавали настоящим государем - как мэров дворца во Франции в эпоху Меровингов или сегунов в Японии в течение долгого периода, когда микадо называли "духовным императором".

Законный государь по-прежнему восседал на своем троне в центральном государстве; но он жаловался, что его единственная функция - приносить жертвы. Китайская диктатура не была наследственной, иначе мир мог бы стать свидетелем точной параллели с дублирующим суверенитетом в Японии, где один держал власть, а другой сохранял титул в течение семисот лет.

Переход власти из рук в руки в Китае сделал эти четыре века веком дипломатии. Всякий раз, когда какой-нибудь крупный барон подозревался в стремлении к лидерству, создавались комбинации, чтобы обуздать его амбиции; посольства отправлялись от двора ко двору, а армии собирались в поле. Посланники прославились храбростью и хитростью, а генералы - умением управлять большими массами солдат. Дипломатия стала искусством, а война - наукой.

Начал формироваться международный кодекс, контролирующий взаимоотношения государств; но дипломата не смущала множественность правил. В переговорах индивидуальный характер имел большее значение, чем в наши дни; не следует думать, что в отсутствие современной артиллерии не было места для полководческого искусства. Напротив, поскольку битвы не решались весом металла, стратегия была более востребована.

Все это происходило в Греции в ту же самую эпоху, и, поскольку Плутарх предается параллелям, мы можем указать на современников Фемистокла и Эпаминондаса. Причиной, которая в обеих странах привела к такому положению вещей, было существование семьи государств с общим языком и схожими институтами; но в Азиатской империи театр был гораздо более обширным, и операции в политике и войне были более масштабными.

К чести китайцев следует признать, что они показали себя более цивилизованными, чем греки. Персидское вторжение было спровоцировано убийством послов афинянами. Среди воюющих государств Китая не зафиксировано ни одного случая подобного деяния. До наших

дней дошло время наблюдать в Пекине это проявление татарской свирепости. Здесь уместно привести два характерных инцидента из объемных хроник тех времен:

ОТВАЖНЫЙ ЭКСПЕДИТОР

Принц Цинь, полуварварского государства на северо-западе, напоминающего Македонию в Греции, предложил отдать пятнадцать городов за кохинур, драгоценность, принадлежащую принцу Чао (не Чоу). Линь Сянь Чжу был послан доставить драгоценность и завершить сделку. Но условия не были соблюдены, и он смело положил драгоценность в свою грудь и вернулся в свое государство. То, что ему позволили это сделать, - разве это не говорит о нравственности Цинь, как и о мужестве Линь? Последний является общепринятым типом храброго и верного посланника.

ГЕРОИ ПРИМИРИЛИСЬ

Завидуя его славе, Лиен П'о, генерал Чао, объявил, что убьет Лина на месте. Тот постарался избежать встречи. Лиен П'о, обвинив его в трусости, послал ему вызов, на что Лин ответил: "Вы и я - столпы нашего государства. Если кто-то из них падет, наша страна будет потеряна. Вот почему я избегаю встречи". Этот ответ произвел на генерала такое впечатление, что он взял в руки жезл и предстал перед дверью своего соперника, но не для того, чтобы поколотить его, а чтобы попросить, чтобы его самого подвергли наказанию. Забыв о своей вражде, они объединились, чтобы построить родное государство, подобно тому как Аристид и Фемистокл похоронили свою вражду в преддверии войны с Персией.

Как афинские ораторы гремели против Македонского, так и государственные деятели Китая составляли лиги и контрлиги за и против восходящей державы северо-запада. Образцом терпеливой и проницательной дипломатии является Су Цин, которому ценой невероятных трудностей, связанных с путешествием от двора к двору, удалось объединить шесть ведущих государств, чтобы воспрепятствовать продвижению на юг их общего врага. Однако все его махинации оказались тщетными, поскольку не только его окончательному успеху помешали контрпланы Чанг Йи, столь же искусного дипломата, но и его репутация, как и репутация Парнелла в наши дни, была погублена его собственными страстями. Растущая власть Цинь, подобно леднику, медленно продвигалась к всеобщему господству. В следующем поколении она поглотила все феодальные государства. Чау-сян подчинил себе Тун-чжоу-киуна, последнего монарха династии Чоу, и дом Чоу был истреблен Чван-сяном, который, однако, пользовался верховной властью всего три года (249-246 гг. до н. э.).

ГЛАВА XIX

ДОМ ЦЗИНЬ, 246-206 ГГ. ДО Н.Э.
(2 императора)

Цинь Ши-ван-ти, "Император Первый" - Великая стена - Централизованная монархия - Титул Хван-ти - Происхождение названия Китай - Сожжение книг - Экспедиция в Японию - Революция - Восшествие на престол дома Хань

"С точки зрения философии, - говорит Шиллер, - Каин убил Авеля за то, что овцы Авеля вторглись на кукурузное поле Каина". С того дня и по сей день фермеры и пастухи не могут жить вместе в мире. Памятником этого вечного конфликта является Великая китайская стена. Как и Римская стена в Северной Британии, если сравнивать великое с малым, ее целью было не отгородиться от татар, а усилить бдительность военных пикетов. Этой цели она, похоже, добивалась долгое время. Китайцы говорят, что это была гибель одного поколения и спасение многих. Мы скоро увидим, как это стало просто географическим выражением. Для

нашей цели его можно рассматривать и как хронологический ориентир, разделяющий древний и средневековый Китай.

С приходом к власти дома Чжоу старые феодальные разряды исчезли навсегда. Вся страна оказалась под непосредственной властью одного императора, который впервые в истории народа создал владения, достойные этого величественного титула. Этого добился Инь Чэн, принц Цинь. После этого он принял новый титул Хуанг-ти. Хуанг и Ти не были новинкой, но их сочетание сделало монету новой и оправдало дополнительное прозвище "Первый", или Ши-хуанг-ти. Четыре нетленных памятника увековечили его память: Великая стена, централизованная монархия, титул *Хуанг-ти* и само название Китая - последнее произошло от княжества, которое при нем расширилось и стало империей. Где еще в летописях мира найдется завоеватель, имеющий столь весомые претензии на вечную славу? Александр низверг множество народов, но не создал ничего постоянного. Юлий Цезарь основал Римскую империю, но ее продолжительность была эфемерной по сравнению с империей, основанной Ши-Хуан-Ти, строителем Стены.

Хотя Ши Хуан-ти завершил строительство стены, она не была делом рук только его царствования. В триумфах его оружия и искусства в значительной степени повинны его предшественники, которые веками стремились к всеобщему господству. Сознывая свою культурную неполноценность, они приветствовали помощь и вознаграждали услуги талантливых людей со всех сторон. Некоторые приезжали без гроша в кармане из соперничающих или враждебных государств и возвышались до самых высоких почестей.

Шесть великих канцлеров, которые привнесли закон и порядок в грубое общество и проложили путь к окончательному успеху, занимают особое место. Каждый из них был "иностранцем". Князья, которым они служили, заслуживают похвалы за то, что у них хватило здравого смысла оценить их и смелости последовать их советам. О некоторых из них можно сказать, как заметил Вольтер о Петре Великом: "Они цивилизовали свой народ, но сами были дикарями". Мир забывает, как сильно великий царь был обязан воспитанием и наставлениями Ле Форту, женевскому солдату удачи. Размышляя над этой историей, можно оценить заслуги тех иностранных канцлеров и, возможно, понять, что иностранцы сделали для правителей Китая в наши дни.

Ши-Хуан-Ти был настоящим основателем Китайской империи. Он - один из героев истории; однако ни один человек из длинного списка династий не подвергается такому издевательству и искажению со стороны китайских писателей. Они делают его бастардом, развратником и глупцом. И по сей день он является объектом неугасающей ненависти каждого, кто может держать в руках перо. Почему? Можно спросить. Да просто потому, что он сжигал книги и преследовал учеников Конфуция. Эти две вещи, почти невероятные для нас, для китайцев совершенно непостижимы.

Его канцлером стал Ли-Цзе, уроженец Йена, гений более смелый и дальновидный, чем любой из пяти других. Сплав феодальных государств в единое целое был его любимым планом, как и планом его хозяина. "Никогда, - говорил он, - нельзя быть уверенным, что эти враждующие государства не возникнут вновь, пока в школах изучают книги Конфуция; ведь в них феодализм освящен как божественное установление". "Тогда пусть их сожгут", - сказал тиран.

Последователи Мудреца были изгнаны из школ, а их учения запрещены. Такое суровое обращение и поиски их книг, естественно, породили контрзаговоры. "Предайте их смерти", - сказал тиран; и они отправились на каторгу, не как христианские мэтры за религиозные убеждения, а как жирондисты во Франции за политические принципы. Их последователи

предлагают глупое объяснение, что книги были уничтожены, чтобы мир никогда не узнал о существовании других династий, а ученые были убиты или похоронены заживо, чтобы предотвратить воспроизведение книг.

Первый Хван Ти не ограничивал свои амбиции Китаем. Он отправил флот в Японию, и эти восточные острова впервые в мировой истории предстали перед нами. Говорят, что флот состоял из трех тысяч парней и девушек. Он так и не вернулся, но японские традиции утверждают, что он прибыл, и островитяне приписывают свое приобщение к китайской литературе вторжению этой праздничной компании, не похожей на ту, с которой Вакх совершал завоевание Индии. Дальнейшее знакомство с Китаем и его мудрецами происходило через Корею, которая долгое время была промежуточным пунктом связи между двумя странами. Именно с Шантунского мыса, расположенного недалеко от Кореи, и была отправлена эта флотилия видессаиан.

Какова же была истинная цель этой странной экспедиции? Китайские авторы утверждают, что она была отправлена на поиски "эликсира жизни", но не искажают ли они все в истории Первого Хван-ти? На самом деле великий монарх был набожным верующим в басни даосизма, среди которых были истории об островах Благословенного и о фонтане бессмертия, подобные тем, что восемнадцать веков спустя стимулировали исследования Понсе де Леона. В то время среди китайцев полным ходом шло изучение алхимии. Возможно, оно возникло из даосизма; но, на мой взгляд, честолюбивый властитель, вздыхая о других мирах для завоевания, послал этот веселый отряд в качестве авангарда армии.

Однако, несмотря на эликсиры жизни и фонтаны молодости, смерть положила конец его завоеваниям, когда он наслаждался полным блеском императорской власти всего двенадцать лет. Его сын царствовал два года, и первая из императорских династий закончилась, перевернутая революцией, в результате которой на освободившемся троне оказался дом Хань.

ГЛАВА XX

ДОМ ХАНА, 206-Б. ДО Н. Э. - 220 Г. Н. Э.
(24 императора, 2 узурпатора)

Лю-пан основывает прославленную династию - восстановление книг - женское правление - три религии - возрождение письменности - Цзэ-ма Цзэнь, Геродот Китая - завоевания ханов

Сожжение книг и расправа над учеными вселили ужас в общественное сознание. Притеснения, вызванные строительством Великой стены, вызвали всеобщее недовольство, и Лю Пань, грубый солдат из Центрального Китая, воспользовался этим положением вещей, чтобы сместить слабоумного наследника тирана. Он основал династию, которая считается одной из самых прославленных в летописи империи. Она получила название Хань по названию реки, на берегах которой поднялась к власти. Когда Лю Пань прочно уселся на троне, один из его министров предложил открыть школы и поощрять обучение. "Учеба, - воскликнул император, - у меня самого ее нет, и я не чувствую в ней нужды. Я получил империю верхом на лошади". "Но сможете ли вы управлять империей верхом? Вот в чем вопрос", - ответил министр. Чтобы задобрить ученых, император не только отменил гонительные указы, но и приказал разыскать потерянные книги и учредил жертвенные обряды в честь мудреца.

Еще были живы старики, которые в детстве запомнили эти книги. Один из них, Фу-сэнь по имени Фу, отличался эрудицией, и из его обширной памяти была воспроизведена большая часть священного канона, написанная под его диктовку. Полученные таким образом копии, конечно, не были свободны от ошибок. К счастью, несколько более полная копия, выгравированная на бамбуковых дощечках, была обнаружена в стене дома, принадлежавшего семье Конфуция. Однако и по сей день китайская классика хранит следы пожара тирана. Части отсутствуют, а пробелы всегда приписываются "огню Цинь". Первая глава "Великого исследования" завершается словами: "Источник знания - в изучении вещей". К этому многословному тексту не добавлено ни одного слога. В примечании читателю сообщается, что в нем была глава на эту тему, но она утеряна. Китайские ученые, когда им предъявляют претензии по поводу бесплодности последующих эпох в каждой отрасли науки, склонны наивно отвечать: "Да, и неудивительно - как может быть иначе, если глава Мудреца на эту тему была утеряна?"

После второго царствования Хвей-ти мы имеем первый в истории Китая случай, когда женщина захватила бразды правления. Императрица Лу стала верховной правительницей, и таковы были ее таланты, что она держала империю в абсолютном подчинении в течение восьми лет. Подобно Иезавели, она "уничтожила все царское семя" и заполнила различные должности своими родственниками и фаворитами. После ее смерти они были уничтожены без пощады, а наследником престола был провозглашен мужчина. Его посмертный титул *Вэнь-ти*, означающий "ученый" или "покровитель букв", знаменует прогресс, достигнутый возрождением образования.

Можно было бы предположить, что эти литературные императоры удовлетворились бы восстановлением конфуцианской классики; но нет, до них дошел слух, что "на Западе есть мудрецы". Западом оказалась Индия. В 66 г. н. э. Минг-ти отправил посольство для ввоза книг и бонз. Таким образом, триада религий была завершена.

Совершенно разные по духу и сути, эти три религии вряд ли можно ожидать от гармонии или объединения. Конфуцианство возвеличивает буквы и делает упор на этику, пренебрегая духовным миром. Даосизм прививает физическую дисциплину, но на практике он стал матерью унижительных суеверий, занимаясь магией и некромантией. Буддизм разрушает основы семьи и предписывает безбрачие как путь к добродетели. Метемпсихоз - его главная доктрина, а "не думать ни о чем" - его умственная дисциплина. Она запрещает плотскую пищу и презирует ученость. Благодаря императорскому покровительству оно получило распространение в Китае, но прошло немало времени, прежде чем оно почувствовало себя там как дома. Уже в VIII веке Хань Юй, величайший писатель эпохи, высмеивал мощи Будды и призывал свой народ "сжечь свои книги, закрыть храмы и сделать из монахов мирян".

Тем не менее, буддизм, похоже, удовлетворил свои потребности. Он воспитывает симпатию к животному миру и служит протестом против саддукейских догматов чиновничьего сословия. Он уже давно настолько укоренился в умах неграмотных, составляющих девять десятых населения, что Китай можно с полным правом назвать ведущей буддийской страной мира[*].

[Сноска *: АПОФЕОЗ МИЛОСЕРДИЯ

ЛЕГЕНДА О КУАНЬИНЬ ПУСЕ В СЕВЕРНОМ БУДДИЗМЕ

Два образа украшают эту горную святыню,
Не мраморные, высеченные греческим искусством,
а вырезанные из дерева с восточным мастерством.

В былые времена их обожали толпы паломников,
Теперь они томятся без поклонников.

Поднимитесь по извилистой лестнице, усыпанной камнями.
Увидеть Гаутаму на его лотосовом троне!
Еще ближе к воротам, ее прекрасное лицо опущено,
сидит Богиня Милосердия с жалостью в глазах,
чтобы приветствовать усталых альпинистов и выслушать
Их многоцветные истории о горе и нужде.

Будда, пребывая в возвышенном покое, не видит
Своих распростертых поклонников; и они к нему
Не обращаются с молитвами, а лишь возносят благодарственные гимны[1].
Именно он искал для ослепленного мира
секрет избавления от страданий;
Отказался от великолепия королевского двора,
Он в нищете нашел высшее царство!
И тем более велика была победа, когда он разорвал
Цепь судьбы и отверг колесо перемен.
Страдающему человечеству он сказал,
"Ступайте по моим стопам: Вы тоже можете найти освобождение".

[Сноска 1: Например, *Om mani padmi hum* ("О драгоценность в лотосе")].

Как и он, Пуса была княжеского происхождения,
Но не как он, она оставила трон,
И не так, как он, она согласилась увидеть
Жемчужные врата Нирваны за ней закрылись.
Поле для благотворительности - ее царственный удел.
Ее путь был усыпан вечно цветущими цветами,
Ее сочувствие давало радость,
Горестям разнообразным она приносила облегчение,
Забыв о себе, она жила для блага других.
Пока не поднялась выше Меру ее заслуга.

[Сноска 2: Гора Меру, индийский Олимп].

Наконец до ее слуха донесся небесный голос.
"Портал Нирваны для тебя открыт,
Корона Буддашипа принадлежит тебе по праву.
Ни одна волна забот не достигнет этого берега,
Ни один крик боли больше не коснется твоего уха;
Но, застыв в одиноком блаженстве, ты будешь видеть.
Кружащие века, катящиеся к твоим ногам!"

"Неужели я не получу вестей о человечестве?
В таком раю был бы трон из сверкающего льда.
Это неизменное блаженство ты можешь дарить другим.
Счастлив я, что несчастных возношу.
О, тысяча рук!
Помогать и облегчать, - сказала она,

"Хоть страданиями, но приобретенными.
Поверните колесо, - и снова на землю".

[Сноска 3: Ее часто представляют так, как символ нынешнего Провидения].

[Сноска 4: *Лунхуэй* - колесо судьбы, внутри которого рождение и смерть сменяют друг друга без конца и перерыва].

Из небытия снова донесся Голос:

"Твой великий отказ получил высшую награду;
Царство новое твое милосердие обрело"[5].
И там будешь царствовать ты, Королева Милосердия,
Вдали от боли и слабости своей,
С пробудившимся чувством, чтобы слышать и силой, чтобы спасти".

[Сноска 5: Она избегает колеса, но остается на границе Нирваны, где, как гласит ее имя, она "слышит молитвы людей"].

Прекрасный образ! Я почти поклоняюсь тебе,
Хрупкая тень Христа, который слышит и чувствует!

W. A. P. M.

ПИРЛ ГРОТТО, НЕАР ПЕКИНГ, 8 августа 1906 г.].

Буддийские монастыри можно увидеть повсюду. Они часто субсидируются государством, и даже у гробницы Конфуция был возведен храм под названием "Зал трех религий". В нем, как говорят, почетное место занимало изображение Будды, но перед моим визитом оно было снесено.

В каждой из этих религий есть своя иерархия: в религии Конфуция во главе стоит прямой потомок мудреца, в религии Лао-цзе - верховный жрец Чан Тьен-ши, а выше всех - Будда с Великим ламой Тибета.

При династии Хань было положено начало институту экзаменов на государственную службу - система, которая продолжает доминировать в китайском интеллекте вплоть до нашего времени; но она не была полностью развита до династии Т'анг. Беллетристика заметно продвинулась вперед. Поэзия этого периода более закончена, чем поэзия эпохи Чжоу. Проза также отличается энергичностью и ясностью. Муза истории занимает почетное место. В этот период родился Сзе-ма Цьен, китайский Геродот. Славный для своей страны, Се-ма Цзень подвергся жестокому обращению со стороны своего народа, разоблачив его варварство. Он рекомендовал Ли Лина как подходящего полководца, чтобы возглавить экспедицию против монголов. Ли Линг сдался врагу, и Сзе-ма Цьен, как его поручитель, должен был погибнуть вместо него. Имея возможность выбора, он предпочел подчиниться позору обещания, чтобы дожить до завершения своего монументального труда - памятника лучше сыновей и дочерей. Патетическое письмо несчастного генерала, который так и не решился вернуться в Китай, сохранилось среди лучших образцов прозы.

Не довольствуясь ни Великой стеной в качестве северной границы, ни "Великой рекой" в качестве южной границы, ханьцы попытались расширить свои границы в обоих направлениях. На севере они присоединили провинцию Кансух, а в другом направлении расширили свои владения до южных границ Аннама; однако им не удалось завладеть всей завоеванной территорией. Однако к их владениям добавились Сечуэнь и Хунань.

Последний, похоже, служил скорее колонией, чем составной частью империи. Поэма Киайи, изгнанного государственного деятеля (200 г. до н. э.), датируется Чанша, ее столицей[*].

[Сноска *: См. "Китайские легенды и другие поэмы", автор В. А. П. Мартин].

На юге дикие племена, которым противостояли китайцы, произвели глубокое впечатление на характер людей, но не оставили никаких записей в истории. Не так было с могущественным врагом, встреченным на севере. Под титулом Шаньюй он был предтечей Великого хана Тартарии - он заявлял о своем равенстве с императорами Китая и обменивался посольствами на равных условиях. Предполагается, что его народ, известный как хиунху, был предком хуннов.

ГЛАВА XXI

ТРИ ЦАРСТВА, НАНЬ-ПЕ-ЧАО И ДИНАСТИЯ СУЙ, 214-618 ГГ. D.

Государства Вэй, У и Шу - популярный исторический роман - Чу-ко Лян, изобретательный гений - "три П" - перо, бумага, печать - династия Суй

После четырех веков неоспоримого господства скипетр готов выпасть из безвольных рук слабых монархов. Евнухи узурпируют власть, и гидра мятежа поднимает свои многочисленные головы. Мелких претендентов легко уничтожить; но трое из них пережили двадцатилетний конфликт и положили начало недолговечным династиям.

Благородная структура, возведенная Ц'инами и укрепленная Ханами, начала разрушаться в начале пятого века своего существования. В 221 году н.э. В 221 году н. э. его фрагменты были перенесены в три города, каждый из которых претендовал на роль резиденции империи. Государство Вэй было основано Цао Цао со столицей в Ло-яне, резиденции ханьцев. Он имел дополнительное преимущество, будучи мэром дворца, удерживать в своей власти слабого императора Хван-ти, последнего из дома Хань. Государство У, охватывающее провинции Киангсу, Киангси и Чхэкианг, было основано Сиун Киеном, человеком выдающихся способностей, который обеспечил себе полную долю наследства. Третье государство было основано Лю Пи, отпрыском императорского дома, чья столица находилась в Чинту-фу в Сечуэне. Здесь историк сталкивается с проблемой, подобной той, что возникла при решении вопроса об апостольской преемственности трех пап, и он принимает решение в пользу последнего, которого он называет "Поздний Хань", в основном на основании кровного родства.

Основания для этого содержатся в династической истории, но можно сослаться и на роман, посвященный войнам этих трех государств. Составленный Ло Кван-чуном и аннотированный Кин Шенг Таном, этот исторический роман является самым популярным во всей китайской литературе. Занимая место национального эпоса, его герои не принадлежат к одному типу и не выступают на одной стороне, но его фавориты находятся среди приверженцев Лю Пи. Она открывается сценой, в которой Лю, Кван и Чанг, подобно трем сказаниям о Грютли, встречаются в персиковом саду и дают клятву братства, выпивая чашу любви, обогренную кровью каждого, и клянутся в верности общему делу. Из трех братьев первому, Лю Пи, после долгой борьбы удастся основать государство на западе Китая. Второй, Кван Юй, - идеал патриотического мужества. В 1594 году он был канонизирован как бог войны. Таким образом, талантливому автору принадлежит исключительная заслуга, чем любому эпическому поэту Запада, - он создал для своих соотечественников самое популярное божество. Чанг-фи, младший из трех братьев, - неразлучный приспешник китайского Марса. Он владеет копьем

длиной в восемнадцать футов с лихостью и стремительностью, которым не в силах противостоять ни один враг.

Другие персонажи так же прочно закрепились в общественном сознании. Цао Цао, главный антагонист Лю Пи, - не просто узурпатор: он представляет собой любопытное сочетание гения, мошенничества и жестокости. Еще одно заметное действующее лицо - Люй Пу, лучник, способный расщепить тростник на расстоянии ста шагов, и всадник, совершающий чудеса на поле боя. Он начинает свою карьеру с того, что стреляет в своего приемного отца, как Брут, возможно, не потому, что меньше любил Тунг Чоха, а больше - Китай.

Все эти и другие, слишком многочисленные, чтобы их упоминать, можно увидеть в любой день на досках театра - учреждения, которое, по крайней мере в Китае, служит школой для неграмотных.

[Сноска *: Сцена обычно представляет собой площадку на открытой улице, где можно увидеть актера, который меняет свою роль вместе с костюмом, надевая маску то одного, то другого вождя, и меняя голос, всегда в фальцетном ключе, чтобы создать что-то похожее на разнообразие].

После двадцатилетней борьбы Лю Пи удается утвердиться в провинции Сечжуен, но он спокойно властвует в своем ограниченном царстве всего три года, а затем передает корону юному сыну, которого отдает на попечение верного министра. Юноша в младенческом возрасте был спасен из горящего дворца храбрым Чанг-фи, который, завернув спящего ребенка в свой плащ и сев на флотского возницу, прорубил себе путь сквозь врагов. Когда он достиг отдаленного пункта, ребенок все еще спал. Остроумный аннотатор добавляет замечание: "Он продолжал спать в течение тридцати лет".

Министр, которому был доверен мальчик, Чу-ко Лян, - самый разносторонний и изобретательный гений китайской древности. Как основатель дома Чжоу обнаружил в старом рыбаке государственного советника, проложившего ему путь к трону, так и Лю Пи нашел этого человека в скромном домике, где тот скрывался в одежде крестьянина, *Сан Ку Мао Лу*, говорят китайцы. Он "трижды посетил эту соломенную хижину", прежде чем ему удалось убедить ее обитателя посвятить себя своей неопределенной судьбе. С этого момента Чу-Кох Лян служил ему глазами и ушами, зубами и когтями, с мастерством и верностью, которые снискали аплодисменты всех последующих веков. Среди прочего, он сделал для Лю Пи то, что Архимед сделал для Дионисия. Он сконструировал военные двигатели, которые казались настолько удивительными, что, как гласит традиция, "он сделал лошадей и волов из дерева".

Поручив своему умирающему хозяину воспитание юного принца, он оставил два документа, полных мудрых советов, которые помогут провести грань между фактом и вымыслом. Несомненно, Чу-Кох Лян был первым человеком своего века в интеллекте и в тех искусствах и науках, которые были известны в его время. Однако ни одно изобретение не может быть названо изобретением, которое, безусловно, принадлежит Чу-ко Ляну. Автор вышеупомянутого романа, живший в конце XIII века, постоянно говорит об использовании пороха либо для устрашения врага, либо для подачи сигналов, но никогда не использует его для метания пушечного ядра. Вероятно, он был известен китайцам того времени, поскольку араб говорит о порохе под названием "китайский снег", подразумевая, несомненно, селитру, которая является основным ингредиентом. Китайцы занимались алхимией на протяжении многих веков, и вряд ли возможно, чтобы им не удалось найти такое взрывчатое вещество. Однако достоверно известно, что до начала XV века они никогда не использовали пушки в войне.

Однако есть еще три изобретения или усовершенствования известных искусств, которые заслуживают внимания в этой связи, а именно: "три П" - ручка, бумага и печать - все они, как правило, являются инструментами мирной культуры. Перо в Китае - это волосяной карандаш, напоминающий кисточку. Ее изобрел Мун Тянь в третьем веке до н. э. Бумага была изобретена Цай Лунем в 100 году до н. э., а печать - Фунтао в десятом веке нашей эры. Однако в данном случае под печатью понимается просто замена дерева на камень: китайцы издавна привыкли делать оттиски с каменных надписей. Вскоре они разделили плиту на подвижные иероглифы и заслужили честь предвосхитить Гутенберга и Фауста. Однако их разборные шрифты так и не получили широкого распространения, и блочная печать по-прежнему в моде, но западные методы быстро вытесняют и те, и другие.

Три государства объединились под властью династии Цинь в 265 году н. э. Она просуществовала полтора века, а затем, после смены пятнадцати императоров, погрузилась в море анархии, из пены которого возникло более полусотни враждующих группировок, среди которых четыре были достаточно заметны, чтобы занять достойное место в истории. Их период описывается как период Нан-пе Чао, "Северного и Южного царств". Имена главных правителей - Сун, Вэй, Лян и Чин. Только первый был китайцем, остальные принадлежали к различным ветвям татарской расы. Вожди рода Лян были тибетского происхождения - этим обстоятельством, возможно, объясняется их склонность к буддизму. Второй император этого дома, У Цзы, стал буддийским монахом и удалился в монастырь, где читал лекции по философии буддизма. Он напоминает Карла Пятого, который в отставке развлекался менее рационально, ремонтируя часы и тщетно пытаясь заставить несколько из них показывать одинаковое время.

Следует отметить, что за этими враждующими группировками идет война рас. Татары постоянно вторгаются в Цветочную страну. Отбитые или изгнанные, они возвращаются с увеличенной силой; и даже в эту раннюю эпоху тень их грядущего завоевания отчетливо видна.

В запутанной борьбе Севера и Юга перевес в значительной степени на стороне татар. Тогда маятник судьбы начинает качаться в другую сторону. Янь Киен, китайский генерал на службе у татарского княжества, воспользовался их разделениями, чтобы собрать сильное тело своих соотечественников, с помощью которых он перебил их в деталях и установил династию Суй. Татары всегда использовали китайцев для вторжения в Китай; и если бы китайцы всегда были верны своей собственной стране, ни одному захватчику не удалось бы их покорить.

Хотя династия Суй просуществовала менее тридцати лет (589-618 гг., три царствования), она занимает видное место благодаря двум событиям: (1) победоносная экспедиция на север, которая достигла границ Туркестана, и (2) открытие каналов между Желтой рекой и Ян-Цзе-Кианг. Последнее предприятие лишь ускорило падение дома. Оно осуществлялось с помощью принудительного труда, а недовольных людей заставили поверить, как продолжают утверждать их историки, что его главной целью было дать возможность роскошному императору продемонстрировать свое величие жителям многих провинций. Мы увидим, как расширение этих каналов ускорило свержение монголов, как мы уже видели, как завершение строительства Великой стены привело к падению дома Цин.

Ян-ти, второй император династии Суй, хоть и не отличался энергией, но прославился своими излишествами в показухе и разврате. По слухам, он ускорил свое восшествие на престол убийством отца. Мирное завершение такого правления было бы несовместимо с ходом человеческих событий. Ли Юэнь, один из его генералов, восстал против него, и на него было совершено покушение в Нанкине.

Благодаря мудрости и мужеству Ли Юэню удалось основать новую династию, которую он назвал *Т'анг* (618 г. н. э.): После долгого периода смуты она принесла отвлеченным провинциям эру небывалого процветания; она удерживала власть на протяжении почти трехсот лет и превзошла всех своих предшественников по великолепию.

ГЛАВА XXII

ДИНАСТИЯ Т'АНГ, 618-907 ГГ. Н.Э.
(20 императоров)

Эпоха Августа - Пара поэтов - Приход христианства - Императрица У - Система экзаменов

Я видел, как река низвергалась в пропасть и исчезала. Пройдя под землей много миль, она поднималась на поверхность более полноводной и сильной, чем прежде. Никто не видел, откуда она черпала свою силу, но факт был неоспорим. Именно это и происходило в Китае в ту эпоху.

Утешает тот факт, что в течение этих веков смуты китайцы не были полностью поглощены войной и насилием. Династия Т'анг заметно отличается от эпохи Августа. Литература вновь предстает в более совершенной форме, чем при предыдущих правлениях. Прозаики этого периода до сих пор изучаются как образцы композиции, чего нельзя сказать о писателях любой более ранней эпохи. Поэзия также блистала ослепительным величием. Появилась целая плеяда поэтов, среди которых особенно выделялись Туфу и Липай, Драйден и Поуп китайской литературы.

Следующее произведение Липая, который считается высшим поэтическим гением в летописи Китая, может показать, даже в западной одежде, что-то из его особого таланта:

О ТОМ, КАК ПИТЬ В ОДИНОЧЕСТВЕ ПРИ ЛУННОМ СВЕТЕ[*]

Вот цветы, а вот вино,
Но где же мой друг, чтобы присоединиться
Рука об руку и сердце к сердцу
В одном полном кубке, прежде чем мы расстанемся?

Вместо того чтобы пить в одиночестве,
Я осмелюсь попросить луну
Снисходительно одарить своим лицом
Час и сцену украсить.

Она отвечает и приносит
Мою тень на своих серебряных крыльях;
Значит, нас трое, и мы будем.
Я думаю, веселая компания

Скромная Луна отказывается от кубка,
Но тень стремительно берет его,
И когда я танцую, мой теневой флот
И в такт с моими летящими ногами.

Но хотя луна не желает пить.
Она танцует в сияющей ряби,

И когда я пою, мою праздничную песню,
отзвуки луны доносятся до меня.

Скажите, когда мы встретимся в следующий раз?
Конечно, не в пасмурную погоду,
Ведь вы, мои дорогие спутники.
Приходите только в ясную погоду.

[Сноска *: Из "Китайских легенд и других стихотворений", автор В. А. П. МАРТИН].

Второй император, Тай-цзун, оправдал свои притязания, убив двух своих братьев, которые замышляли против него. Несмотря на такое неудачное начало, он стал способным и прославленным государем. Двадцать три года, в течение которых он занимал трон, были самыми блестящими в истории этой знаменитой династии.

В Си-нгане в Шенси, столице тхангов, находится каменный памятник, свидетельствующий о введении христианства несторианами из Сирии. Пользуясь благосклонностью императора, новая вера добилась значительных успехов. В течение пятисот лет несторианские церкви держали крестное знамя, но в конце концов из-за невежества и нечистоплотности они опустились до уровня язычества и исчезли. Печально думать, что от этих первых усилий по евангелизации Китая остался лишь монументальный камень.

На похоронах Тай-цзуна его преемник Као-цзун увидел У, одну из наложниц своего отца, которая так понравилась ему, что он, вопреки закону, взял ее в свой гарем. Возведенная в ранг императрицы и оставшаяся матерью младенца-сына, она после смерти Као-цзуна двадцать один год держала скипетр. Став регентом, она возвела себя в абсолют.

Система экзаменов для государственных служащих, возникшая в связи с возрождением образования при Ганзах, теперь достигла зрелости. Хорошо это или плохо, но она господствовала в умах Империи на протяжении двенадцати веков. Однако теперь лидеры мысли начали подозревать, что она устарела. Новое образование требует новых тестов, но что мешает включить их в старую систему? Отменить ее было бы чревато, а изменить - деликатная задача для современного правительства.

То, что ученый должен быть в готовности служить государству не меньше, чем солдат, было общепризнанным принципом. Государственные деятели Т'анга должны были сделать его главной движущей силой правительства. Им принадлежит честь создания системы, которая стимулировала бы литературную культуру и снимала сливки национального таланта для использования государством. Еще одним достоинством системы было то, что она занимала умы честолубивой молодежи увлекательными занятиями, тем самым отвлекая их от опасного пути политических заговоров.

Никогда еще буквы не пользовались таким эффективным покровительством. Не основывая и не финансируя школы, государство заявило: "Если вы приобретете необходимую квалификацию, мы позаботимся о том, чтобы ваши усилия были должным образом вознаграждены. Взгляните на эти сияющие высоты, посмотрите на ворота, которые открыты, чтобы приветствовать вас, на гирлянды, которые ждут, чтобы увенчать ваш триумфальный путь!"

Ежегодные экзамены проводились во всех странах, а степень С. Т. (*Сиу-цай*), эквивалентная степени бакалавра, присваивалась 3 процентам кандидатов. Провалиться - не позор, попасть в списки - титул уважения. Раз в три года начинающие таланты провинции собирались в ее главном городе, чтобы побороться за вторую степень. Это был Н. Л. (*Hiao*

Lien, "Filial and Honest"), показывающий, как этические идеи продолжали доминировать в литературных трибуналах. Теперь это *Чу-цзинь*, и обозначает оно не что иное, как продвижение по службе или призового человека. Премия - степень, соответствующая А. М., поэтически описанная как веточка *Olea fragrans* - была тем более желанной, что конкурентами были все почетные люди первого класса, и ее получал лишь один из ста. Его непосредственным следствием стало такое социальное отличие, что, как говорят, бедные холостяки встречаются часто, а бедные магистры - редко.

Если бы соревнование остановилось на этом, оно стало бы олимпийской игрой огромного масштаба. Но есть и более высокие высоты, на которые нужно подняться. Новоиспеченные мастера из всех провинций отправляются в имперскую столицу, чтобы помериться силами с собравшимися учеными империи. Здесь призы составляют три из ста. Успешный студент становится доктором литературы - *Цин-ши*, "пригодным для работы". Всем таким гарантировано место, высокое или низкое, на чиновничьей лестнице.

Но остается еще одно испытание, с помощью которого те, кто хорош в прыжках в высоту, могут одним махом оказаться совсем рядом с вершиной. Этот финальный конкурс проходит во дворце - номинально в присутствии императора, и вопросы задает именно он. Его цель - отобрать самых ярких докторов для кафедр в Академии Ханьлинь - учреждении, в котором самое скромное место имеет возвышенное достоинство. Как ослепительно первое имя в этом списке! *Чуанг Юэнь*, или старший разбойник, занимает место среди губернаторов и вице-королей. Неувядаемый ореол лежит на месте его рождения. Иногда в путешествиях я видел триумфальную арку, провозглашающую: "Здесь родился лауреат империи". Такая реклама повышает стоимость недвижимости; и хорошие семьи съезжаются туда, где так благоприятно светит солнце. Лауреат, живший неподалеку от меня, выдал свою дочь замуж за вице-короля, а ее дочь стала супругой императора Тунгчи.

Каковы же возражения против столь демократичной системы, которая делает из каждого успешного ученого дворянина и дает всем вдохновение равных возможностей? Одним словом, они заключаются в том, что оно не смогло расшириться в соответствии с растущими потребностями народа. Старый учебный план, составленный Конфуцием: "Начните с поэзии, сделайте этикет своей сильной стороной, а закончите музыкой", был неплох для своего времени, но совершенно не подходит для нашего, если только речь не идет о женской семинарии. Глава Мудреца об эксперименте как источнике знаний - глава, которая могла бы предвосхитить "*Novum Organum*", - была утеряна, и государственные деятели эпохи Т'анг впали в ошибку, не оставив в своей схеме места для оригинальных исследований. Именно это сделало ум Китая бесплодным для открытий на протяжении двенадцати веков. Это было похоже на то, как если бы на остроглазого ястреба надели капюшон и позволили ему летать только на ту дичь, которая нравится его хозяину.

Главным требованием был поверхностный блеск в прозе и стихах. Темы брались исключительно из книг, самым новым из которых на тот момент было более тысячи лет. Затронуть теорию, которой там не было, было смертельно опасно, а поднять вопрос в области физической науки - нелепо. Если бы кто-нибудь предложил новую машину, он был бы вознагражден; но ни один изобретатель так и не появился, потому что лучшие умы империи были обучены рыскать с завязанными глазами по беговой дорожке, на которой не было никакой возможности для прогресса. Если бы разум нации был свободен и поощрялся к проявлению своей силы, кто может сомневаться, что страна, создавшая компас мореплавателя, могла бы породить Ньютона или Эдисона?

После Ву ни один из монархов этой династии не заслуживает внимания. Последний император был вынужден отречься от престола, и таким образом, после почти трех столетий карьеры, яркой в свете гения и изобилующей хорошими и плохими обычаями, которые задали моду на последующие века, этот великий дом угас.

ГЛАВА XXIII

ДИНАСТИЯ СУН, 960-1280 ГГ. Н.Э.
(18 императоров)

Пять философов - Ван Нган-ши, экономист - родственные татары - южные сунги - помощь монголов, призванных изгнать родов - монголы истребляют сунгов

После падения дома Т'анга за престол боролись несколько группировок. В течение пятидесяти трех лет, предшествовавших установлению Сунгов, не менее пяти из них достигли временной известности, достаточной для того, чтобы их можно было назвать "династией". В совокупности о них говорят как о "Пяти династиях" (907-960 гг.).

Их имена без исключения повторяют имена прежних династий: Лян, Тянь, Цин, Хань, Чжоу с приставкой "Поздний", что позволяет предположить, что каждый из них претендовал на роль преемника предыдущей императорской семьи. Их борьба за власть, которая не более поучительна, чем бой гладиаторов, настолько лишена интереса, что полвека, которые они охватывают, можно пропустить как пустое место. Однако, возможно, стоит напомнить читателю, что как за домом Хань последовали войны "Троецарствия", а за домом Цин - борьба Севера и Юга в рамках четырех государств, так и дом Т'анг теперь сменил пять недолговечных "династий", средняя продолжительность которых едва ли превышала десять лет. Числовая прогрессия любопытна, но важнее обратить внимание на исторический закон, который китайские писатели выводят из этих сцен путаницы. Они излагают его в такой форме: "После долгого объединения империя обязательно разделится; после долгого развала она обязательно воссоединится".

Это историческое обобщение произвело столь глубокое впечатление на общественное сознание, что если бы империя сейчас была разделена между иностранными государствами, как это уже не раз бывало, народ с уверенностью ожидал бы, что она будет вновь объединена под властью правителей своей собственной расы.

Неразделенная династия Сун правила с 960 по 1127 год; династия южных Сунгов - с 1127 по 1280 год. Основателем дома был Чао Кван Юн, умелый военачальник и проницательный политик. Он был настолько популярен среди своих солдат, что они призывали его на трон путем аккламации. Говорят, он был пьян, когда объявили о его новом достоинстве, и ему ничего не оставалось, как надеть наброшенную на плечи желтую мантию. Как бы ни был недостойным его дебют, его правление было сплошным триумфом. После семнадцатилетнего правления он оставил своему преемнику почти весь Китай вместе с роковым наследством в виде земель на севере.

Две главные особенности периода Сун - возникновение великой философской школы и постоянное вторжение татар. Два Ченга были братьями, и имена пяти ведущих философов складываются в аллитерационную линию из четырех слогов: Чео, Ченг, Чанг, Чу. Острые в рассуждениях и терпеливые в исследованиях, они преуспели в исправлении толкования священных книг и в создании теории природы и человека, от которой ересью считается инакомыслие. Возникновение их школы знаменует собой интеллектуальный прогресс по сравнению с буквенным веком тхангов. Это был век смелых спекуляций; но, как это

постоянно случается в Китае, авторитет этих великих людей был превращен в кабалу для потомков. Век их расцвета (1020-1120) уникален в истории их страны как век философии. В Европе он был частью Темных веков; в это время западный мир сотрясали крестовые походы.

Самым выдающимся из пяти философов был Чу Фу-цзе. Не самый оригинальный, он собрал лучшие мысли всех в систему, а его эрудиция была такова, что весь спектр литературы был его достоянием. Чу Хи, корифей средневекового Китая, стоит в почете после этой несравненной пары, Конфуция и Менция. Одновременно с ранними представителями этой плеяды появился Ван Нган-ши, экономист редкой оригинальности. Его главным принципом было поглощение государством всех промышленных предприятий, государственная собственность на землю и в целом патерналистская система, которая должна была вытеснить частную инициативу. Картина, представленная в его книге "Секрет мира" (сохранившейся до наших дней), была столь очаровательна, что император дал ему *карт-бланш* на воплощение своей теории в жизнь. Однако в практической жизни она оказалась неудачной - возможно, потому, что он не учел силу или слабость материалов и инструментов. Его книга - это китайская утопия, почти такая же, как у Платона и сэра Джона Мора.

На северо-востоке за Стеной находились два татарских царства, одно из которых - Кин или "Золотая Орда" - далекие предки маньчжурской династии. Будучи постоянной угрозой для оседлого населения "внутренних земель", они овладели Пекином в 1118 году. Некоторое время их сдерживали денежными выплатами, напоминающими *данегельд*, который наши предки платили морским разбойникам Северной Европы. Но платежи не были своевременными, и татары захватили часть северных провинций и продвинулись на юг до столицы империи Квай-фун-фу. Император удалился в Нанкин, оставив командовать своим сыном, который, будучи не в силах противостоять татарам, заключил позорный мир. Чтобы предотвратить разграбление города, был заплачен большой выкуп, и вся область к северу от Желтой реки перешла под власть татар.

Раскаявшись в своей жестокой сделке, китайцы спровоцировали возобновление военных действий, что привело к более тяжелому поражению. Столица сдалась после тяжелой осады, а император со своим двором был уведен в плен. Следующий император признал себя вассалом татар, но мир на таких условиях не мог быть долгим. Перемежающаяся война продолжалась более века, в течение которого Нанкин был разграблен, а двор последовательно отступил к Ханьжоу и Вэньжоу. Когда на материке больше не осталось безопасного места, несчастные беглецы искали убежища на острове. Снарядив флот, татары продолжили преследование, но, привыкшие больше к лошадям, чем к кораблям, флот был уничтожен, а угасающая династия получила новую жизнь.

Это было около 1228 года. Монголы под предводительством Чингисхана и его преемников разнесли все на северо-западе. Жаждающие мести китайцы обратились за помощью к этой новой державе, и монголы нашли возможность поймать двух зайцев вместо одного. Как говорится в китайской басне: "Морская птица, не сумевшая позавтракать моллюском, держалась за него до тех пор, пока рыбак не поймал обоих".

Кины были изгнаны обратно в Маньчжурию, а китайцы, не спрашивая разрешения у своих союзников, вновь заняли свою старую столицу. Но возрождение сунгов не входило в программу монголов. Сунги отказались покинуть Кэй-фун-фу и уступить монголам северную половину империи, и те решились на истребительную войну. После ожесточенной борьбы, длившейся пятнадцать лет, младенец-император и его опекуны вновь доверили свои судьбы морю. Монголы, более удачливые, чем другие татары, побеждали как на воде, так и на суше, и последний отпрыск императорского дома утопился, спасаясь от их ярости (1280).

ГЛАВА XXIV

ДИНАСТИЯ ЮЭНЕЙ ИЛИ МОНГОЛОВ, 1280-1368 ГГ.
(10 императоров)

Кублай-хан - первое сношение Китая с Европой - Марко Поло - Большой канал

Часть Китая часто захватывали иностранные завоеватели, но монголы были первыми, кто распространил свою власть на всю страну. Покорение Китая было делом рук Хубилая, внука Чингиза, который вступил на престол в 1260 году, унаследовав империю, более обширную, чем мечтали Александр или Сезар. В 1264 году новый хан установил свой двор в Пекине и приступил к подчинению провинций. Измученные и разобщенные, они не были сложной задачей, хотя на ее выполнение потребовалось пятнадцать лет. Одни только амбиции были бы достаточным мотивом для завоевания, но его враждебность была спровоцирована вероломством, особенно убийством посланников, отправленных с известием о его воцарении. "Без доброй воли, - говорит Конфуций, - не может существовать ни один народ".

Благодаря поглощению Китая владения Хубилая стали богаче, если не больше, чем у его деда, а великолепие его двора затмило двор Чингисхана.

Неизвестный древним римлянам, Китай был открыт их средневековым преемникам в результате монгольского завоевания. В 1261 году два венецианских купца, Николо и Маттео Поло, добрались до Бохары, откуда, присоединившись к посольству из Индии, отправились в столицу Хубилая в Ксанаду (или Шангу), расположенную неподалеку от Пекина. Это были первые белые люди, которых Великий хан когда-либо видел, и, похоже, он сразу понял, что если они и не высшей расы, то, по крайней мере, более развиты в цивилизации, чем его собственный народ; ведь, кроме того, что он доверил им письма к Папе, он дал им поручение привести сотню европейцев для обучения монголов искусствам и наукам Запада.

В 1275 году они вернулись в Пекин без других европейцев, но в сопровождении Марко Поло, сына Николо. Их приняли с большим почетом, чем во время первого визита, и молодой человек был назначен на несколько ответственных постов на службе у монарха. После семнадцатилетнего перерыва трое Поло получили разрешение присоединиться к эскورتу монгольской принцессы, которая направлялась ко двору Персии. В Персии они узнали о смерти своего знаменитого покровителя и, вместо того чтобы вернуться в Китай, повернулись лицом к родине, прибыв в Венецию в 1295 году.

Попав в плен к генуэзцам, Марко Поло, находясь в тюрьме, надиктовал свою удивительную историю. Сначала она была воспринята как роман, и ее автор получил прозвище "мессер Мильоне"; но в целом ее достоверность была полностью подтверждена.

Главным результатом этого повествования стало то, что оно разожгло воображение другого итальянца и заставило его, взяв курс на запад, искать кратчайший путь к Эльдорадо. Как странна оккультная связь подлунных вещей! Монгольский Хубилай должен быть призван объяснить открытие Америки! Эта же история разожгла фантазию Кольриджа в следующем изысканном фрагменте, который, по его словам, пришел к нему в ночном видении:

"В Ксанаду Кубла Хан

Величественный купол для наслаждений:

Где Альф, священная река, текла

Через пещеры, безмерные для человека,

Вниз к бессолнечному морю".

-Кубла Хан.

Еще один итальянец претендует на упоминание, поскольку он произвел определенное впечатление на двор Хубилая. Это был Корвино, миссионер, посланный папой; но от его церкви, школ и монастырей осталось не больше следов, чем от его предшественников, несторианцев.

Слава Хубилая была недолгой. Выносливые племена севера изнемогали от роскоши и легкости своей богатой вотчины. "Капую захватил Ганнибал. За ним последовали девять потомков основателя, ни один из которых не проявил ни энергичности, ни государственной мудрости.

Их власть ослабела более внезапно, чем возросла. Шунь-ти, последний из дома, укрылся за Великой стеной от нарастающей волны китайского патриотизма; и после девяноста лет правления, или двух веков колебаний, считая с момента прихода Чингисхана, династия Юэней безвременно оборвалась.

Великолепный водный путь, Большой канал, остается нетленным памятником монгольского владычества. Как "пищеварительный канал" он был необходим для поддержки армий, державших народ в подчинении; и монголы лишь завершили работу, за которую взялись другие династии. Описание его из личного наблюдения приведено в первой части этой работы (стр. 31). Остается сказать, что строительство канала, как и строительство Великой стены, стало главной причиной гибели его строителей. Принудительный труд и усугубленное налогообложение породили недовольство; вспыхнули восстания, а монголы были слишком слабовольны, чтобы принять активные меры для их подавления.

ГЛАВА XXV

ДИНАСТИЯ МИН, 1368-1644 ГГ. Н.Э.
(16 императоров)

Скромное происхождение основателя - Нанкин и Пекин как столица - Первое прибытие европейских кораблей - португальцев, испанцев и голландских торговцев - Прибытие миссионеров - Трагический конец последнего из Мингов

Как ни скромно было происхождение основателя Дома Хань, о котором говорили как о Пу-и, "крестьянине, одетом в домотканое полотно", происхождение отца Минов было еще более туманным. Будучи послушником или служителем (*sacrificulus*) в буддийском монастыре, Чу Юэнь Чанг почувствовал призвание освободить свой народ от угнетения. Поначалу его считали вождем разбойников, одним из многих, но соперники подчинились его лидерству, а народ принял его защиту. Овладев Нанкином, городом с богатой историей и мощной естественной защитой, он смело провозгласил свою цель. После двадцати лет кровавой борьбы ему удалось поставить Великую стену между собой и отступающими монголами. Гордый своей победой, он принял титул своего правления Хунву, "Великий воин", и выбрал Мин, "Светлый", для названия своей династии.

Оставив своего сына, принца Йена, в Пекине сдерживать татар, Хунгву провел оставшиеся лет своего правления в своей прежней столице, а затем передал скипетр своему внуку. Принц Йен, дядя юного императора, почувствовав укор в выборе отца, собрал армию и захватил Нанкин. Ему показали обугленный труп императора, и он приказал похоронить его с соблюдением всех обрядов и сразу же принял императорский сан, избрав своим царствующим титулом Юнглох, "Вечная радость". Он также перенес резиденцию правительства в Пекин, где она оставалась на протяжении пяти веков. Памятником его

покровительства литературе остается "Тезаурус Юнглоха", сборник китайской литературы, настолько обширный, что сам по себе может составить библиотеку.

Трагическим эпизодом в истории династии Мин стал захват очередного императора монголами, которым, однако, не удалось взять Пекин. Сделать нового императора было проще, чем выкупить пленника. Провозгласив его брата, татары отправили пленника обратно, надеясь, что война между братьями ослабит их врага. Уйдя в частную жизнь, он, казалось, отказался от своих притязаний, но после смерти брата вновь занял трон. Какая тема для романа!

Один римлянин назвал Великобританию "почти отрезанной от всего мира", потому что до нее нельзя было добраться по суше. Китай долгое время был отрезан от западного мира, потому что к нему не было доступа по морю. Путь в Индию был открыт Диасом и Гамой в 1498 году, а первые португальские корабли появились в Кантоне в 1511 году. Поначалу с ними обращались хорошо, но потом их стало прибывать все больше. Их вооружение было настолько грозным, что вызывало подозрения, а их акты насилия - недовольство. Под влиянием этих мотивов была устроена резня иностранных торговцев, а Андраде, своего рода посланник в Пекине, был брошен в тюрьму и обезглавлен. Торговые посты были упразднены, за исключением Макао, где португальцы получили право на существование, выплачивая ежегодную ренту.

После португальцев пришли испанцы, которые, судя по всему, довольствовались Филиппинским архипелагом, не желая провоцировать конфликт с португальцами. У китайцев не было причин бояться, поскольку превосходство их оружия позволило бы им захватить часть морского побережья, но не покорить империю так же легко, как это сделали мексиканцы и перуанцы. Возможно, им помешала та же власть, которая разделила западный континент между двумя иберийскими державами. Китайцев в Маниле стало слишком много, и испанцы резали их без пощады, словно в отместку за кровь своих двоюродных братьев, или беря пример с политики Китая.

В 1622 году голландцы попытались открыть торговлю с Китаем, но их предложения были отвергнуты, несомненно, из-за тайного противодействия португальцев, они захватили Пескадоры, а позже обосновались на Формозе, откуда их в конце концов изгнал Коксинга, китайский вольный разбойник.

Церковь, основанная Корвино в Пекине, погибла при свержении монголов. Португальские торговцы не одобряли миссии, считая, что они должны сдерживать их распутство и передавать Китаю силу, проистекающую из знаний. Узкая политика Мингов, кроме того, закрывала двери для внедрения иностранного вероучения. И все же странно, что прошло полвека, прежде чем была предпринята серьезная попытка передать Евангелие Китаю. В 1552 году святой Франциск Ксаверий, апостол Индий, прибыл в Макао. Он и его товарищи иезуиты были косвенными плодами протестантской Реформации - они принадлежали к ордену, организованному с целью поддержания и расширения власти Святого Престола. После замечательных успехов в Индии, Проливах и Японии Ксавье появился в китайских водах, но ему не разрешили высадиться на берег. Он скончался на острове Шан-Чуен или Сент-Джонс, воскликнув: "О скала, скала, когда же ты откроешься?".

Риччи, приехавший в 1580 году, добился большого успеха: но ему потребовалось двадцать лет непрерывных усилий, чтобы попасть в Пекин. Его наука, тщательно избегавшая оскорблений, и учтивые манеры оказались ключом к разгадке. Среди выдающихся людей, которые благосклонно отнеслись к его миссии, был Сюй из Шанхая, которого он окрестил именем Павел. Он не только помог Риччи перевести Евклида для людей, не знающих первых

элементов геометрии, но и смело встал на защиту миссионеров, когда их предложили изгнать. Его мемориал в их пользу - один из лучших документов в защиту христианства. Среди обращенных в христианскую веру нет более ярких имен, чем Пауль Зю и его дочь Кандида.

По продолжительности правления династия Мин выгодно отличается от большинства предшествовавших ей императорских домов; но задолго до середины третьего века она начала проявлять признаки упадка. В Корее он столкнулся с японцами и вышел из войны с тем же противником, начавшейся на той же почве три столетия спустя, с большим успехом, чем его преемник. На северо-востоке Минам удавалось сдерживать маньчжуров, несмотря на случайные набеги; но болезнь сердца подтачивала силы династии и ускоряла ее гибель. Начались мятежи, и двое из претендентов на трон стали хозяевами целых провинций. Один из них опустошил Сечжуэн, другой разорил Шаньси и двинулся на Пекин. Чунгчен, последний из Минов, поняв, что все потеряно, повесился в своем саду на Палатинском холме, зарезав свою дочь, в качестве последнего доказательства отцовской привязанности (1643).

ГЛАВА XXVI

ДИНАСТИЯ ТА-ЦЗИН, 1644-

Маньчжуры, приглашенные для помощи в восстановлении порядка, сажают на трон своих князей Предатель, генерал У Сань-квей Правление Шуньчи и Канхи Распространение христианства Ошибка папы Юнг-Ченга Преемник Кьенлунга, который отрекается от престола, но не царствует дольше своего деда Эпоха преобразований

Маньчжуры уже несколько поколений готовились к наступлению на Китай. Они никогда не забывали, что половина империи когда-то принадлежала их предкам, кинским татарам; после одной или двух неудачных попыток вернуть свое наследие они обосновались в Мукдене и ждали удобного случая. Он наступил с падением Мингов.

У Сань-квей, китайский генерал, чьей обязанностью было держать их в узде, распахнул ворота Великой стены и призвал их на помощь, чтобы изгнать успешного мятежника. Его семья была убита при падении столицы; он жаждал мести и, несомненно, питал надежду основать династию. Маньчжуры согласились на его условия и, объединив свои силы с его, двинулись на Пекин. Почувствовав, что не в силах удержать город, вождь мятежников сжег свой дворец и отступил, десять дней наслаждаясь императорским достоинством.

Генерал Ву предложил расплатиться с наемниками и попросил их уйти за Стену. Улыбаясь его простодушию, они холодно ответили, что он сам может уйти в отставку или поступить к ним на службу. Это была старая история об осле и олене. Осел легко согнал оленя с пастбища, взвалив человека себе на спину, но тот остался в седле. Вынужденный покориться, генерал использовал свои силы, чтобы привести свой народ к покорности наследственному врагу. Награжденный княжеским чином и защищенный царствующим домом, он избежал позора, который заслужил от рук историков. Предатель своей страны, он также был предателем своих новых хозяев. Он погиб во время тщетной попытки контрреволюции.

Новая династия началась с шестилетнего ребенка Шуньчи, регентом которого стал его дядя, принц Хвай. Способный и преданный, этот великий человек, которого маньчжуры называют Амаван, справился со своей задачей так, как подобает образцовому регенту, герцогу Чжоу. Его задача была не из легких. Ему пришлось подавить враждующие группировки, примирить

враждебно настроенное население и захватить множество городов, которые отказывались подчиняться. За семь лет он подчинил себе восемнадцать провинций, повсеместно введя постриг и "косичку" в качестве знака подчинения. Многие из китайцев лишились головы, отказавшись пожертвовать своими блестящими локонами; но завоевание было быстрым, а владение - надежным.

Успех маньчжуров во многом объясняется тем, что они нашли империю истощенной внутренними распрями и пришли как освободители. Одиум свержения династии Мин не лежал на них. Находясь в Мукдене, они изучали язык и письмо "Внутренней земли" и имели перед собой, в качестве руководства или предупреждения, историю прежних завоеваний.

Они превзошли своих предшественников, будь то кины или монголы, и, несмотря на все свои недостатки, дали Китаю лучшее правительство, чем любая из его родных династий.

Шунчи (1644-1662) сошел со сцены в возрасте двадцати четырех лет и оставил трон сыну, Канхи (1662-1723), который стал величайшим монархом в истории империи. Во время своего долгого правления, длившегося шестьдесят один год, Канхи поддерживал порядок в своих обширных владениях, исправлял злоупотребления в управлении и способствовал развитию образования для обеих национальностей. Примечательно, что на самом полном словаре китайского языка стоит печать Канхи, татарского государя.

Своей славой в иностранном мире Канхи во многом обязан ученым миссионерам, которые пользовались его покровительством, хотя он старался проводить различие между ними и их религией. Последняя была запрещена регентами, которые осуществляли верховную власть во время его несовершеннолетия. Их указ так и не был отменен, и преследования в провинциях продолжались без малейшего вмешательства императора. Однако его покровительство миссионерам не могло не сказаться на положении христианства в его владениях. Оно набирало силу, и к концу его царствования насчитывало более трехсот тысяч новообращенных. Ближе к концу своего правления он резко осудил чуждую веру и приказал изгнать ее распространителей, за исключением нескольких, которые требовались в Коллегии астрономии.

Благоприятное впечатление, произведенное Риччи, было углублено Шаалем и Вербистом. Первый под руководством Шунчи реформировал календарь и получил пост председателя Астрономического совета. Он также отлил пушки в помощь маньчжурскому завоеванию. Второй сделал то же самое для Канхи и занял тот же высокий пост. Шааль использовал свое влияние, чтобы добиться строительства двух церквей в Пекине. Вербист использовал свое влияние для распространения веры в провинциях. Возможно, Церковь одержала бы полную победу, если бы в ее собственных рядах не возникли разногласия. Доминиканцы и францисканцы, вступившие в дело, осуждали своих предшественников за то, что те терпели языческие обряды и принимали языческие имена для Бога. После долгих дискуссий и противоречивых постановлений окончательный вердикт был вынесен в пользу иезуитов. Похоже, что при принятии этого решения Святой Престол не руководствовался непогрешимой мудростью.

Канхи, мнение которого запросили иезуиты, утверждал, что под *Тянь* и *Шань-ти* китайцы подразумевают Владыку Вселенной, а поклонение Конфуцию и предкам - не идолопоклонство, а государственная или семейная церемония. Отказавшись от своих взглядов, Папа совершил ошибку, оттолкнув от себя великого монарха, которого можно было бы завоевать либеральной политикой. Запрет культа предков - сам по себе менее предосудительный, чем поклонение святым, - привел к тому, что все семьи вооружились против веры, которая стремилась подмять под себя их семейные алтари. Свержение *Шан-Ти*

(имя, принятое большинством протестантских миссионеров) и замена его *Тянь-Чу* не могли не потрясти лучшие чувства набожных людей. *Тянь Чу*, если и не был новой монетой, то папским указом ему было придано искусственное значение, эквивалентное "Владыке всех", тогда как раньше он возглавлял список разделенных божеств, таких как Владыка Неба, Владыка Земли, Владыка Моря и т.д.

Что удивительного в том, что в течение двух столетий христианство оставалось запрещенным вероучением! Потерянные из-за папской ошибки позиции так и не были восстановлены. Принятие *Тьен* и *Шанг-ти* протестантами, возможно, могло бы исправить ситуацию, если бы было подкреплено некоторой формой уважения к предкам.

Канхи сменил его сын Юнчэн (1722-1736), за которым последовал Кьенлун (1736-1796), во время правления которого династия достигла апогея великолепия. При Кьенлуне к империи был присоединен Туркестан. Великий лама Тибета также был зачислен в число феодалов; но он никогда не принимал законов Китая и, несомненно, считал себя отплаченным духовной данью. С тех пор ни одна территория не была присоединена, и ни одна не была потеряна, если не считать уступки Формозы Японии и Гонконга Великобритании. Уступки морских портов другим державам рассматриваются как временная аренда.

После великолепного шестидесятилетнего правления Кьенлунг отрекся от престола в пользу своего пятого сына, Кьяк'инга, по прихотливой причине, что тот не хотел править дольше своего деда. В глазах китайцев это было возвышенно. Почему они не приняли закон о том, что ни один человек не должен превосходить по продолжительности жизни своего отца?

Что касается Киак'инга, занимавшего трон в течение двадцати четырех лет, то его характер можно охарактеризовать как слабый и беспутный.

Следующие четыре царствования прошли под влиянием новых сил. Они относятся к эпохе трансформации и могут быть отнесены к части III.

ЧАСТЬ III

КИТАЙ В ПРОЦЕССЕ ТРАНСФОРМАЦИИ

ГЛАВА XXVII

ОТКРЫТИЕ КИТАЯ, ДРАМА В ПЯТИ ДЕЙСТВИЯХ - БОГ В ИСТОРИИ

Пролог - Акт 1, Опиумная война - (Заметка о восстании тайпинов) - Акт 2, Война "Стрелы" - Акт 3, Война с Францией - Акт 4, Война с Японией - Акт 5, Боксерская война

ПРОЛОГ

Если бы человека попросили назвать три самых важных события, произошедших в Азии в прошлом веке, он без колебаний назвал бы два из них - расширение Индийской империи и обновление Японии. Но где искать третье? Возможно, в Турции, Персии или азиатской России. Однако, на мой взгляд, Китай - единственная страна, история которой позволяет решить эту проблему. Открытие этой колоссальной империи для неограниченных сношений с другими странами не было постепенной эволюцией изнутри - это был результат ряда столкновений между консерватизмом крайнего Востока и прогрессивным духом западного мира.

Каждое из этих столкновений завершалось войной, порождая тучу эфемерной литературы, в которой студент может легко заблудиться, и для исчерпания которой потребовалась бы

целая жизнь допотопного человека. Поэтому я думаю, что окажу услугу своим читателям, если представлю им краткий очерк каждой из этих войн вместе с описанием их причин и последствий. Это не только убережет их от ошибочных заявлений, но и даст им представление о современной истории Китая в связи с его взаимоотношениями с другими странами.

За последние семь десятилетий Китайская империя не менее пяти раз вступала в конфликт с иностранными державами; и в каждом случае ее политика претерпевала более или менее масштабные изменения. Если рассматривать эти пять конфликтов последовательно, не касаясь тех внутренних волнений, чьи подъемы и спады напоминают океанские приливы и отливы, то я попрошу читателей представить себе Цветущую страну как сцену, на которой на памяти ныне живущих людей разыгрывалась трагедия в пяти действиях. Ее темой стало открытие Китая, а первым актом - так называемая Опиумная война (1839-42). До 1839 года Центральная империя, как гордо называют свою страну китайцы, с населением, почти равным населению Европы и Америки вместе взятых, была герметично закрыта от внешних сношений, за исключением одного пункта, а именно "фабрики" в Кантоне.

Такое положение вещей несколькими мастерскими штрихами изображено в популярном произведении на китайском языке под названием "Странные истории праздного студента". В первой из этих историй путешественник встречается в горах старика в костюме времен прежней династии, чья семья искала там убежища от анархии, предшествовавшей падению императорского дома. Этот старик даже не слышал о приходе маньчжурских завоевателей; и хотя он жаждал информации, он исчез, не дав никаких подсказок о Сонной лождине, в которой он скрывался. Автор, несомненно, задумал тихую сатиру на уединенность Китая, которому нечего было просить у внешнего мира, кроме того, чтобы его оставили в покое.

Другая зарисовка, не сатира, а предостерегающий намек - возможно, неосознанное пророчество, - озаглавлена "Волшебный ковер рыжеволосых" - вульгарное обозначение европейцев, в отличие от китайцев, которые называют себя "черноволосой расой". В ней говорится, что во времена прежней династии из какой-то неизвестной страны прибыл корабль, и люди, находившиеся на его борту, пожелали заняться торговлей. В просьбе им было отказано, но когда они попросили разрешения высушить свои товары на берегу, требуя для этого не больше земли, чем они могли бы покрыть ковром, их просьба была с готовностью удовлетворена. Ковер расстелили, а товары выставили на солнце; затем, взяв ковер за четыре угла, растянули его так, что он покрыл несколько акров. На него уселось большое количество вооруженных людей и, разбегаясь во все стороны, овладело страной. Этот эластичный ковер напоминает бычью шкуру Дидоны, которая покрывала пространство, достаточное для основания Карфагена.

АКТ 1. ОПИУМНАЯ ВОЙНА, 1839-1842 ГГ.

Татары, начавшие свое завоевание в 1644 году, естественно, с подозрением относились к иностранцам, закрепившимся в Индии, где все еще номинально властвовал Великий Могол, отпрыск их собственной расы. Торговые пункты, которые китайские императоры разрешали иностранцам открывать вплоть до Нинпо, были закрыты, и только одной точке касания было позволено остаться - вышеупомянутой фактории в Кантоне, месте, как мы увидим, достаточно большом, чтобы позволить расстелить "волшебный ковер". Внешняя торговля в то время была незначительной по сравнению с тем огромным размахом, которого она достигла сейчас. Она находилась в основном в руках англичан, как и сейчас; и немалую ее часть составлял опиум с маковых полей Индии. Несмотря на запрет, этот наркотик контрабандой ввозили во все бухты и заливы, почти не скрывая. С введением порочной

привычки к опиуму британцам ничего не оставалось делать, но они сумели обратить ее себе на пользу.

Император Тао Кванг, движимый, как говорят, несчастной судьбой одного из своих сыновей, ставшего жертвой соблазнительного яда, решил во что бы то ни стало положить конец столь губительному для его народа обороту. Комиссар Линь, уроженец Фучоу, был переведен из наместничества Вучана в Кантон и наделен широкими полномочиями для исполнения этого указа. Чтобы понять, каким образом он взялся исполнять волю своего господина, следует помнить, что дипломатические сношения в Китае еще не существовали, поскольку он считал, что находится с иностранными государствами не в иных отношениях, чем сюзерен с вассалом. Ее мандарины не желали вступать в прямые сношения ни с одним из управляющих иностранной торговлей, получая прошения и отправляя мандаты через хунских купцов, тринадцать туземных фирм, купивших монополию на внешнюю торговлю.

В 1834 году лорд Напьер был назначен на скромную должность суперинтенданта британской торговли в Китае. Он прибыл в Макао 15 июля того же года и сообщил о своем назначении письмом префекту, которое было передано для передачи коменданту городских ворот Кантона - барьера, через который не разрешалось проходить иностранцам. Письмо было возвращено через посредников без какого-либо ответа, кроме строки на обложке, сообщавшей "варварскому глазу" (консулу), что документ "отброшен", поскольку на нем не было иероглифа *pin* (или *ping*), означающего "смирненное прошение".

Это стало началом печали как для Китая, так и для бедного Нэпира, который, не сумев наладить равноправные отношения с мандаринами, удалился в португальское поселение Макао и умер от разочарования. Выдающийся американский государственный деятель Джон Куинси Адамс, рассказывая в более поздние годы о последовавшей войне, заявил, что ее причиной был не опиум, а *пин*, то есть наглая претензия на превосходство со стороны Китая.

Неутихающий конфликт, спровоцированный этими оскорблениями, был ускорен в 1839 году действиями нового вице-короля, который взялся за полное пресечение торговли опиумом. Однажды утром, вскоре после его прибытия, иностранцы в Кантоне, которых всегда запирали на ночь для их же безопасности, проснулись и обнаружили, что их окружили солдаты и угрожают без разбора расправой, если они не сдадут несносный наркотик, хранившийся на их опиумных судах, стоящих на якоре за пределами гавани.

Пока они обсуждали, как поступить, из Макао прибыл капитан Чарльз Эллиот, новый управляющий, который смело согласился разделить тяготы своих соотечественников. Созвав купцов, он попросил их сдать ему опиум, чтобы использовать его на службе королевы в качестве выкупа за жизни ее подданных, заверив их, что правительство Ее Величества позаботится о том, чтобы они получили надлежащую компенсацию. Двадцать тысяч сундуков опиума были переданы вице-королю (который уничтожил наркотик, смешав его с негашеной известью в огромных чанах), а пленники были отпущены на свободу.

Вице-король воображал, что инцидент исчерпан, и льстил себе, что одержал более легкую победу, чем мог бы одержать, отправив свои джонки против вооруженных кораблей контрабандистов. Он и не подозревал, что зажег медленную спичку, которая взорвет стены его собственной крепости и отдаст сам трон на милость "варваров".

В Китай были направлены мощные силы, чтобы потребовать репарации, за которую была обещана честь короны, и наказать китайцев за жестокость, с которой они пытались подавить запрещенную торговлю. Гордый город Кантон избежал бомбардировки, заплатив выкуп в размере 6 000 000 долларов; острова и морские порты были заняты британскими войсками

вплоть до реки Ян-цзе; а Нанкин, древняя столица, был спасен от попадания в руки только благодаря принятию условий мира, которые сэр Генри Поттингер счел нужным навязать.

Эти условия были удивительно умеренными для завоевателя, который, не считаясь с интересами других держав, мог бы захватить всю империю. Помимо платы за уничтоженную наркоту, они заключались в открытии пяти портов для британской торговли и уступке Великобритании Гонконга, скалистого островка, который в то время был обителью рыбаков и пиратов, а сегодня претендует на то, чтобы превзойти все морские порты мира по объему грузоперевозок. Ни слова, заметим, об открытии обширных внутренних районов, ни слога в пользу легализации торговли опиумом или терпимости к христианству.

Так что обвинение в том, что эта война, носящая зловонное название, была развязана с целью заставить Китай подчиниться продолжению безнравственной торговли, не выдерживает критики. То, что контрабандная торговля будет продолжаться безнаказанно, несомненно, предвидели и рассчитывали заинтересованные стороны; но морально можно быть уверенным, что если бы китайцы понимали, как с ней бороться, они могли бы избавиться от инкуба, не провоцируя новый выстрел.

Первый акт заканчивается в 1842 году, и я могу заявить о своем личном интересе, поскольку мое внимание впервые было обращено на Китай как на поле для миссии под грохот британских пушек во время Опиумной войны.

Китай не был открыт, но пять ворот были приоткрыты против его воли. За это она должна благодарить гордость и невежество императора и вице-короля, которые ввели их в заблуждение и заставили иметь дело с британскими купцами, как полицейский имеет дело с карманниками. Впервые в своей истории узнала о существовании наций, с которыми ей придется общаться на равных.

Умеренность и терпеливость Поттингера, воздержавшегося от требования больших уступок и оставившего все последствия этой войны на усмотрение времени, можно справедливо сравнить с политикой commodore Перри в отношениях с Японией в 1854 году. Можно также спросить, пошла бы Япония на уступки с такой готовностью, если бы не видела, как ее огромный сосед склоняется перед превосходящей силой?

Важным последствием Опиумной войны стало возникновение восстаний в разных частях империи. Престиж татар оказался в пыли. До сих пор считавшиеся непобедимыми, они были побеждены горсткой иностранцев. Не было ли это верным признаком того, что Небесный суд отозвал их божественное поручение? А если так, то не удастся ли вырвать скипетр из их слабой руки и освободить китайскую расу?

Личные амбиции разгорались при виде такой перспективы, а патриотизм побуждал людей к общему делу. На поле боя вышли три партии: Тай-пинги на юге, "красноволосые" на морском побережье и Ниенфи на севере. Ни одна из двух последних не заслуживает внимания, но первые заняли свое место в истории, которое не вправе игнорировать, даже если бы их история была менее романтической, чем она есть. Здесь будет уместно привести следующую заметку о восстании Тай-пина.

ВОССТАНИЕ ТАЙ-ПИНА

В 1847 году молодой человек с хорошим образованием и приятными манерами, по имени Хунг Сиу-Цуен, явился в американскую баптистскую миссию в Кантоне, сказав, что видел их

священную книгу и желает получить наставления. Он получил его от преподобного Иссахара Робертса и был должным образом зачислен в катехумены. Не приняв таинства запечатывания и не взяв своего наставника в доверие, Сиу-Цуен вернулся в свой дом в Хва-Хиен и начал распространять свое новое вероучение. Его таланты и рвение завоевали приверженцев, которых он организовал в общество под названием "*Шан-ти-хуэй*", "Церковь верховного Бога". В результате преследований оно превратилось в политическую партию, в которую по разным мотивам были привлечены многие люди.

Вслед за ранней Церковью, при отсутствии какой-либо современной модели, его новообращенные ожидали и получали духовные дары. Охарактеризуем ли мы эти проявления как истерию, гипноз или лицемерие? Их фанатизм был заразителен, особенно после бегства в горы Кванси. Там Сиу-цзюнь смело поднял флаг восстания и провозгласил, что у него есть божественный призыв вернуть трон китайской расе и избавить народ от проклятия идолопоклонства. В этом двуедином крестовом походе ему активно помогал некто Ян, обладавший всеми качествами успешного иерофанта. Проницательный и расчетливый, Ян мог по своему желанию вызывать каталептические припадки, во время которых его речи выдавались за слова Святого Духа.

Новая империя, которую они пытались создать, называлась *Тай-пин-тянь-квох*, "Царство небесное и царствование мира". Хун был императором, которому салютовали "*Вансюэ!* (по-японски *Банзай!*) "10 000 лет!". Яна как принца-премьера приветствовали "9 000 лет", девять десятых банзая. Он был средством связи с Небесным двором, и все их великие движения совершались по приказу Шанг-ти, Верховного правителя.

Однажды Ян впал в транс и заявил, что Шанг-Ти недоволен каким-то поступком своего вождя и требует, чтобы тот принял наказание на свои обнаженные плечи. Вождь подчинился, из легковерия или из соображений политики, сказать трудно, но тем самым вера его последователей, похоже, была скорее подтверждена, чем поколеблена. Ян также не воспользовался позором своего вождя, чтобы узурпировать его место или обращаться с ним как с марионеткой.

Через Яна стало известно, что они должны покинуть свою горную крепость и направиться в Нанкин, который стал столицей после изгнания монголов и которому суждено было обрести такое же достоинство после свержения маньчжуров. Эта программа, отличавшаяся беспримерной смелостью, была быстро приведена в исполнение. Спустившись на равнины Хунани, они, подобно горному потоку, сметали все на своем пути и начали марш к центральной крепости, расположенной в пятнадцати сотнях миль от них. Взяв "Великую реку" у Ханькоу, они разграбили три богатых города Вучан, Ханьян и Ханькоу и, захватив все джонки, пустились в плавание, не сомневаясь в исходе своего путешествия.

Нанкин был взят штурмом, несмотря на предполагаемую неприступность его крепостных стен, а также несмотря на 25 000 маньчжурского гарнизона. Эти последние, должно быть, сражались с яростью отчаяния, ибо прекрасно знали, какая судьба их ожидает. Ни один не остался в живых, чтобы рассказать об этом - это было в 1853 году. Тайпины держались в течение десяти лет, и можно с уверенностью утверждать, что без помощи иностранных миссионеров они никогда не были бы вытеснены.

Вторая часть их предприятия - изгнание маньчжуров из Пекина - закончилась поражением. Сильный отряд был отправлен на север по Большому каналу. Сначала они шли с большим успехом - ни один город не мог остановить их продвижение, которое напоминало вторжение Наполеона в Россию. В начале зимы их встретили сильные войска под командованием монгольского принца Сенгколинсина; затем пришли более страшные генералы - Январь и

Февраль. Не имея возможности продвинуться вперед, они перешли на зимнее положение и совершили ошибку, разделившись на два города, где были осаждены и подробно отрезаны.

Тем временем взоры всего мира были обращены к Нанкину. Военные корабли были отправлены на разведку, и консул Т. Т. Медоуз, сопровождавший *"Гермес"*, сделал доклад, полный сочувствия; но неудача экспедиции на север удержала нацию от какого-либо официального признания правительства Тайпина.

Миссионеров привлекало их исповедание христианства. Среди прочих я предпринял безуспешную попытку связаться с ними. Не сумев убедить своих лодочников преодолеть блокаду, я вернулся домой и взялся за перо в их защиту. Мои письма были хорошо приняты, но они не помешали солдатам удачи, таким как американец Фредерик Г. Уорд и полковник Гордон из британской армии, бросить свои мечи на весы.

Двое субботников, узнав, что повстанцы соблюдают субботу как день отдыха, отправились подтвердить их древний обычай. Узнав на заставе, что кажущееся согласие с их собственной практикой проистекает из ошибки в подсчетах, они не стали продолжать путь.

Миссионером, который действительно проник в штаб-квартиру повстанцев, был преподобный Иссахар Робертс, первый наставник вождя повстанцев. Последний прислал ему послание с приглашением ко двору. Его пребывание было недолгим. Он обнаружил, что его закадычный ученик заменил новый способ крещения: ни окропления, ни погружения, а омовение ямки желудка полотенцем, смоченным в теплой воде! Кто сказал, что китайцы не оригинальны? Вероятно, спор Робертса лежал глубже, чем просто церемония. Исповедуя новозаветное вероучение, мятежный вождь формировал свою практику на примере Ветхого Завета - убивал мужчин так же безжалостно, как Давид, и, подобно Соломону, наполнял свой гарем женщинами. Если ему возражали по любому поводу, это грозило опасностью; поговаривали, что под угрозой была жизнь Робертса.

Тайпины приняли несколько странных титулов. Как уже говорилось выше, премьер назывался "Отец 9000 лет"; остальным князьям приходилось довольствоваться 7000, 6000 и т. д. - или семь десятых и шесть десятых "Живи вечно!". Христос был "Небесным Старшим Братом", а вождь называл себя "Младшим Братом Иисуса Христа". Эти обозначения могут вызвать улыбку, но когда он называл Яна, своего советника, "Святым Духом", хотелось заткнуть уши, как это делали древние евреи. Распущенные нравы тайпинов и их попирание святынь приводили в ужас христианский мир, и Гордон, несомненно, считал, что оказывает услугу Богу, разгоняя орду богохульников и чернокнижников.

Победа Гордона принесла Ли Хунг Чангу графство; но китайцы не воздали Гордону посмертных почестей, как это было с Уордом, у которого есть храм и который считается одним из богов империи.

Тайпинов обычно называли чанмао, "длинноволосыми" повстанцами, поскольку они отвергали постриг и "косичку" как знаки подчинения. Они напечатали в Нанкине, по их словам, "императорской властью", издание Священного Писания. В свое время лорд Элгин, возмущенный поведением пекинского правительства, предложил заключить соглашение с нанкинским двором. Французский министр отказался от сотрудничества, отчасти потому, что мятежники не были осторожны в проведении различия между изображениями в римско-католических часовнях и языческих храмах, но главным образом из-за возражений против усиления протестантского влияния в сочетании с боязнью потерять власть, которая исходит от протектората римско-католических миссий. Насколько изменилось бы будущее Китая, если бы союзные державы поддерживали тайпинов против маньчжуров!

АКТ 2. ВОЙНА "СТРЕЛЫ", 1857-1860 ГГ.

Во втором акте этой грандиозной драмы на мировой арене судно под названием "*Стрела*", как и опиум в прежнем конфликте, стало поводом, а не причиной. Причиной, как и раньше, были гордость и невежество китайцев, хотя британцев нельзя полностью оправдать. Их флаг был скомпрометирован, и они пытались его защитить. Прошло пятнадцать лет выгодной торговли, в течение которых Китай был в двойном выигрыше, получая свет и опыт в дополнение к менее ценным товарам, когда вице-король Йех захватил лорху "*Эрроу*" по обвинению в пиратстве. Хотя судно принадлежало китайцам, оно было зарегистрировано в Гонконге и ходило под британским флагом. Если бы вице-король передал ее британскому суду для разбирательства, справедливость, несомненно, восторжествовала бы над преступниками, и две нации не оказались бы втянутыми в конфликт; но, надменный и поспешный, вице-король отказался признать, что британское правительство имеет какое-либо право вмешиваться в его разбирательство. К сожалению (или к счастью), британские интересы в Кантоне находились в руках консула Паркеса, впоследствии сэра Гарри Паркеса, знаменитого полномочного представителя в Пекине и Токио.

Сэр Джон Боуринг был губернатором Гонконга и курировал британские интересы в империи. Талантливый поэт и восторженный сторонник всеобщего мира, он был человеком, на которого можно было рассчитывать, если это в человеческих силах, чтобы держать псов войны на поводке. Но он тоже был консулом в Кантоне и на собственном опыте знал, в какой трясине могут захлебнуться самые лучшие намерения.

Паркес, которого я узнал как министра Ее Британского Величества в Пекине, был душой чести, такой же честный, как любой человек, который ходил по земле. Но при всей своей прямоте он, как и вице-король Йе, был вспыльчив и непреклонен. Когда вице-король отказал ему в требовании выдать "*Стрелу*" и ее экипаж, он пригрозил ему тяжестью львиной лапы. Встревоженный, но не сломленный, вице-король отправил пленников в кандалах в консульство, вместо того чтобы заменить их на корабле; он не позволил себе ни слова вежливости или извинений. Паркс, слишком вспыльчивый, чтобы обращать внимание на такую пренебрежительную неформальность, отправил их обратно, как пинают футбольный мяч; а вице-король, разгневанный до предела, приказал отрубить им головы без суда и следствия.

Здесь был гордиев узел, который ничто, кроме меча, не могло развязать. Война, как и прежде, была спровоцирована безрассудством вице-короля. Миротворительный губернатор не пожелал смириться с оскорблением своей страны, не соизволил вмешаться и обладатель Драконьего трона; он смотрел на ситуацию с тем же возвышенным безразличием, с каким царь Персии относился к военным приготовлениям младшего Кира, когда тот, как рассказывает Ксенофонт, полагал, что тот собирается лишь померяться силами с соседним сатрапом. Как можно было открыть Китай, как можно было добиться стабильного равновесия, пока иностранные державы находились на расстоянии от столицы империи?

Через три месяца надменный вице-король оказался в плену в Индии и больше не вернулся, а столицу его провинции удерживал гарнизон британских войск. В этом случае не повторилась старая ошибка с признанием города выкупом, иначе Кантон мог бы и дальше оставаться очагом мятежных заговоров и антииностранной вражды. Паркес знал людей, а также их правителей. Поэтому ему было позволено вести себя с ними по-своему. Убрав вице-короля, он предложил Пехквею, маньчжурскому губернатору, занять его место и управлять провинцией так, как если бы два государства были в мире. Как ни странно, губернатор не

отказался от этой задачи. Это объясняется тем, что он не одобрял политику вице-короля и верил в заверения, что Великобритания не имеет никаких намерений против царствующего дома или его территориальных владений.

К удивлению китайцев, которые в своих родных историях находят, что азиатский завоеватель всегда захватывает столько территории, сколько он в состоянии удержать, вскоре стало очевидно, что английская королева ведет войну не в духе завоевания. Ее премьер-министр, лорд Пальмерстон, пригласил к сотрудничеству Францию, Россию и Соединенные Штаты в движении, которое, как ожидалось, будет выгодным для всех, особенно для Китая. Франция, которая в то время была амбициозным преемником великого Наполеона, воспользовалась возможностью направить сильный контингент, чтобы сдержать Англию и получить для себя свободу действий в Индо-Китае, а возможно, и в самом Китае. Для враждебного отношения к Китаю она нашла предлог в судебном убийстве миссионера в Кванси, точно так же, как Германия нашла двух своих миссионеров в качестве предлога для оккупации Киао-Чао в 1897 году. Неудивительно, что китайцы стали осторожнее относиться к приставам к миссионерам; но прежде чем они усвоили этот урок, им потребовалось практическое обучение.

Не имея возможности захватить ни кусочка Китая, пока его могущественный союзник воздерживался от территориальных притязаний, Луи Наполеон впоследствии использовал свои войска для расширения границ небольшого государства, на которое французы претендовали в Аннаме, заложив основу владычества, которое в значительной степени утешает их за потерю Индии. Америка и Россия, не желая исправлять нанесенные им обиды, отказались посылать войска, но согласились оказать моральную поддержку движению за то, чтобы поставить внешние отношения с Китаем на удовлетворительную основу.

Весной 1858 года представители четырех держав встретились в устье Пейхо, сотрудничая в рамках некоего свободного концерта, который позволял каждому вести переговоры по своему усмотрению. В качестве переводчика при американском министре distinguished У. Б. Риде я имел прекрасную возможность наблюдать за тем, что происходило за кулисами, а также был зрителем не одного сражения.

Нейтралы, прибывшие раньше воюющих сторон, начали переговоры с вице-королем Чихли, в ходе которых могли быть добавлены дополнительные статьи, но старые договоры должны были остаться в основном без изменений. Другие посланники, вышедшие на сцену, настаивали на том, чтобы вице-король носил титул и был облечен полномочиями полномочного представителя. Получив отказ, как "несовместимый с абсолютным суверенитетом императора", они взяли штурмом форты и направились в Тяньцин, где их встретили люди, чьи полномочия были оформлены в надлежащей форме, хотя сомнительно, что их полномочия превышали полномочия потрясенного вице-короля. Жалкой уловкой для поддержания чувства превосходства было размещение в депеше, сообщающей об их назначении, названий иностранных государств на одну позицию ниже, чем название Китая. Когда на это скрытое оскорбление указали, они извинились за канцелярскую ошибку и заставили исправить депеши.

Союзники могли диктовать свои условия; и они получили все, что просили, хотя, как мы увидим, просили они недостаточно. Остальные получили то же самое, хотя не нанесли ни одного удара и не пролили ни капли крови. Одна статья, известная как "положение о наиболее благоприятствуемой нации" (уже содержавшаяся в договоре 1844 года), была всем, что нам требовалось, чтобы мы могли собирать плоды, когда другие трясут дерево.

Были открыты еще четыре морских порта, но Тьенстина, где были заключены договоры, среди них не было. Я помню, как лорд Элгин, чья воля была абсолютной, говорил, что не желает, чтобы его открыли для торговли, потому что в этом случае он будет использован для подавления столицы - как будто *подавление* не является тем, что необходимо, чтобы заставить фанатичное правительство встать на путь прогресса. Никогда еще человек, пользующийся репутацией государственного деятеля, не проявлял себя более недалеким. Его ошибка привела к возобновлению войны и ее продолжению еще на два года.

На следующий год, когда посланники прибыли к устью реки, направляясь в Пекин для обмена ратифицированными копиями договоров, они обнаружили, что форты восстановлены, река перекрыта, а доступ в столицу через Тяньсин категорически закрыт. Китайцев не обвинили в нарушении веры, но союзники, чувствуя себя оскорбленными тем, что дверь была закрыта перед их носом, решили открыть ее силой. У них была сильная эскадра, но их канонерские лодки не могли противостоять фортам. Некоторые из них были потоплены, другие выброшены на берег, и день закончился катастрофическим поражением. Хотя американцы не принимали никакого участия в конфликте, они были равнодушными зрителями. Услышав, что британский адмирал ранен, их коммодор, храбрый старый Татналл, прошел сквозь ливень пуль, чтобы выразить свое сочувствие, и по пути разбил свою лодку и потерял человека. Когда его попросили протянуть руку помощи, он воскликнул "Кровь гуще воды" и, бросив нейтралитет на произвол судьбы, отправился на буксире к флотилии британских барж. Его слова отозвались эхом по всему миру, а его поступок, хотя и невежливый с точки зрения дипломатии, имел эффект скрепления связей двух родственных народов.

Видя отпор союзников, американский министр, почтенный Дж. Э. Уорд, решил принять предложение, от которого они отказались, а именно: отправиться в столицу по суше под китайским конвоем. В договоре, носителем которого он являлся, его страна обязывалась использовать свои добрые услуги при возникновении трудностей с другими державами. Не гнушаясь ни предписанным маршрутом, ни способом передвижения, он считал своим долгом как можно скорее предстать перед тронем в надежде предотвратить грозящую беду. Для него это была возможность совершить нечто великое и доброе, а для Китая - последний шанс уберечься от сокрушительного удара. Но китайцы были настолько воодушевлены своим неожиданным успехом, что не были настроены соглашаться на услуги посредника. Император настаивал на том, что он должен встать на колени, как данник из вассального государства. "Скажите им, - сказал мистер Уорд, - что я стою на коленях только перед Богом и женщиной" - речь смелая и рыцарская, но недостойная министра и непонятная для китайцев. С этим он покинул столицу и оставил Китай на произвол судьбы. Он был не первым посланником, встретившим грубый отпор при китайском дворе. В 1816 году лорду Амхерсту не позволили увидеть "Лицо дракона", потому что он отказался преклонить колени. В тот момент Англия была не в состоянии наказать за оскорбление; но это было как-то связано с войной 1839 года. В 1859 году было жалко видеть, как держава, чье существование висело на весах, отторгает друга неподобающей дерзостью.

В следующем году (1860) объединенные силы двух империй стояли у ворот Пекина. Летний дворец был превращен в пепел в наказание за убийство роты солдат и офицеров под флагом перемирия; он до сих пор представляет собой неприглядные руины. Император бежал в Тартарию, чтобы найти себе могилу, а трон и столица впервые оказались во власти оккупационной армии. При вступлении на престол Хиен-фэна в 1860 году старый советник посоветовал ему сделать своим долгом "восстановление ограничений по всему побережью".

Его попытка сделать это стала одним из источников его несчастий. В этих стенах были подписаны дополнительные статьи, по которым Китай отказывался от своих абсурдных притязаний, от долгого уединения и, по примеру Франции, открывал всю империю для деятельности христианских миссий. Рескриптом они были допущены в Пять портов, но не дальше.

Так заканчивается второй акт драмы, и зритель, должно быть, не обладает достаточной духовной проницательностью, если не видит, как рука Божья управляет распрями народов и промахами государственных деятелей.

АКТ 3. ВОЙНА С ФРАНЦИЕЙ

Занавес третьего акта драмы поднимается в 1885 году. Пекин был открыт для проживания, и я возглавил колледж для подготовки дипломатических агентов.

Я находился в Жемчужном гроте, моем летнем убежище недалеко от Пекина, когда меня вызвал в город гонец из Совета иностранных дел. Министры сообщили мне, что французы уничтожили их флот и захватили арсенал в Фучжоу. "Это, - сказали они, - война. Мы хотим знать, как следует обращаться с некомбатантами противника в соответствии с нормами международного права". Я написал краткое заявление, взятое из учебников, которое сам перевел для использования китайским правительством; но не успел я закончить писать, как пришел секретарь и сказал, что Большой совет желает получить его как можно скорее, поскольку собирается составить указ по этому вопросу. На следующий день императорский указ провозгласил военное положение и заверил французов в Китае, что если они воздержатся от участия в каких-либо враждебных действиях, то могут оставаться на своих местах и рассчитывать на полную защиту. Тогдашнее правительство с честью выполнило свое обещание. Ни один миссионер не подвергся нападкам во внутренних районах страны; двум французским профессорам, принадлежащим к моему факультету, было разрешено продолжать занятия.

Боевых действий было немного. Французы захватили Формозу, и обе стороны готовились к испытанию сил, когда одно, казалось бы, незначительное событие заставило их прийти к взаимопониманию. Небольшой пароход, принадлежавший таможенной службе и использовавшийся для снабжения маяков, был захвачен французами, и сэр Роберт Харт обратился к французскому премьеру Жюлью Ферри с просьбой освободить его. Оно было с готовностью удовлетворено, и в то же время было дано понять, что французы будут рады предложениям об урегулировании ссоры. Условия были легко согласованы, и обе стороны вернулись к *status quo ante bellum*.

По условиям договора ни одна из сторон ничего не выиграла и не потеряла, но, по сути, Франция одержала значительную победу. Отныне она спокойно владела Тонгкингом, княжеством, которое Китай считал своим вассалом и старался защищать.

АКТ 4. ВОЙНА С ЯПОНИЕЙ

Китай не до конца усвоил урок, преподанный этим опытом; десять лет спустя четвертый акт драмы вырос из ее неразумной попытки защитить другого вассала.

В 1894 году японцы, спровоцированные вмешательством Китая в их предприятия в Корее, смело взяли за меч и завоевали себе место среди великих держав. Я был в Японии, когда началась война, и на вопрос компании иностранцев, что я думаю о шансах Японии, ответил: "Рыба-меч может убить кита".

Островитяне не только изгнали китайцев с Корейского полуострова, но и завладели теми самыми районами в Маньчжурии, из которых они только вчера вытеснили русских. Сам Пекин оказался в опасности, когда Ли Хунг Чанг был послан к микадо просить о мире. К счастью для Китая, японский убийца всадил пулю в голову его посла, и микадо, устыдившись этого трусливого поступка, даровал мир на легких условиях. Величайший государственный деятель Китая до конца своих дней носил эту пулю в своей *твердой оболочке*, гордясь тем, что принес себя в жертву за свою страну, и радуясь тому, что один маленький шарик заставил замолчать батареи двух империй.

По условиям договора Япония должна была оставить за собой Порт-Артур и Ляо-тун. Но это соглашение находилось в фатальном противоречии с политикой великой державы, которая уже положила глаз на богатые провинции Маньчжурии. Заручившись поддержкой Франции и Германии, Россия вынудила японцев отступить, а через три года сама заняла эти позиции, разжигая в груди Японии огонь мести и сея семена новой войны.

[Сноска *: Русско-японская война не входит в нашу программу, поскольку Китай не был ее участником, хотя она затрагивала его интересы и даже его существование. Эта тема будет рассмотрена в другой главе].

Поражение Китая от рук презираемого соседа было, если возможно, более глубоким, чем унижение от англичан и французов в 1860 году. Она увидела, как принятие западных методов облекло маленький восточный народ в неодолимую мощь; и ее мудрейшие государственные деятели задались целью произвести аналогичные преобразования в своей древней империи. Молодой император показал себя способным учеником, издав серию реформаторских указов, которые встревожили консерваторов и вызвали реакцию, ставшую последним актом в этой грандиозной драме.

АКТ 5. ВОЙНА БОКСЕРОВ

Пятый акт открывается *государственным переворотом* вдовствующей императрицы и завершается взятием Пекина объединенными силами цивилизованного мира.

Вместо того чтобы пытаться, хотя бы в общих чертах, изложить события, будет полезнее обратить внимание на источники действия. Следует помнить, что покойный император был приемным сыном вдовствующей императрицы. После смерти ее родного сына Тунг-чи, который занимал трон в течение одиннадцати лет при совместном регентстве двух императриц, его мать стала искать кого-нибудь, кто мог бы усыновить его вместо себя. По нетрудным для понимания мотивам она выбрала среди своих племянников трехлетнего младенца и дала ему титул *Квангсу*, "Знатный наследник". Когда он достаточно подрос, чтобы доверить ему бразды правления, она сделала вид, что слагает с себя власть, повинаясь обычаю. Однако она потребовала от императорского юноши, чтобы он навещал ее в загородном дворце и раз в пять дней бросался к ее ногам - достаточное доказательство того, что она держала руку на штурвале, хотя разрешила племяннику изображать из себя рулевого. Она сама отличалась прогрессивными идеями, и не было ничего странного в том, что молодой человек под влиянием Кан Ювэя, поддерживаемый просвещенными наместниками, пошел дальше своей приемной матери. В течение трех лет после окончания войны он провозгласил ряд новых мер, которые были равносильны отказу от старой политики; и вряд ли она не одобряла ни одну из них, пока шесть министров Коллегии обрядов, хранителей своего рода левитского закона, не обратились к ней с просьбой спасти империю от ужасов революции.

Для нее приказывать означало подчиняться. Наместники были ее ставленниками, и она знала, что они до последнего будут ее слушаться. Император, хотя и номинально независимый, не был освобожден от обязательств сыновнего долга, которые были тем более обязательны, что были созданы по ее добровольному выбору. Не было никакой вероятности, что он окажет серьезное сопротивление, и было совершенно очевидно, что его не поддержат, если он это сделает. Выйдя из-за завесы, она выхватила скипетр из его неопытной руки, как мать отбирает смертоносное оружие у полувзрослого мальчика. Смирившись с неизбежным, он официально отказался от своих самодержавных полномочий и, признав свои ошибки, попросил ее "научить его управлять". Это было в сентябре 1898 года.

Лишенный всех остатков власти, несчастный принц был заключен, как государственный узник, в уединенный дворец, где, как считалось, он вскоре получит в подарок шелковый шарф в качестве намека на то, чтобы освободить место для более достойного преемника. То, что его жизнь была пощажена, несомненно, объяснялось определенным уважением к общественным настроениям мира, к которым Китай не совсем равнодушен. Не имея прямого наследника, вдовствующая императрица усыновила сына принца Туана в качестве наследника, очевидно, рассчитывая на то, что вакансия вскоре будет заполнена. Принц Туан, до этого неизвестный в политике государства, с этого момента стал лидером реакционной партии. Полагая, что его сын вскоре будет призван на трон после смерти императора, он надел на себя все одежды *Тай-шанг Хванга*, или "Отца императора".

Здесь снова вступает в действие *patria potestas*, и в короткой карьере отца наследника она проявляется в самой преувеличенной форме. Под влиянием реакционной клики, главой которой он был признан, вдовствующую императрицу в ее новое регентство побудили отменить почти все, что было сделано императором в области реформ. В своем указе она цинично заявила: "Из этого не следует, что мы должны прекратить есть, потому что нас подавили!". Неприязнь к иностранным методам порождала плохо скрываемую ненависть к иностранцам, и как раз в эту эпоху произошла серия агрессий со стороны иностранных держав, которые раздули эту ненависть до пламени.

Осенью 1897 года Германия потребовала уступить Киао-Чао, назвав это арендой на 99 лет. Весной следующего года Россия на условиях аренды на 25 лет получила Порт-Артур для конечного пункта своей длинной железной дороги. Англия и Франция последовали ее примеру: одна взяла в аренду Вэй-хай-вэй, другая - Кван-чжоу-ван. Хотя в каждом случае использовалось слово "аренда", китайцы знали, что передача означает постоянное отчуждение.

Поднялся шум и крик против того, что они называли "нарезанием дыни", а в Шантунге, где произошел первый акт разграбления, боксеры, буйное общество с давних времен, были поощрены к открытой войне против местных христиан, иностранцев и иностранных товаров, включая железные дороги, телеграфы и всевозможные товары.

Только после того, как эти хищные банды вошли в столичную провинцию с явной целью пробиться к Пекину, легаты предприняли шаги по усилению своей охраны. Небольшое подкрепление из 207 человек, к счастью, достигло Пекина за несколько дней до крушения железной дороги.

[Сноска *: 30 марта 1900 года в лондонскую миссию в Тенцине был сброшен следующий боксерский манифест в звенящих рифмах. Здесь он приводится в прозаическом варианте, взятом из книги "Бегство за жизнью" преподобного Дж. Х. Робертса, издательство "Пилигрим", Бостон.

"Мы, боксеры, пришли в Тяньсин, чтобы убить иноземных дьяволов и защитить маньчжурскую династию. Сверху на нашей стороне вдовствующая императрица, а снизу - Чжунлу. Солдаты Юйлу и Юйхэна [губернаторы Шаньтуна и Чили] - наши люди. Когда мы закончим убивать в Тяньсине, мы отправимся в Пекин. Все высокопоставленные и низкопоставленные чиновники будут приветствовать нас. Кто боится, пусть быстро бежит, спасая свою жизнь"]].

Чтобы защитить иностранное поселение в Тяньсине, которому в то время угрожали боксеры, объединенные военно-морские силы взяли штурмом форты в устье реки и продвинулись к этой богатой империи. Суд осудил это как акт войны и приказал всем иностранцам покинуть столицу в течение двадцати четырех часов. Это означало резню от рук боксеров. Министры иностранных дел выразили протест, и путем длительных переговоров попытался избежать выполнения жестокого приказа.

20 июня немецкий министр, барон фон Кеттелер, направлялся в Министерство иностранных дел, чтобы получить отсрочку, когда его застрелил на улице человек в солдатской форме. Его секретарь, хотя и раненый, поднял тревогу, и все легаты со всеми своими соотечественниками укрылись в британском легате, за исключением епископа Фавье и его людей, которые с помощью сорока морских пехотинцев мужественно защищались в новом соборе.

Вечером нас обстреляли правительственные войска, и с тех пор мы находились в тесной осаде и подвергались убийственным атакам днем и ночью в течение восьми недель, когда объединенные силы под флагами восьми наций взяли стены штурмом, как раз вовремя, чтобы предотвратить такую резню, какой мир еще не видел. Резня в больших масштабах не была редким зрелищем; но никогда еще в истории мира ни одно правительство не было замечено в попытке уничтожить целый дипломатический корпус, каждый член которого священен по закону народов.

[Сноска *: ОБРАЩЕНИЕ ИЗ ЛОГОВА ЛЬВА

(Это обращение, написанное за четыре недели до окончания осады, не дошло до внешнего мира. Сейчас оно печатается впервые. Ничто из того, что я мог бы сейчас написать, не показало бы ситуацию с такой яркостью. Оно раскрывает картину, как вспышка молнии).

"Британское представительство, 16 июля 1900 года.

"ХРИСТИАНСКОМУ МИРУ

"19-го числа китайцы объявили войну в связи с нападением на форты в Таку. С тех пор мы были заперты в здании британского легата и других прилегающих зданиях, и день и ночь нас обстреливали дробью и снарядами. Оборона была великолепной. Около 1000 иностранцев (обоих полов) удерживают позиции против сил Империи. Несколько тысяч новообращенных китайцев зависят от нас в плане защиты. Городская стена возле легаций удерживается нашими людьми, но китайцы оттесняют их назад и загоняют наши аванпосты. Смертность в наших рядах очень велика, и если в ближайшее время не придет помощь, мы все погибнем. Наши мужчины храбро сражаются, а наши женщины проявляют возвышенное мужество. Пусть эти ужасные жертвы окажутся не напрасными! Мы - жертвы языческого фанатизма. Пусть эта языческая империя будет разделена между христианскими державами, и пусть с наступлением нового века для Китая откроется новый порядок вещей!

"Главным убежищем для местных христиан является Римско-католический собор, где епископ Фавье в сопровождении сорока морских пехотинцев защищает четыре или пять

тысяч человек. Угрозы осады стерли границы вероисповедания и нации, создав единство не только христиан, но и приобщив японцев к братству с нами. Для них осада - это шаг к христианству".

"(Подпись) ДР. У. А. П. МАРТИН"].

14 августа генерал Газелес со своим контингентом вошел в британское представительство. Двор, осознав свою вину, бежал на северо-запад, вновь оставив город на милость ненавистного иностранца; так опускается занавес над заключительной сценой.

Какие подвиги совершались в течение этих насыщенных событиями недель; как хрупкие женщины поднимались на высоту случая в терпеливой выдержке и полезном милосердии; как межнациональные ревности сливались в едином чувстве преданности общему благу - обо всем этом и многом другом я хотел бы рассказать ради чести человеческой природы.

О том, как невидимая сила сдерживала наших врагов и поддерживала мужество осажденных, я бы тоже хотел рассказать, во славу Всевышнего; но не хватает места, чтобы рассмотреть что-то, кроме общих принципов[1].

[Сноска 1: См. книгу автора "Осада в Пекине", Нью-Йорк: Fleming H. Revell Company].

На следующий день после нашего спасения, на собрании благодарности, на котором присутствовало много людей, доктор Артур Смит привел десять случаев - большинство из нас согласились, что он мог бы сделать число десять раз по десять, - когда Божье провидение вмешалось в наши дела.

Древние критики считали, что бог не должен выходить на сцену, если только случай не требует присутствия более чем человеческой силы. *Nec deus intersit nisi dignus vindice nodus*. Сколько таких случаев мы должны были заметить в ходе этого повествования! Какую теодицею мы имеем в результате всей этой скорби! Наконец-то мы видим правительство, убедившееся в глупости политики, которая привела к такой череде разрушительных войн. Мы видим миссионеров и местных христиан под надежной защитой на всей территории империи. Более того, мы видим национальное движение в направлении реформы образования, которое, наряду с Евангелием Христа, обещает дать новую жизнь этому древнему народу.

О том, в каком состоянии неопределенности мы жили в период междуцарствия, предшествовавший возвращению Двора, может свидетельствовать следующий случай.

В ожидании возможности поставить свой "поезд (университет) на рельсы" я провел лето 1901 года в Жемчужном гроте, моем обычном убежище, на вершине холма высотой более тысячи футов, откуда открывался вид на столицу. "Боксеры идут!" - закричали мой писатель и слуги однажды вечером, как только наступили сумерки. "Поспешите спрятаться в скалах - они скоро настигнут нас!" "Я не буду прятаться", - ответил я и, схватив винтовку, прислонил ее к стене, с которой открывался вид на подступы. Вскоре они стали видны на расстоянии ста ярдов, размахивая огнем и вопя, как отряд дьяволов. К счастью, я приберег свой огонь для более близкого расстояния, потому что, оставив тропу, они устремились на вершину другого холма, где размахивали факелами и кричали как безумные. Ночь мы провели в безопасности, а утром я сообщил о случившемся мистеру О'Конору, британскому поверенному в делах, который находился в большом храме у подножия холмов. "Это были не боксеры, - заметил он, - а партия, которую мы послали на поиски потерявшегося студента".

ПОСТСКРИПТ

О боксерских смутах принято говорить свысока, умалчивая о том, что движение, приведшее ко второму взятию Пекина и бегству двора, было серьезной войной. Южные наместники взяли на себя обязательство поддерживать порядок на юге. Поэтому операции были несколько локализованы, как и во время русско-японской войны. Говорят даже, что у объединенных сил сложилось впечатление, что они пришли на помощь беспомощному правительству, которое делало все возможное для защиты иностранцев. Было ли это эффектом дипломатической пыли, брошенной им в глаза, или нет, но *это была фикция*.

О том, насколько жестоко вдовствующая императрица стремилась истребить иностранцев, можно судить по ее указу, предписывавшему расправу над иностранцами и их приверженцами - дикому эдикту, которому южные сатрапы отказались подчиниться. Аналогичный вывод можно сделать из казни четырех государственных министров за то, что они выступили против того, чтобы связывать судьбу империи с партией боксеров. За эти шокирующие проявления варварства Китай следует заставить каяться на коленях. В Тайюань-фу губернатор убил сорок пять миссионеров, а в Паотинг-фу - шестнадцать. Такие зверства возможны только среди *полуцивилизованного народа*.

ГЛАВА XXVIII

РУССКО-ЯПОНСКАЯ ВОЙНА

Планы России по завоеванию Кореи - Противоречивые интересы в Корее - Начало военных действий - Первые сражения - Блокада - Рассеяние русского флота - Битва при Ляо-яне - Падение Порт-Артура - Битва при Мукдене - Армада - Битва при Цусиме - Портсмутский мир - Влияние на Китай

Для китайцев ретроспектива этих пяти войн оставляла мало места для тех напыщенных претензий, которые казались им жизненным дыханием.

Побитые западными державами и новой силой Востока, их столица, взятая во второй раз после сорокалетней возможности укрепить ее, и их беглый двор, отозванный во второй раз, чтобы править на условиях терпимости или хорошего поведения, - чем они могли похвастаться, кроме древности своей страны и численности своего народа? Ошеломленные и парализованные, большинство из них смирились с унылой покорностью, которая мало чем отличалась от отчаяния.

Были, правда, и те, кто еще до того, как все стало хуже, убедился, что беды Китая - следствие глупости, а не судьбы. Невежественный консерватизм сделал ее слабой; энергичные реформы могут сделать ее сильной. Но требовалась еще одна война, чтобы превратить чувства немногих в убеждения многих. Это изменение было достигнуто войной, которая велась в пределах их границ, но в которой они не участвовали, - войной, которая была не актом в их национальной драме, а зрелищем, для которого они предоставили сцену. Это зрелище требует внимания в данной работе из-за его влияния на судьбы Китая.

За пружинами действия придется вернуться на три столетия назад, к тому времени, когда Ермак перешел Уральские горы и сделал Россию азиатской державой. Завоевание Сибири не должно было закончиться в Сибири. Россия видела в нем возможность обогатиться за счет более слабых соседей. Что, как не этот мотив, заставило ее в 1858 году потребовать Маньчжурское побережье в качестве цены за нейтралитет? Что, как не этот мотив, заставило ее построить самую длинную железную дорогу в мире? Что, как не этот мотив, побудило ее искать для нее вторую конечную станцию в Печилийском заливе?

Оккупация Порт-Артура и Ляо-Тунга японцами в 1895 году стала шах и мат в маленькой игре России, и, поддержанная Францией и Германией, она подала сигнал об уходе. Во время Боксерской войны 1900 года Россия увеличила свои силы в Маньчжурии, чтобы предусмотреть возможные варианты вероятного разрыва, а после заключения мира ее задержка с выполнением обещания об эвакуации была равносильна отказу.

Если бы русские сосредоточили свое внимание на Маньчжурии, они могли бы и дальше владеть ею; но другое слабое государство предлагало себя в качестве заманчивого приза. Они положили жадный глаз на Корею, заинтересовали обедневший двор и получили привилегию плавать по реке Ялу и рубить лес на ее берегах. Эти действия, хотя и объяснялись требованиями строительства железной дороги, вызвали подозрение и ревность японцев. Они понимали, что это означает нечто большее, чем поиск выхода для лесозаготовительной промышленности. Они знали, что это означает вассальную зависимость Кореи и изгнание их самих. Разве за десять лет до этого они не развязали войну с Китаем, потому что не могли терпеть соперников на полуострове? Как они могли терпеть вторжение России? На карту были поставлены не только их интересы в Корее; любое продвижение России в этом направлении, с Кореей в качестве вассала или союзника, было угрозой для существования Японии.

Японцы не теряли времени, выражая протест. Россия, как и прежде, прибегла к фабианской политике промедления, но она имела дело с народом, с гордостью и патриотизмом которого нельзя было шутить. После длительных переговоров Япония направила ультиматум, в котором предлагала признать Маньчжурию сферой влияния России при условии, что Россия признает японское влияние как первостепенное в Корее. В течение двух недель или более царь не давал ответа. Привыкший к тому, что его ждут, он положил бумагу в карман и держал ее там, пока каждый поезд по железной дороге вводил в Маньчжурию новые войска. Не дожидаясь официального ответа и не желая обсуждать изменения, призванные выиграть время, японцы услышали удар часов и приготовились к действию.

Их упрекают в том, что они начали военные действия без предварительного официального объявления войны. В эпоху рыцарства объявление войны было торжественной церемонией. Стоящий на границе герольд зачитывал или декламировал жалобу своего господина, а затем в знак неповиновения перебрасывал через границу копье. В более поздние времена не требуется ничего, кроме формального объявления, за исключением информации для нейтралов и собственного народа воюющих сторон. Разрыв отношений оставляет обеим сторонам свободу выбора линии поведения. Япония, самая новая из наций, естественно, приняла самый современный метод.

Вспоминая своего посла 6 февраля 1904 года, Япония была готова нанести одновременные удары в двух точках. 8 февраля адмирал Уриу потребовал от двух русских крейсеров в Чемульпо выйти и сразаться, иначе он атакует их в гавани. Выйдя на палубу, они сделали первые выстрелы за всю войну, и оба были захвачены или уничтожены. Немного позже в тот же день адмирал Того открыл огонь по русскому флоту в Порт-Артуре и возобновил атаку на следующее утро. Без какого-либо вызова или уведомления его атака произвела эффект подлинного сюрприза. Русские, то ли от уверенности в своем положении, то ли от презрения к врагу, оказались неподготовленными и ответили слабо. У них было семь линкоров против шести у Того, но большие корабли Японии были поддержаны флотилией торпедных катеров, которая превосходила по численности российские. Эти маленькие бдительные кораблики отлично справлялись со своей задачей. Пробравшись в гавань, пока бомбардировка

занимала противника, они потопили два линкора и один броненосный крейсер. Другие русские корабли получили серьезные повреждения; но, согласно отчету Того, со стороны Японии ни одно судно не было выведено из строя.

Сухопутные войска, полностью экипированные и ожидавшие этой специальной службы, без промедления приступили к действиям и начали перекрывать коммуникации с суши, в то время как эскадра Того закупоривала все входы с моря. Алексеев, чей титул вице-короля раскрывал намерения России в отношении Маньчжурии, встревоженный перспективой осады, бежал в Харбин у сибирской границы - более безопасное место для штаба. Для прикрытия своего бегства он неоправданно использовал санитарный поезд Общества Красного Креста. Не согласившись с генералом Куропаткиным относительно плана кампании, он в апреле сложил с себя командование армией, и Куропаткин был назначен на освободившееся место. Потерпев поражение в нескольких боях на Ляо-тунском полуострове, русские начали отступать, за ними последовали японцы под командованием фельдмаршала Оямы; осада крепости велась с неослабевающей энергией.

К июлю японцы овладели внешней линией фортов и, расположив тяжелые орудия на вершине высокого холма, смогли обрушить шквальный огонь на лоно гавани. Не будучи более в безопасности на своей внутренней якорной стоянке, русские морские офицеры решили попытаться достичь Владивостока, где объединенные эскадры могли бы перейти в наступление или, по крайней мере, быть защищенными от блокады. Едва они вышли в открытое море, как (10 августа) японцы обрушились на них, как вихрь, и разметали их корабли во все стороны. Несколько кораблей вернулись в гавань, чтобы дожидаться своей гибели; два или три попали во Владивосток; два нашли убежище в немецком порту Цин-тао; два зашли в Шанхай; а один продолжил свой полет на юг до Сайгона.

Одна канонерская лодка укрылась в Чефу, где я проводил свой летний отпуск. Японцы, преследуемые по пятам, проявили к нейтралитету Китая не больше уважения, чем к Корее. Взойдя на борт беглого судна, они потребовали от капитана сдаться. В ответ он схватил японского офицера за руки и бросился в море. Они были спасены, а затем японцы унесли судно под прицелом китайского адмирала. Я был очевидцем этого инцидента в его основных чертах. Могу добавить, что мы находились достаточно близко, чтобы засвидетельствовать факт осады, ибо, по словам Хелен Стерлинг:

"Днем мы слышали грохот пушек.
И видели их вспышки ночью,
И почти думали, хоть и за много миль,
что мы участвуем в бою.

Китайский адмирал, чувствуя оскорбление флага Дракона и опасаясь, что его призовут к ответу, немедленно подал прошение об отставке. Ему велели оставаться на своем месте, и, чтобы утешить его за бездействие, морской министр добавил: "Вы не виноваты в том, что не стреляете по японцам. Они сражаются с нами, а мы ничего не можем против них сделать". Вот вам и китайский нейтралитет в теории и на практике.

Куропаткин, подобно парфянину, "наиболее страшному в бегстве", отказавшись от дальнейших попыток прорвать кордон, который японцы установили вокруг обреченной крепости, закрепился в Ляояне и его окрестностях. Его позиция была сильна природе, и он укрепил ее всеми известными военному инженеру способами, но был выбит оттуда в сражении, длившемся девять дней.

Японцы, хотя и не замедлили сомкнуться вокруг его аванпостов, были слишком осторожны, чтобы наносить главный удар, пока не будут уверены в успехе. Бой все усиливался, пока 24 августа пушки не прогремели на протяжении сорока миль. Оказавшись в окружении нападавших, русский генерал, понимая, что он должен обеспечить свои коммуникации на севере или выдержать осаду, оставил свои позиции и отступил к Мукдену.

В этом, самом крупном на сегодняшний день сражении кампании, участвовало 400 000 человек, причем японцы, как обычно, имели значительное большинство. Потери в живой силе были ужасающими. Потери русских составили 22 000 человек, а потери Японии не могли быть меньше. Однако Ляоян со всеми его ужасами был лишь прелюдией к более упорному конфликту на более обширной арене.

Не надеясь на помощь по суше и не имея флота, который мог бы принести помощь по морю, русские защищали свою крепость с мужеством отчаяния. За десять лет до этой даты японцы под командованием фельдмаршала Оямы взяли эту же крепость почти штурмом. Захватив ее с тыла, что, по мнению китайцев, настолько противоречило правилам войны, что они пренебрегли своей обороной на суше, они овладели ею на утро третьего дня.

Как изменился их прием по нынешнему случаю! Как изменился облик! Холмы, гряда за грядой, теперь были увенчаны фортами. Пятьдесят тысяч лучших солдат России находились за этими батареями, многие из которых были снабжены казематами, непробиваемыми для любого обычного снаряда. Командовал ими генерал Стоессель, человек ученый, мужественный и опытный; он сдерживал генерала Ноги с шестидесяти-семидесятитысячной армией в течение одиннадцати месяцев. С обеих сторон совершались доблестные подвиги, некоторые из наиболее важных позиций были взяты и вновь захвачены три или четыре раза.

Когда в сентябре осаждающие овладели Волчьим холмом и меткими выстрелами разбили остатки флота, они предложили защитникам щедрые условия. Генерал Штоссель отклонил предложение, решив подражать Фермопиле или, возможно, веря в возможность спасения. Однако, когда он увидел в их руках "203-метровый холм" и понял, что его казематы скоро будут изрешечены тяжелой дробью, в полном отчаянии он был вынужден капитулировать. Это произошло в первый день нового (1905) года. Его войска сократились вдвое, и не менее 14 000 из них находились в госпиталях.

Генерала Стоесселя порицали за то, что он не продержался до прибытия армады; но что могла сделать армада, если бы она появилась в ближайшее время? Она, конечно, не смогла бы проникнуть в гавань, поскольку, помимо стационарных или плавучих мин, ей пришлось бы столкнуться с флотом Того, и ее гибель была бы предрешена. Один из критиков, отличавшийся особым вниманием, назвал капитуляцию Стоесселя "позорной"; но разве не является полным оправданием то, что его враги аплодируют его доблестной обороне и что его собственное правительство удовлетворено тем, что он выполнил свой долг.

[Сноска *: После написания этой статьи я ознакомился с решением военного трибунала. В нем чувствуется попытка уменьшить национальный позор, свалив вину на храброго командира].

Русский командующий разбил новый лагерь в Мукдене, главном городе провинции и колыбели маньчжурской династии. Там ему снова разрешили закрепиться. Было ли это связано с тем, что японцы были уверены в своей способности вновь заставить его отступить, или же они были заняты пополнением своих поредевших рядов? Если второе, то русские занимались тем же самым, но вблизи своей базы и с полным контролем над морем японцы могли делать это быстрее, чем их противник. И все же, несмотря на все свои возможности,

они не были готовы к наступлению на его объекты до тех пор, пока зима не приостановила военные действия.

2 октября Куропаткин опубликовал хвастливый манифест, в котором выражал уверенность в исходе грядущего конфликта - несомненно, упоая на помощь трех генералов, декабрьского, январского и февральского. Пять месяцев спустя, 8 марта 1905 года, он отправил царю две телеграммы: в первой говорилось: "Я окружен"; во второй, несколько часов спустя, сообщалось утешительное: "Армия вырвалась".

Японцы, не желая сталкиваться с суровой маньчжурской зимой, дождались прихода весны. Воздух был мягким, а через ручьи были переброшены ледяные мосты. Манёвры не нуждаются в подробном описании. После более чем десяти дней непрерывных боев на линии фронта длиной почти в двести миль, в которых участвовало не менее миллиона человек (большинство, как и прежде, составляли японцы), великий русский стратег разбил лагерь и в полном порядке отступил. Его армия спаслась, но потеряла убитыми и ранеными 150 000 человек. Потери Японии составили 50 000 человек.

Величайшее сражение этой последней войны, Мукденская битва, в некоторых отношениях была величайшей в современной истории. По протяженности линии, числу участников и потерям оно вдвое превосходит Ватерлоо. В очередной раз благодаря виртуозной стратегии разгром был превращен в отступление, и русская армия отошла на северо-запад.

Утомленный рачьей тактикой, царь назначил главнокомандующим генерала Линевича, и самый способный из русских генералов был освобожден от обязанности придумывать способы "бегства". Прикрывать тылы разбитых войск всегда считается почетной должностью, но это не то отличие, которое удовлетворяет амбиции великого полководца.

Путем усилий и жертв был собран огромный флот для помощи Порт-Артуру. Он отплыл из Кронштадта 11 августа 1905 года, оставив балтийские порты без защиты лишь благодаря благожелательному нейтралитету германского кайзера, который разрешил проход по своему судоходному каналу, хотя и знал, что флот собирается воевать с одним из его друзей.

Часть флота двинулась через Суэц, а часть обогнула мыс Доброй Надежды - для них это название было издевательством. Корабли двигались не спеша, их командиры не сомневались, что Стоесселю удастся удержать позиции; но едва они достигли места встречи, которое, по благосклонности Франции, было назначено в водах, прилегающих к Мадагаскару, как услышали о падении Порт-Артура. Об уничтожении флота, приданного крепости, и гибели эскадры, пришедшей на помощь с севера, они узнали раньше. С каким ужасом они теперь слышали, что ключ от океана потерян. Почти в тот же момент прибыл последний из гонцов Иова с более тяжелой вестью о том, что Мукден, ключ провинции, оставлен разбитой армией - потрясающая информация для потерянной надежды! Должны ли они повернуть назад или идти вперед? Тревожный вопрос для адмирала Рожественского и его офицеров. Слишком поздно для Порт-Артура, не могут ли они вновь укрепить Владивосток и спасти его от подобной участи? На флагманском корабле раздался сигнал "вперед".

Медленно и мучительно, с засоренными водорослями винтами и обросшими баянусами киями, великая армада пересекла Индийский океан и направилась на север в Китайское море. 27 мая, взяв курс на Корейский канал, она попала в ловушку, которую должен был предвидеть и слепой. Флот Того обладал свободой моря. Где же ему быть, если не в этом самом канале? И все же русские шли вперед:

"Не обращая внимания на порывы вихря.
Что затих в мрачном покое
Ожидает свою вечернюю добычу".

Схватка была короткой и решительной - как утверждают, она завершилась менее чем за час. В то время как линкоры Того, свежие и исправные, осыпали израненных чужаков дробью и снарядами, его торпедные катера, значительно увеличившиеся в числе, почти незаметно скользили среди врагов и запускали свои молнии со смертельным эффектом. Линкоры и крейсера пошли ко дну со всеми находившимися на борту. Русский флагман был выведен из строя, а адмирал, тяжело раненный, в трюм миноносца. Без сигнала командира суда всего флота сражались, бежали или погибали по отдельности; из 18 000 человек 1 000 спаслись, 3 000 попали в плен. Что же делать с остальными 14 000?

"Спросите у ветров, что далеко вокруг
Осколками усеяли море".

Знаменитая армада ушла в прошлое, а Цусима, или, как ее официально назвал Того, битва в Японском море, заняла место в одном ряду с Трафальгаром и Саламином.

Устав от ставшего уже несколько однообразным зрелища, мир жаждал мира. Воюющие стороны, до сих пор глухие к любым предложениям подобного рода, теперь приняли приглашение президента Рузвельта и назначили комиссаров для согласования условий договора. Они встретились в августе 1905 года в Портсмуте, штат Нью-Гэмпшир, и после долгих дипломатических фехтований меч был убран в ножны. В договоре, который был ратифицирован, Россия признает исключительное положение Японии в Корее, передает ей свои права на Порт-Артур и Ляо-тун, а также передает ей свои железные дороги в Маньчжурии. Обе стороны соглашались эвакуировать Маньчжурию в течение восемнадцати месяцев.

Япония была вынуждена отказаться от своих требований о выплате военной компенсации и позволить России сохранить за собой половину острова Сахалин. Ни одна из стран не была удовлетворена условиями, но обе понимали, что мир предпочтительнее возобновления борьбы со всеми ее ужасами и неопределенностями. Президент Рузвельт заслуживает благодарности всего человечества за то, что предложил оливковую ветвь и сгладил возможность ее принятия. Помимо других преимуществ, Япония обеспечила себе положение ведущей державы Востока; но больше всех выиграет Россия, если ее поражение на поле боя приведет ее к принятию либерального правительства у себя дома.

[Сноска *: С момента написания этой статьи президенту была справедливо присуждена Нобелевская премия мира].

"У мира есть свои победы,
Не менее известны, чем война".

Царь выразил свое удовлетворение, назначив Витте главой восстановительного министерства и присвоив ему титул графа; а микадо продемонстрировал свое полное доверие к барону Комуре, несмотря на некоторые проявления разочарования в народе, поручив ему деликатную задачу по заключению договора с Китаем.

Хотя позиция Китая была столь же негероической, как и позиция Менелая, если бы тот объявил нейтралитет в Троянской войне, этот вопрос во многом поднял дух китайского народа. Другие войны заставили их почувствовать свою слабость, а эта породила веру в их скрытую силу. Когда они стали свидетелями серии побед на суше и на море, одержанных

японцами над одной из самых грозных держав Запада, они воскликнули: "Если наш сосед может сделать это, почему мы не можем сделать то же самое? Конечно, можем, если, подобно им, порвем с изнеженными системами прошлого. Давайте возьмем этих островных героев себе в наставники".

Эта война стала одной из самых судьбоносных в анналах истории. Она нарушила баланс сил и открыла перед желтой расой необозримые возможности.

Не замедлив воспользоваться своими новыми убеждениями, китайцы отправили в Японию небольшую армию из десяти тысяч студентов, из которых более восьми тысяч находятся там сейчас, а также привезли с острова множество инструкторов, о количестве которых можно только догадываться. Первыми приехали военные, чтобы восстановить армию и флот. Затем приехали профессора всех мастей, привлеченные государственными или частными учреждениями для помощи в реформе образования. Даже в сельском хозяйстве, которым они до сих пор гордились, китайцы отдали себя в обучение японцам, и с полным основанием они взяли их в качестве учителей и в лесном хозяйстве. Толпы японских мастеров по всем ремеслам находят себе работу в Китае. Пройдет немного времени, и ученики и подмастерья в этих домашних школах возьмут на себя роль учителей, а китайские выпускники, вернувшиеся из Японии, будут приняты в качестве профессоров более высокого класса. Этот процесс "японизации", как его пренебрежительно называют, может быть несколько поверхностным; но он имеет преимущества в дешевизне и скорости по сравнению с привлечением учителей с Запада. Кроме того, у него есть огромное преимущество в виде расового родства и примера. Конечно, те немногие студенты, которые отправляются к источникам науки на Западе, по возвращении домой должны занять место ведущих учителей Китая.

Все это склоняет к выводу, что можно рассчитывать на скорые преобразования в этой древней империи. Китайцы вскоре сделают для себя то, что сейчас заставляют японцев делать для них. Японские идеи будут постоянными, но непосредственное участие японского народа, конечно, станет менее заметным, чем сейчас.

К чести японского правительства, весь мир должен признать, что островная страна не злоупотребляла своими победами, чтобы вырвать у Китая. На самом деле беспристрастному наблюдателю кажется, что, безоговорочно восстановив Маньчжурию, Япония позволила заинтересованному нейтралу получить непропорционально большую долю прибыли.

ГЛАВА XXIX

РЕФОРМА В КИТАЕ

Реформы при вдовствующей императрице - Эклектическая комиссия - Последние реформы - Морские аборты - Морской торговец - Реформа армии - Горнодобывающие предприятия - Железные дороги - Телеграф - Почта - Таможня - Сэр Роберт Харт - Реформа образования - Колледж Тунг-Вен - Императорский университет - Дипломатическое общение - Прогрессивные наместники - Новые экзамены на звание - Юридическая реформа - Газеты - Социальные реформы - Читальные залы - Реформа письменности - Общество против переплета ног - Улицы.

"Когда я вернулся из Англии, - рассказывал маркиз Ито, - мой начальник, принц Чосин, спросил меня, считаю ли я, что в Японии нужно что-то изменить. Я ответил: "Все". Эти слова, как я уже писал в другом месте, были обращены к трем китайским государственным

деятелям, одним из которых был Ли Хун Чанг. Цель оратора заключалась в том, чтобы подчеркнуть важность реформ в Китае. Время его визита было неудачным - сразу после государственного переворота в 1898 году. Его слушателями были люди светлые и передовые, сочувствовавшие его взглядам; но реформа была на излете; за ней должен был последовать разрушительный откат, и из его предложений ничего не вышло.

Император действительно проявил склонность "все изменить", но в тот момент его власть была парализована. Через какие превратности он прошел с тех пор! Если он снова придет к власти, что теперь представляется вероятным, не сможет ли он, отрезвленный годами и умудренный опытом, осуществить свой грандиозный план по обновлению Китая. Для него это золотая мечта, но станет ли она когда-нибудь реальностью для его народа?

Наученная провалом реакции, на которую она поставила свою жизнь и трон, вдовствующая императрица стала приверженцем политики прогресса. По сути, она опередила своего племянника. "Да здравствует она!" "Пусть он дольше правит нами!" При жизни на нее можно было рассчитывать, что она будет продолжать дело, за которое так горячо ратовала. Она крепко ухватилась за поводья, а ее мужество было таково, что она без колебаний проехала на государственной колеснице по многим новым и неисследованным дорогам. Она знала, что может рассчитывать на поддержку своих наместников - людей, назначенных ею самой. Она также знала, что в стране царит дух реформ, и сердце народа было с ней.

Лучшим воплощением этого нового духа стала Высшая комиссия, отправленная в 1905 году для изучения институтов цивилизованных стран Востока и Запада и составления отчета о принятии таких институтов, которые они сочтут целесообразными. Одной отправкой такого посольства было достаточно, чтобы сделать ее правление прославленным. Единственной аналогичной миссией в истории Китая является та, что была отправлена в Индию в 66 году н. э. в поисках лучшей веры Минг-Ти, "Светлым". Предыдущее посольство взяло несколько искр, чтобы разжечь алтари своей страны; нынешнее посольство предлагает внести новые элементы в политическую реформу. Их первая рекомендация, если не первый отчет, дошла до меня, пока я писал, и сама по себе является достаточным доказательством того, что эта Высшая комиссия не является фикцией, призванной ослепить или обмануть. Придворный вестник, по данным "*Чайна Таймс*", сообщает следующее по этому вопросу:

"Пять комиссаров прислали совместный мемориал, посвященный тому, что они увидели в зарубежных странах за последние три месяца. Они сообщают, что самые богатые и сильные страны мира в настоящее время управляются конституционным правительством. Они упоминают о провозглашении конституционного правительства в России и отмечают, что Китай - единственная великая страна, которая не приняла этот принцип. Поскольку они тщательно изучили системы Англии, Соединенных Штатов, Японии и т. д., они убедительно просят Престол издать указ, устанавливающий пять лет как предел, в течение которого "Китай примет конституционную форму правления".

"Рескрипт передает эту рекомендацию государственному совету, чтобы тот посоветовал, какие действия следует предпринять".

Если этот почтенный орган, состоящий из пожизненных стариков, не возмутится перспективой посягательства другого трибунала на их владения, мы получим, по крайней мере, обещание создать парламент. А через пять лет, если конгресс д'элира состоится, он

сорвет покров веков. Это означает наделение народа властью, доселе неизвестной в его истории. Какое волнение вызовет урна для голосования! Как внезапно он пробудит дремлющий интеллект умудренной опытом расы! Но рассуждать об этом преждевременно.

В 1868 году микадо даровал своим подданным хартию прав, первая статья которой гарантирует свободу дискуссий и гласит, что он будет руководствоваться волей народа. Разве в Китае появление парламента не связано с предыдущим изданием Magna Charta?

Прошло немногим более восьми лет с момента реставрации, как можно назвать возвращение суда в январе 1902 года. За этот период можно с уверенностью утверждать, что в Китае были проведены более масштабные реформы, чем за полвека в любой другой стране, если не считать Японии, чьему примеру китайцы исповедуют следование, и Франции времен революции, о которой Маколей заметил, что "они изменили все - от религиозных обрядов до моды на пряжки для обуви".

Здесь будет упомянуто несколько наиболее важных нововведений или улучшений, которые в совокупности сделали правление вдовствующей императрицы самым ярким в истории империи. Последние восемь лет были необычайно плодотворны на реформы, но после заключения Пекинского мира в 1860 году ситуация начала меняться. С тех пор все шаги по внедрению современных методов были сделаны во время правления или регентства этой замечательной женщины, которое длилось с 1861 по 1908 год.

По состоянию на 1863 год китайское правительство не имело ни одного боевого корабля на паровом ходу. Пароходы, принадлежавшие китайским купцам, иногда использовались для преследования пиратов, но они не были собственностью государства. Первым государственным пароходом, по крайней мере, первым пароходом, принадлежащим центральному правительству, была флотилия канонерских лодок, купленная в том году в Англии генеральным инспектором морской таможни г-ном Лэем. Недовольное условиями, которые он заключил с командиром, обязав его не выполнять никаких приказов, кроме тех, которые одобрит инспектор, правительство уволило инспектора и продало корабли.

За последующие тридцать лет было собрано достаточно сил, чтобы оправдать назначение адмирала; но в 1895 году весь флот был уничтожен японцами, а адмирал Тинг покончил жизнь самоубийством. В настоящее время при каждом вице-короле есть эскадра, но все вместе они вряд ли составят ядро военно-морского флота. О том, что правительство намерено создать флот, можно судить по учреждению Военно-морского совета. Учитывая военно-морские подвиги Японии и под руководством японцев, они наверняка разовьют это слабое растение и сделают его грозным для кого-то - возможно, для себя.

Их торговый флот более респектабелен. Имея флот из пятидесяти или более хороших судов, Китайская торговая пароходная компания может с помощью субсидий и специальных привилегий бороться за долю в каботажной торговле; но пока у них нет линии, ведущей торговлю в иностранные порты.

В 1860 году дикая орда со спичками, луками и копьями, теперь сухопутная армия в значительной степени снабжена револьверными винтовками, обучена западным правилам и одета в форму западного образца. Маневры, проходившие под Пекином в 1905 году, сделали торжественным днем для императорского двора, который выразил свое удовлетворение великолепием зрелища. Контингент, принадлежащий этой провинции, составляет 40 000 человек, а общее количество обученных и вооруженных войск не менее чем в пять раз превышает это число. В 1907 году в Хонане собрались войска пяти провинций. Благодаря железным дорогам становится возможным нечто подобное концентрации. Не лишние

мужества, эти сырые батальоны нуждаются для своей эффективности в уверенности в себе и в своих командирах. Лишенные живого патриотизма, который делает героев из японцев, эти прекрасные здоровяки - не машины, а животные. Об ошибочных попытках привить эти чувства за счет иностранцев, предпринятых в последнее время, я расскажу в другой главе. Менее неприятной фазой этого чувства является провинциализм, который позволяет захватчику легко использовать войска одной провинции для завоевания другой. В истории эти провинции предстают как королевства, а их взаимные войны составляют основную тему. Какое чувство единства может существовать до тех пор, пока народ разделен лепетом диалектов? Не раз татары нанимали китайцев для завоевания Китая, а в 1900 году прекрасный полк из Вэйхай-вэй помог англичанам взять Пекин. Можно добавить, что они отплатили за это тем, что обращались с жителями как с побежденными врагами. Повсюду они отличались незаконным насилием.

Три больших арсенала, не говоря уже о мелких предприятиях, заняты производством артиллерии и стрелкового оружия для национальной армии, а Совет по реформе армии осуществляет надзор за этими силами, при этом обязан сделать их не провинциальными, а национальными. Подобные усилия, однако, не являются доказательством духа реформ. Разве не то же самое можно наблюдать на всем пути от Афганистана до Дагомеи? "Быть слабым - значит быть несчастным"; и китайцы правы, когда делают военную реорганизацию отправной точкой новой политики. И все же одно лишь предложение о создании парламента является лучшим показателем духа реформ, чем все эти вооружения.

В сознании китайцев богатство соотносится с силой. Эти две идеи объединены в слове *фуцзянь*, которое выражает национальное процветание. Поэтому нельзя было пренебрегать сокровищами, скрытыми в земле, когда они отказались от глупостей геомантии и увидели, что иностранцы ведут разведку и просят концессии на разработку рудников. Поначалу такие заявки встречали шутивными вопросами о том, как повлияет бурение на "пульс Дракона" - в их глазах не хранителя драгоценных месторождений, а олицетворения "удачи". Находить удачные места и решать, что может помочь или навредить, было функцией ученого корпуса профессоров *фуншуй*, лженауки, которая держала людей в рабстве и держала шахты запечатанными до наших дней. Постепенно китайцы избавляются от инкубатора и, не обращая внимания на Дракона, создают компании по добыче всех видов полезных ископаемых. Правительство разработало тщательно продуманные правила, ограничивающие долю иностранцев и поощряющие собственных граждан участвовать в горнодобывающих предприятиях.

"Откажитесь от *фуншуй*;
Он держит ваше богатство под замком".

говорит вице-король Чанг.

Аналогичные изменения произошли и в настроениях в отношении железных дорог. Сначала их боялись как инструмент иностранной агрессии, а теперь понимают, что они являются лучшим вспомогательным средством для национальной обороны. Кроме того, до умов зазнавшихся мандаринов дошло, что их можно использовать в качестве источника дохода. Если акции хорошо оплачиваются, почему бы правительству не держать их? "Ваши железные дороги платят 10 процентов - именно такие железные дороги мы хотим иметь в Китае", - сказал один из комиссаров на банкете в Англии.

Не будет странным, если национализация железных дорог, решение о которой было принято этой весной в Японии, приведет к аналогичному движению в Китае. В такой стране, как Америка, с 300 000 миль путей, покупка была бы *ultra vires* в нескольких смыслах, но при

наличии только 1 процента от этого пробега, покупка не будет сложной, хотя, возможно, будет не так легко обеспечить честное управление.

Сейчас поезда из Пекина добираются до Ханькоу (600 миль) за тридцать шесть часов. Когда строительство магистрали будет завершено, сквозные поезда из столицы будут добираться до Кантона за три дня. Сравните это с трехмесячным морским путешествием прежних времен (которое совершалось только раз в год) или с десятью днями, которые сейчас требуются для поездки на пароходе! Каким мощным фактором является железная дорога в прогрессе великой страны!

Перечислять новые предприятия в этой области было бы обременительно. Шанхай должен быть соединен железной дорогой с Тяньцином (что означает Пекин), а также с Нанкином и Сухоу. Уже проложены линии в западные провинции; и даже в Монголии предлагается заменить верблюда железной лошадью на караванном пути в Россию. "Увы! Век золотого досуга прошел - наступил железный век спешки и беготни!" Так сетует старый медлительный Китай.

Когда в 1876 году Китай купил железную дорогу Шанхай - Усун, считалось, что она идет вперед. А что мы думали, когда она разорвала рельсы и сбросила их в реку? Кажется, с того мрачного дня прошел целый эон.

Появление железных дорог было медленным по сравнению с телеграфом. Провинции покрыты проводами. Губернаторы и капитаны консультируются друг с другом по проводам, предпочитая запоздалый обмен письменной корреспонденцией. Люди тоже оценили преимущество мгновенного общения с дальними членами своих семей и решения деловых вопросов в отдаленных местах, не вставая с места. Для них было чудом из чудес, но теперь они настолько привыкли к этому удивительному новшеству, что перестали удивляться.

Беспроводной телеграф тоже работает - небольшое руководство, переведенное местным христианином, рассказывает о том, как им пользоваться.

Более сорока лет назад, когда я демонстрировал систему Морзе изумленным высокопоставленным лицам Пекина, эти старики, хотя и возглавляли департаменты, хихикали как дети, когда, прикоснувшись к кнопке, слышали звон колокольчика; или когда, обмотав проволоку вокруг тела, видели, как молния перескакивает с точки на точку. "Это замечательно, - восклицали они, - но мы не можем использовать это в нашей страны. Люди украдут провода". Электрические колокольчики стали обычными приборами в домах китайцев, живущих в зарубежных поселениях. Электрические тележки скоро будут запущены в Шанхае и Тяньсине. Телефоны, как частные, так и общественные, - удобство, которое очень ценится. Привыкшие к мгновенной передаче мыслей и речи, китайцы пока не видят *в телефоне электричества* как передатчика силы. Но разве они не увидят его, когда заработают троллейбусы? Появление электричества ознаменует собой целую эпоху.

Слабость Китая объясняется не только отсталостью в науках и искусствах. Она в равной степени объясняется дефектом соединения частей и отсутствием связи между местами. Поэтому отсутствует чувство солидарности, а вместо него преобладают местные интересы над национальными. Лекарство от этой болезни уже на подходе - рельсы и провода быстро сваривают разобщенные члены империи в прочное единство. Почта способствует тому же результату.

Почтовая система в Китае существует давно: конные курьеры для официальных депеш и пешие - для частных, первых обеспечивает правительство, вторых - торговые компании.

Модернизированные почтовые отделения, действующие сейчас в каждой провинции, обеспечивают и тех, и других. В большинство крупных городов почта доставляется на пароходе или по железной дороге - удивительный выигрыш во времени по сравнению с конной или пешей. Старый способ был медленным и неопределенным, новый - безопасным и быстрым.

О том, что люди оценили изменения, свидетельствуют следующие цифры : В 1904 году было продано марок на сумму 400 000 долларов (мексиканских); в 1905 году продажи выросли до 600 000 долларов - за один год продвижение составило 50 процентов. Чего можно ожидать, когда женщины научатся читать, а образование станет более распространенным среди мужчин?

Сэр Роберт Харт, от которого я получил это заявление, - отец китайской почтовой системы. Терпеливо и благоразумно преодолевая сопротивление, он придал почтовому ведомству основательную организацию и заручился доверием принцев и народа. Уже сейчас правительство рассматривает ее как перспективный источник дохода.

Для морской таможенной службы сэр Роберт стал приемным отцом. Предусмотренная договором, она действовала еще до его вступления в должность, в 1863 году; но именно ему принадлежит честь выхаживать младенца до энергичной зрелости неустанными усилиями на протяжении почти полувека. В то время как почтовое отделение является новым достижением, морская таможня уже давно рассматривается как наиболее надежная ветвь налоговой службы. Долги Китая перед иностранными государствами, будь то займы или компенсации, неизменно выплачиваются из таможенных поступлений. Правительство, хотя и не желает, чтобы такие крупные концерны управлялись иностранными агентами, смирилось с таким положением дел в случае с таможней, поскольку оно является источником растущего дохода. Поступления за 1905 год составили 35 111 000 таэлей = 5 281 000 фунтов стерлингов. По объему торговли этот показатель составляет 11-1/2 процента по сравнению с 1904 годом; но благодаря благоприятному ветру, пришедшему со счастливых островов высоких финансов, в стоимостном выражении прибыль составила 17 процентов.

Для вдумчивого человека, как местного, так и иностранного, морские обычаи не подлежат денежной оценке. Они занимают важное место среди учреждений, работающих над обновлением Китая. Они служат наглядным примером честности чиновников, показывая, как люди, воспитанные под влиянием христианской морали, могут собирать большие суммы и выплачивать их без единой крупы, прилипшей к их пальцам. В то время как местные комиссары несут либеральные идеи в круги мандаринов по всему морскому побережью и вверх по великим рекам вглубь страны, генеральный инспектор ("I. G.", как обычно называют сэра Роберта) был ревностным защитником каждого шага на пути реформ в штаб-квартире.

Другой человек на его месте мог бы довольствоваться ролью простого фискального агента, но плодородный мозг сэра Роберта Харта на протяжении почти полувека неустанно разрабатывал схемы, направленные на благо Китая. Все почести и богатства, которыми Китай осыпал своего доверенного советника, далеко не достаточны, чтобы отменить его обязательства. Именно он подтолкнул робкое, нащупывающее дорогу правительство к первым шагам на пути дипломатического общения. Именно он побудил их возвести свою школу переводчиков в ранг дипломатического колледжа. Именно он заключил мир в войне с Францией; а в 1900 году, после бегства двора, именно он выступил посредником между иностранными державами и принцем Чингом. О некоторых из этих выдающихся заслуг я расскажу в другом месте. Здесь же я говорю о них для того, чтобы подчеркнуть свое

неодобрение интриги, направленной на то, чтобы сместить сэра Роберта и опрокинуть возвышенное сооружение, которое он превратил в маяк для Китая.

В мае 1906 года престол назначил двух министров, которые должны были возглавить всю таможенную службу с полномочиями реформировать или изменять ее *ad libitum*. С сэром Робертом не советовались, и он не был упомянут в указе. Его не отстранили от должности, но фактически заменили. Британия, Америка и другие державы встревожились, опасаясь за безопасность затронутых интересов, и выразили протест. Правительство объяснило, что оно просто заменяет один трибунал другим, создавая двойное руководство таможенной службой, вместо того чтобы оставить ее в ведении Совета иностранных дел, органа, и без того перегруженного обязанностями. Они дали торжественное обещание, что пока сэр Роберт Харт остается на своем посту, его статус и полномочия не должны измениться, и так оно и осталось. Протест спас ситуацию на сегодняшний день. Объяснения и обещания были приняты, но правительство (или, скорее, два человека, которые сами себя назначили на жирный пост) осталось под упреком в неучтивости и неблагодарности. Эти два человека - маньчжур Тилианг и китаец Тан Шао-и. Последний, как мне доложили авторитетные люди, будет получать 30 000 фунтов стерлингов в год. Другой будет получать не меньше. Это огромное жалованье выплачивается для того, чтобы гарантировать честность.

В Китае каждый чиновник получает жалованье, состоящее из двух частей: одна называется "обычное жалованье", другая - "солатиум для поощрения честности". Первое исчисляется сотнями таэлей, второе - тысячами, особенно там, где есть соблазн попиариться. Какая же гниль в основе этого предательства!

Новым событием, достойным всяческих похвал, стало открытие по приказу императора школы для подготовки чиновников для таможенной службы. Это мера, которую сэр Роберт Харт, при всем своем общественном духе, никогда не решался рекомендовать, поскольку она подразумевает скорую замену иностранного персонала обученными туземцами.

Наполнив небо сиянием надежды, не похожим на приближение солнечного света после арктической зимы, реформа в области образования отбрасывает в тень все остальные. Все стороны признают ее превосходство. Ее начало было слабым и нежелательным, предполагая со стороны Китая лишь несколько капель масла, чтобы ослабить трение в нескольких точках соприкосновения с внешним миром.

Согласно новым договорам, Китай не был обеспечен переводчиками, способными переводить документы на иностранные языки. Иностранные государства согласились сопровождать свои депеши китайской версией, пока не будет сформирован компетентный штат переводчиков. Чтобы удовлетворить эту первоначальную потребность, в 1862 году при Министерстве иностранных дел была открыта школа под руководством генерального инспектора морских таможен, которому я был рекомендован на должность председателя. Были привлечены профессора английского, французского и русского языков, а позднее немецкий занял место в ряду трех ведущих языков западного мира.

Поначалу в университете не преподавалось никаких наук, но постепенно нам удалось получить согласие китайских министров на расширение факультета за счет кафедр астрономии, математики, химии и физики. Международное право преподавал президент; он же снабдил китайцев первыми учебниками по праву наций. Но зачем им были нужны книги по этому предмету, если они не общались с иностранными государствами на равных? Студентам, прошедшим обучение в этой школе дипломатии, пришлось не один год дрожать от холода, прежде чем правительство признало их заслуги и наградило официальными назначениями. Министр, недавно вернувшийся из Лондона, министры в Германии и Японии,

а также министр во Франции, не говоря уже о секретарях легации и консулах, - все они были выпускниками наших прежних курсов.

В 1898 году молодой император, наученный поражением от японцев, решился на основательную реформу системы национального образования. Нельзя было ограничивать познание западной науки горсткой переводчиков и атташе. Высшие ученые империи должны получить доступ к фонтану национальной силы. Был создан университет с капиталом в пять миллионов таэлей, и императорским указом писатель стал его президентом, получив высшую, но одну из девяти степеней мандарината.

В университете обучались две или три сотни студентов, среди которых были бакалавры, магистры и доктора, сдававшие экзамены на государственную службу. Начало учебного года было ознаменовано благоприятным ветром, но с *переворотом* вдовствующей императрицы ветер переменялся, и через два года университет попал в Боксерский циклон. Погибли профессор, преподаватель и студент. О том, как после бури укрепилось дело реформы образования, я рассказываю в специальной главе. От университета для *элиты* до продуманной системы национального образования, которая должна была открыть свои школы в каждом городе и деревне империи, было еще далеко. К новому образованию, по сути, все еще относились с подозрением люди старой системы. Они смотрели на него, как и на железную дорогу, как на источник опасности, как на гибельный эксперимент.

Пока общение было односторонним: посланники приходили, но ни один не был отправлен. Посольства не были новинкой, но они всегда двигались по наклонной плоскости, либо прибывая с данью, либо спускаясь с приказами. Там, где не было ни дани, ни приказов, зачем их посылать? Зачем посылать их к тем самым людям, которые лишили Китай его главенства! Это была горькая пилюля, и она долго отказывалась ее проглотить. Харт позолотил дозу, и она приняла ее. Получив разрешение уехать домой, чтобы жениться, он предложил, чтобы его сопровождал его учитель Пинчунь, ученый маньчжур, в качестве неофициального посланника с приятной обязанностью видеть и докладывать. Это была командировочная комиссия, но не такая, как в 1905-06 годах, чтобы искать свет, а чтобы убедиться, что с представителем державы, столь униженной и оскорбленной, будут обращаться с обычными приличиями.

Старый пандит был поэтом. Все китайские пандиты - поэты, но Пинчунь обладал настоящим даром, а поток шампанского разжигал его вдохновение. Везде, где его угощали и потчевали, хотя он не был аккредитован ни при каком дворе, он был в восторге от великолепия народов Запада. Он восхвалял их богатство, культуру и пейзажи в безупречных стихах, а если и предавался сатире, то не для посторонних глаз. Его сопровождали несколько наших студентов, для которых поездка в комиссию стала образованием. Им было суждено, после долгого ожидания, как я уже говорил, вновь посетить западный мир, облеченный высшими силами.

Впечатление, произведенное на обе стороны, было благоприятным, и путь к настоящему посольству был подготовлен. Министр Соединенных Штатов Энсон Берлингейм, человек с острой проницательностью и широкими симпатиями, стал очень удобен для Министерства иностранных дел в Пекине. Когда в 1867 году он уезжал домой, китайские министры просили его оказать добрые услуги правительству Соединенных Штатов и другим правительствам, если представится случай: "Короче говоря, вы будете нашим послом", - говорили они с искренней доброжелательностью.

Берлингейм, уловивший возможности ситуации, по пути в легацию заехал на таможню. Харт воспользовался психологическим моментом и, поспешив в *Яман*, убедил министров

превратить приятное в действительное. Вдовствующие (а их было две) согласились с предложением принца Кунга направить Берлингейма с поручением объехать все договорные державы и прикрепить к нему маньчжура и китайца в ранге министров. В результате получилось "экуменическое посольство". Некоторые из наших студентов были снова прикреплены к свите; началось взаимное общение, и Берлингейму принадлежит слава его инициатора".

В деле реформ три вице-короля занимают выдающееся положение: Ли Хунг Чанг, Юэнь Ши Кай и Чанг Читунг. Ли, помимо организации армии и флота (оба были разрушены японцами в 1895 году), основал университет в Тьенстине и поставил во главе его доктора Тенни. Юэнь, придя в то же вице-королевство с уроком Боксерской войны перед глазами, сделал армию и образование объектами особой заботы. В последней области ему помогал доктор Тенни, и ему удалось сделать школы провинции Чихли примером для всей империи.

Наместнику Чангу принадлежит честь быть первым человеком (за исключением Кан Ювэя), который начал движение императора по пути реформ. Считая, что для того, чтобы быть богатым, Китай должен обладать промышленным искусством Запада, а для того, чтобы быть сильным, он должен обладать науками Запада, он взял на себя инициативу по пропаганде и внедрению того и другого. Будучи призван, после приостановки работы Императорского университета, помочь этому просвещенному сатрапу в его великом предприятии, я не могу лучше проиллюстрировать ход реформ, чем посвятив ему отдельную главу и моим наблюдениям в течение трех лет в Центральном Китае.

Тесты на эрудицию и квалификацию для занятия должности претерпели полное изменение. Регламентное сочинение, веками занимавшее главенствующее положение на экзаменах для поступления на государственную службу, упразднено; его место заняли более солидные приобретения. Требуется время, чтобы адаптировать столь древнюю систему к новым условиям. О том, что это будет сделано, говорит тот факт, что в мае 1906 года степени магистра и доктора наук были присвоены довольно большому количеству студентов, завершивших обучение в университетах зарубежных стран. В результате этого, несомненно, будет наблюдаться приток студентов в Европу и Америку, где зарождается наука. Сорок молодых людей, отобранных вице-королем Юэнем из старших классов его школ, в 1906 году были отправлены под руководством доктора Тенни на профессиональное обучение в Соединенные Штаты. Эта многообещающая миссия была отчасти обусловлена ослаблением строгости законов об исключении.

Китайский заседатель Смешанного суда в Шанхае был уволен в том же году за то, что приговорил преступников к избиению прутьями - излюбленное наказание, при котором есть способ облегчить удары. Высекание, клеймение и другие ужасные наказания с применением пыток для выбивания признаний были запрещены императорским указом. Сознывая презрение, вызываемое подобными варварствами, и желая устранить препятствие для принятия в сообщество наций, правительство взялось за пересмотр уголовного кодекса. Вутин-фанг, столь известный как министр в Вашингтоне, сыграл главную роль в этом почетном деле. Кодекс еще не опубликован, но судьи должны действовать в соответствии с его общими принципами. Когда он будет завершен, в нем, несомненно, будет предусмотрен суд присяжных, до сих пор неизвестный в Китае. Уполномоченные по правовой реформе уже направили мемориал, объясняющий функции суда присяжных; чтобы сделать его принятие более приемлемым, они заявляют, что это древний институт, который использовался в Китае три тысячи лет назад. Они оставляют престолу право сделать вывод, что западные люди заимствовали его из Китая.

Дело в том, что каждый магистрат - это мелкий тиран, воплощающий в своем лице функции местного губернатора, судьи и присяжных, хотя есть пределы его усмотрения и возможности для апелляции или жалобы. Остается надеяться, что юристы и юридическое образование найдут свое место в отправления правосудия.

Редактор китайского журнала, ранее цеплявшийся за иностранный флагшток, осторожно намекает на необходимость некоторых реформ. В этом *lustrum mirabile* ежедневная пресса взяла империю штурмом. Под сенью трона возникло около двадцати или более журналов, и им не заткнули рот. Они до последнего обсуждают государственные дела, несмотря на предостерегающие намеки. Воздерживаясь от открытых нападок, они занимаются скрытой критикой правительства и его агентов.

Социальные реформы открывают перед амбициозными редакторами широкое поле деятельности и компенсируют их отстранение от политической арены. Один из самых влиятельных недавно выразил сожаление по поводу отсутствия жизненной силы в старых религиях страны и, считая их реформацию безнадежной, открыто выступил за принятие христианства. Чтобы быть независимой от иностранцев, она должна стать государственной церковью, по его словам, с одним из принцев в качестве фигуранта, если не пилота.

Еще одна статья посвящена теме брака. По его словам, в правовом статусе женщины необходимо сделать много улучшений. Полная отмена полигамии может быть преждевременной, но это следует иметь в виду. В другом вопросе он выражает сожаление, что западный обычай личного ухаживания не может быть безопасно введен. Тем, кто должен стать спутниками на всю жизнь, пока нельзя разрешать видеться друг с другом, так как это может привести к расстройствам из-за чрезмерной свободы. Такая свобода в социальных отношениях неосуществима "разве что в высокоразвитом и упорядоченном обществе". Тот же или другой автор предлагает, чтобы расширить мир женщины, не ограничивать ее домом, а позволить ей свободно передвигаться, как западным женщинам, но она должна скрывать свои прелести за вуалью.

Сообщая о стычке между полицейским и водителем одной из телег принца Чинга, который настаивал на проезде по путям, запрещенным для простых людей, редактор с легким сарказмом предлагает вывешивать в таких случаях объявление о том, что "проезд разрешен только телегам дворян". Разве эти примеры не свидетельствуют о похвальной попытке имитировать свободную прессу? Свободная - по принуждению, но не по закону.

Читальные залы - новое учреждение, полное перспектив. Это не библиотеки, а места для чтения и пересказа газет в интересах тех, кто не в состоянии читать сам. На углах улиц можно увидеть многочисленные комнаты, где мужчины пересказывают содержание газет жаждающей публике. Они напоминают придорожные часовни, и этот способ просвещения невежественных людей, по общему признанию, был заимствован миссионерами. Какая острая необходимость в этом, когда среди мужчин только один из двадцати умеет читать, а среди женщин - ни одной из ста!

Реформа письменности - подлинное новшество: китайское письмо - это развитие иероглифики, в которой звук не является указателем смысла, а каждая пиктограмма должна быть отдельно знакома глазу. Доктор Медхерст остроумно называет его "окультизмом, а не языком". Без введения алфавитного письма искусство чтения никогда не станет всеобщим. Чтобы удовлетворить эту потребность, был изобретен новый алфавит из пятидесяти букв и организовано общество для распространения этой системы, так что простые люди, в том числе и женщины, вскоре смогут самостоятельно читать газеты. Автором системы является

Ван Чао, о котором говорилось выше, что он послужил поводом для *государственного переворота*, в результате которого вдовствующая императрица была возвращена к власти в 1898 году.

В завершение этого грозного списка реформ я скажу несколько слов об обществе, выступающем за отмену обычая, который делает китайских женщин посмешищем всего мира, а именно - связывания ног. Когда умы ее дочерей скованы невежеством, а их ноги искалечены тиранией абсурдной моды, Китай несет огромные потери, как социальные, так и экономические. К счастью, сейчас есть признаки того, что предлагаемое право на свободу передвижения встретит всеобщее одобрение. Недавно я слышал, как высокопоставленные мандарины отстаивали эту идею при большом стечении народа в Шанхае. Они дали обещание, что в их семьях больше не будут связывать ноги; вдовствующая императрица выступила в поддержку этого дела с назидательным указом. Поскольку в этом вопросе она не смела запретить, то ограничилась убеждением и примером. Способность к передвижению у татарских женщин не нарушена. Вице-король Чанг осудил эту моду как направленную на ослабление сил китайских матерей; сообщается, что он предложил ввести налог на маленькие ноги - разумеется, в обратной пропорции к их размеру. Лидером этого движения, которое претендует на то, чтобы стать общенациональным, является миссис Арчибальд Литтл.

Улицы патрулирует хорошо одетая и вооруженная полиция, что сильно контрастирует с лохматыми и небрежными сторожами прошлых лет. Похоже, китайцы всерьез решили исправить свои дела. Их улицы в Пекине и других городах подвергаются тщательному ремонту, и на смену телегам и паланкинам начинают приходить брички и рикши. Иностранный стиль строительства завоевывает популярность; говорят и о принятии иностранной одежды. Когда наступят эти перемены, что останется от этой странной старины?

ГЛАВА XXX

ВИЦЕ-КОРОЛЬ ЧАНГ - ЛИДЕР РЕФОРМ

Его происхождение - учеба в цензуре - пол магната - первый проснувшийся - лидер реформ - пробуждение гиганта

Если бы я писал о Чанге, китайском великане, который на голову и плечи превосходил самых высоких из своих братьев, я был бы уверен в читателях. Физические явления привлекают внимание больше, чем умственное или моральное величие. Не потому ли, что величие в этих высших сферах требует терпеливого размышления, чтобы оценить его по достоинству?

Чанг, вице-король Хукванга, гигант интеллекта и герой достижений, не является заурядным персонажем. Если мои читатели будут следовать за мной, пока я прослеживаю его взлет и прогресс, они не только обнаружат, что он стоит на голову и плечи выше большинства чиновников его ранга, но и получат важную информацию о великих событиях недавней истории.

За сорок лет жизни в столице я хорошо познакомился с блестящей карьерой Чанга, но только в последние три-четыре года у меня появилась возможность лично изучить его, поскольку я был призван возглавить его университет и помочь ему в других образовательных предприятиях.

Что бы ни думали о рядовых китайских мандаринах, наместники Китая почти всегда являются людьми исключительных способностей. Они никогда не бывают новичками, но, как

правило, старики по годам и ветераны по опыту. Их назначают за исполнительский талант или за заслуги, но их должность слишком высока, чтобы быть продаваемой на рынке, да и деньги вряд ли могут сильно повлиять на кандидата. Недавно губернатор Кванси был уволен за некомпетентность или за неудачи в борьбе с повстанцами. Будучи богатым человеком, он свободно использовал тот аргумент, который обычно оказывается эффективным в Пекине. Но, не получив повышения до вице-короля, он даже не был восстановлен в прежнем звании. Самое большее, что ему удалось получить путем щедрых трат, - это должность инспектора колледжа в Вучане, что позволило ему встать на одну из нижних ступеней чиновничьей лестницы.

Чанг никогда не был достаточно богат, чтобы покупать официальные почести, даже низшего ранга; и одна из его главных заслуг в том, что после нескольких лет пребывания у власти вице-короля он продолжает оставаться относительно бедным.

Его полное имя - Чанг Чи-тунг, что означает "Длинный лук из пещеры" - намек на предание о том, что один из его предков родился в пещере и прославился стрельбой из лука. Это было еще в эпоху троглодитов. Теперь, на протяжении многих поколений, семья посвятила себя мирной работе с письмом. Что касается самого Чанга, то предстоит увидеть, с каким смертоносным эффектом он умеет пользоваться пером, в его руках более грозным оружием, чем длинный лук его предка.

Чанг родился в Нанпи, в столичной провинции Чихли, неполных семьдесят лет назад, и это обстоятельство не позволило ему занять высшее вице-королевство в империи, поскольку ни одному человеку не разрешается занимать должность в своем родном месте. Он поднялся до своего нынешнего положения без посторонней помощи в виде богатства и семейного влияния. Это подразумевает наличие талантов неординарного уровня; но как бы эти таланты могли найти подходящую арену без той восхитительной системы литературных соревнований, которая на протяжении стольких веков служила двойной цели - расширению покровительства литературе и привлечению наиболее подходящих людей на службу государству.

Еще не выйдя из подросткового возраста, он был увенчан лаврами А. В., или начинающего гения, а через три года удостоился чести стать А. М., или, как говорят китайцы, сорвал веточку *олеи душистой* в состязании со своими коллегами-провинциалами, в котором только один из ста получал приз. Отправившись в императорскую столицу, он вступил в списки против избранных ученых всех провинций. Премии составили 3 процента от общего числа конкурсантов, и он получил степень доктора письма, которая, как следует из китайского названия, гарантирует ее обладателю официальное назначение. Если бы он довольствовался безвестной должностью, то мог бы отправиться домой и спать на лаврах. Но его неутомимый дух видел новые поля сражений, манящие его к новым триумфам. Три сотни новоиспеченных докторов были вызваны во дворец для написания сочинений на темы, заданные императором, чтобы Его Величество мог отобрать несколько из них для поступления в Ханьлинскую академию. И здесь удача вновь благоволила молодому Чангу: изящество его почерка и мастерство сочинения механических стихов были столь замечательны, что он получил место на литературном Олимпе империи.

Его конфликты еще не закончились. Его высокое положение давало ему право претендовать на членство в Цензурном совете. Фортуна не оставила своего любимца и в этом случае. После написания нескольких работ, демонстрирующих его познания в области права, истории и политики, он предстал перед публикой с полномочиями, которые делали его

грозным для высших должностных лиц государства - полномочиями, в некотором роде аналогичными совмещению функций цензора и трибуна в Древнем Риме.

Прежде чем я перейду к рассказу о том, как наш "рыцарь длинного лука" использовал свои новые полномочия, несколько слов об устройстве этого августейшего органа, Совета цензоров, могут оказаться интересными для читателя. Его члены - не судьи, а прокуроры штата. Им предоставлена свобода слова, которая распространяется даже на указание недостатков величества. Как важен такой трибунал для страны, в которой до сих пор не существует газетной прессы с ее глазами аргуса! Существует, правда, придворный "*Бюллетень*", который называют старейшей газетой в мире; но его содержание строго ограничено указами, мемориалами и назначениями. Свободные дискуссии и общие новости не имеют места на его колонках, так что в современном смысле это не газета.

Двор - даже обитатель Драконьего трона - нуждается в сторожевых псах. Такова теория; но на деле эти блюстители официальной морали находят более безопасным заниматься абберациями спутников, чем открывать пятна на солнце. Примерно тридцать лет назад один из них, Вукоту, решил осудить вдовствующую императрицу за то, что она приняла покойного императора как своего сына, вместо того чтобы сделать его своим внуком. В знак протеста против неправомерности оставления его без прямого наследника для поклонения своим манам он совершил самосожжение у гробницы покойного императора. Сомнительно, что западный ум способен понять тонкие рассуждения Вукоту; но разве не ясно, что он чувствовал, что провоцирует бесславную смерть, и предпочел умереть как герой - защитник своего покойного господина?

Если цензору удастся уличить одного высокопоставленного чиновника в грубом нарушении дисциплины, его судьба складывается. Он вознаграждается назначением на какую-нибудь уважаемую должность, возможно, ту же самую, с которой была изгнана его жертва. Практическая польза одерживает верх над абстрактными представлениями об эстетической целесообразности. Возвышенно было бы видеть, как блюстители общего блага уничтожают недостойных, руководствуясь общественным духом, не запятнанным корыстью; но в Китае (и в некоторых других странах) такой механизм требует корысти для своей движущей силы. Без этого он будет похож на ветряную мельницу без ветра, просто красивый объект в пейзаже.

В качестве иллюстрации фактической процедуры возьмем дело, в котором Чанг впервые добился национальной известности. Чунхау, маньчжур из знатного рода и пользовавшийся большим расположением при дворе, был послан в Россию в 1880 году, чтобы потребовать восстановления Или, провинции Китайского Туркестана, которую русские оккупировали под предлогом подавления хронических беспорядков. Едва он успел доложить об успехе своей миссии, в результате которой удалось вернуть две трети спорной территории, как появился Чанг и осудил ее как худшую, чем провал. Как доказал Чанг, он позволил русским сохранить некоторые стратегические пункты и отдал им плодородные районы в обмен на труднопроходимые горы или засушливые равнины. На такое соглашение нельзя было склонить ни одного посланника, если только он не обвинялся в коррупции или некомпетентности.

Неудачливого посланника бросили в тюрьму и приговорили к смерти (но отпустили), а его обвинитель поднялся в официальном рейтинге так же стремительно, как если бы он выиграл великое сражение на суше или на море. Его победа ничем не отличалась от победы тех британских ораторов, которые сделали себе репутацию на импичменте лорда Клайва или Уоррена Гастингса, за исключением того, что у него вместо красноречивого языка было язвительное перо. Я знал Чунгау и до, и после его опалы. В 1859 году, когда американское

посольство впервые вошло в ворота Пекина, именно Чунгау был назначен сопровождать министра до столицы и обратно до морского побережья - довольно долгое путешествие в те времена, когда не было ни пароходов, ни железных дорог. В течение этого времени, выступая в роли переводчика, я имел возможность видеть его каждый день, и меня сильно привлекло его великодушие и джентльменство. Бедняга вышел из тюрьмы лишенным всех почестей и с навсегда загубленными перспективами. Через несколько месяцев он умер от горя.

После войны с Японией в 1894-1895 годах Чанг стал вице-королем Хукванга, двух провинций в Центральном Китае, с процветающим населением более пятидесяти миллионов человек, на великой магистрали внутренних перевозок, соперничающей с Миссисипи, и с торговым центром Ханькоу, средоточием империи. Когда он увидел, что китайские войска разбросаны, как мякина, батальонами этих презираемых островитян, он не замедлил найти этому объяснение. Кан Ювэй, житель Кантона, также понял его и стал убеждать императора в необходимости реформ с такой энергией, что тот издал метеоритный дождь реформаторских указов, наполнивших одну сторону надеждой, а другую - тревогой.

Чанг занимал должность в Кантоне, и его острый ум уловил изменившиеся отношения Запада и Востока. Он понял, что на западный мир падают лучи нового солнца. Он не до конца понимал духовные элементы нашей цивилизации, но видел, что она облечена силой, неведомой мудрецам его страны, а силы природы подчиняются науке и народному образованию. Он чувствовал, что Китай должен подчиниться новому порядку вещей или погибнуть - даже если этот новый порядок противоречил ее древним традициям так же сильно, как смена восхода солнца на запад. Он увидел и почувствовал, что знание - это сила, - афоризм, заложенный Конфуцием еще до времен Бэкона; и он начал прививать свои новые идеи, выпустив серию лекций для обучения своих подчиненных. Собранные в томик под названием "Наставления к обучению", они были переданы в руки молодого императора и по его приказу распространены среди наместников и губернаторов империи.

[Сноска *: Переведено доктором Вудбриджем как "Единственная надежда Китая". Kelly & Walsh, Shanghai].

Какой урожай мог бы вырасти, если бы императорский пастух посеял такие семена в такую почву! Но нашлись и те, кто расценил это как посев зубов дракона. Эти реакционеры побудили вдовствующую императрицу выйти из отставки и вновь принять на себя отреченную власть, чтобы спасти империю от грозящего ей пожара. Это была басня о Фаэтоне, воплощенная в реальной жизни. Молодой возница был сражен, а солнце вернулось на свой путь, вместо того чтобы восходить на западе. Прогрессивное законодательство двух предыдущих лет 1897-98 гг. было отменено, а затем последовали два года узкой, бездарной политики, управляемой реакционерами под руководством принца Туана, отца наследника, с хунтой маньчжурских князей, таких же слепых и продажных, как русские великие князья. Этот катастрофический откат привел к войне, причем не с одной державой, а со всем цивилизованным миром, как было описано в рассказе о Боксерской войне (см. [с. 172](#)).

Дело шло к такому отчаянному положению, когда Чанг из Пещеры стал в некотором смысле спасителем своей страны. Этого он добился двумя действиями, потребовавшими от него незаурядного ума и моральной силы: (1) заверив британское правительство, что он любой ценой сохранит мир в Центральном Китае; (2) отказавшись подчиниться бесчеловечному указу из Пекина, повелевавшему наместникам истребить всех иностранцев, находящихся под их юрисдикцией - указу, который был бы невероятен, если бы не было известно, что в тот

же момент стены столицы были украшены объявлениями, предлагавшими вознаграждение в 50, 30 и 20 таэлей соответственно за головы иностранных мужчин, женщин и детей.

Вряд ли Чангу помог принять решение дружеский визит британского военного корабля, капитан которого в ответ на вопрос о его артиллерии сообщил Чангу, что у него есть ориентиры его официальной резиденции и он может с безошибочной точностью бросить в нее снаряд с расстояния в три мили. Ему также помогло влияние мистера Фрейзера, широко мыслящего британского консула. Фрейзер скромно умалчивает о своих особых заслугах в этом деле, но британские миссионеры в Ханькоу отдают ему должное. Они говорят, что, узнав от них о настроениях в народе, он побудил вице-короля принять оперативные меры для предотвращения вспышки насилия. В свое время боксерская армия с юга собиралась переправиться через реку и уничтожить иностранное поселение. Чанг, когда к нему обратились, откровенно признался, что его войска сочувствуют боксерам и что из-за задолженности по жалованию они находятся на грани восстания. Фрейзер нашел для него деньги с помощью Гонконгского банка, войска были оплачены, а боксеры рассеялись.

Та же проблема встала перед Лю, вице-королем Нанкина, и была решена им аналогичным образом. Оба наместника действовали согласованно, но кому принадлежит честь этой мудрой инициативы, никогда нельзя решить с уверенностью. Иностранные консулы в Нанкине утверждают, что она принадлежит Лю. Мистер Сундиус, ныне британский консул в Уху, уверяет меня, что когда Лю читал варварский указ, он воскликнул: "Я отвергну это как подделку", добавив: "Я не подчинюсь, если мне придется умереть за это". Его слова звучат героически, и позволяет предположить, что его политика не была взята из вторых рук.

Аналогичное утверждение было выдвинуто и в отношении Ли Хун Чанга, который в то время был вице-королем Кантона. Разве не вероятно, что в головах всех троих одновременно промелькнуло одно и то же видение ситуации? Они не были, как пекинские князья, невежественными татарами, а китайскими учеными высочайшего класса. Они не могли не видеть, что выполнение этого кровавого эдикта приведет к гибели как их самих, так и империи.

Говоря о Чанге, мистер Фрейзер говорит: "У него хватило ума понять, что любой другой курс означает гибель". Чанг, конечно, не стесняется трубить в свою трубу; но я не подозреваю его в том, что он "натягивает тетиву". Имея преимущество быть искусным рифмоплетом, он изложил свои претензии в стихах, которые все школьники пятидесятимиллионного населения обязаны заучивать наизусть. Они звучат примерно так:

"В Кенгце (1900) боксерские разбойники сошли с ума,
И Пекин в третий раз стал добычей огня и меча;
Но берега Великой реки и провинция Хупэй
Остались в спокойствии".

Он добавляет тоном ликования:

"Провинция Хупей была освобождена
от уплаты налога на возмещение ущерба,
И разрешили потратить сэкономленную сумму
на возведение школьных зданий".

В этих строках не так много поэзии, но факт, который они отмечают, добавляет еще один венок к челу, уже увенчанному множеством лавров, показывая, насколько сильно вице-король был настроен на образование своего народа.

В интересах образовательного движения я был призван на помощь Чангу в 1902 году. Императорский университет был разрушен во время Боксерской войны, и, не видя перспектив его восстановления, я уже собирался отправиться домой в Америку, когда, добравшись до Ванкувера, получил телеграмму от вице-короля Чанга, в которой он просил меня стать президентом университета, который он предлагал открыть, и обучать его младших чиновников международному праву. Я проработал в университете три года и теперь вспоминаю о своей недавней кампании в Центральном Китае как об одном из самых интересных этапов более чем полувековой жизни на Дальнем Востоке.

Помимо обучения его мандаринов праву наций, я должен был дать им некоторое представление о географии и истории, двух координирующих факторах времени и места, без которых они, подобно некоторым из их писателей, могли бы принять остров Род за остров Родос, а Рим, Нью-Йорк, за Город Семи Холмов. Книга "Взаимодействие наций" и перевод "Международного кодекса" Дадли Филда остались как осязаемые результаты этих лекций. Но университет так и не был создан.

Через месяц после моего приезда вице-король получил приказ отправиться в Нанкин, чтобы занять должность, ставшую вакантной после смерти его выдающегося коллеги Лю. Накануне отъезда он позвонил мне домой и сказал: "Я просил вас приехать сюда, чтобы стать президентом университета для двух провинций. Если вы поедете со мной в Нанкин, я назначу вас президентом университета для пяти провинций", - имея в виду, что он объединит образовательные интересы двух вице-королевств, и показывая, как расширилась схема университета в его плодотворном мозгу.

Не пробыв и месяца на этом высоком посту, он, к своему огромному разочарованию, узнал, что ему предстоит лишь занять место другого назначенца. После почти годового пребывания в Нанкине его вызвали в Пекин, где он провел еще год в полной неопределенности относительно своего будущего назначения. Тем временем университет существовал только на бумаге. Отдавая должное вице-королю, я должен сказать, что ничто не могло превзойти той вежливости и пунктуальности, с которой он выполнял свои обязательства по отношению ко мне. Депеши, которые раз в месяц приносили мне жалованье, всегда адресовались мне как президенту Вучанского университета, хотя, по сути, я мог бы с таким же успехом называться президентом Университета Вайсснихтхо. В одном вопросе он пошел дальше своего соглашения, а именно: бесплатно предоставил мне меблированный двухэтажный дом с десятью комнатами и садом. Он находился на берегу "Великой реки" с живописными холмами Ханьяна почти напротив, и это место я предпочел любому другому в городе. Здесь я наслаждался чистейшим воздухом и не испытывал особых неудобств из-за узких и грязных улиц. Этим исключительным преимуществом, несомненно, обязано то, что мое здоровье сохранилось, несмотря на жаркий климат, который в этой местности, расположенной далеко в глубине страны и на широте 30° 30', напоминал раскаленную печь. В ночь осеннего равноденствия, первую в моей жизни в Вучане, ртуть в моей спальне стояла на отметке 102°. Я был гостем преподобного Арнольда Фостера из Лондонского миссионерского общества, чье гостеприимство было теплым во многих отношениях.

Вице-король вернулся из Пекина с подорванным здоровьем; оставшиеся у него силы были отданы военной подготовке к непредвиденным обстоятельствам Русско-японской войны, а его университет был отправлен в бездну забытых мечтаний.

Вице-короля Чанга не совсем справедливо высмеивали как человека, обладающего избытком инициативы при довольно скудной доле законченности, принимающего и

бросающего свои новые замыслы, как ребенок свои игрушки. Скучные результаты в этих предприятиях объяснялись недостатками агентов, которым он поручал управление ими. Тот же упрек и то же извинение можно было бы сделать и вдовствующей императрице, которая, подобно римской Сибилле, отдавала свои прогрессивные указы на милость ветров, не заботясь, казалось, о том, что из них получится.

Следующей после образования своего народа задачей Чанга было развитие его материальных ресурсов. Для этого он открыл хлопчатобумажные фабрики, шелкопрядильни, стекольные и железоделательные заводы, все в широких масштабах, с иностранным оборудованием и иностранными специалистами. На многие мили за воротами Вучана берега реки усеяны этими огромными предприятиями. Разве они не возвещают яснее, чем батареи, которые командуют водным путем, о приходе нового Китая? Некоторые из них он поддерживал в рабочем состоянии, неся ежегодные убытки. Хлопчатобумажная фабрика, например, стояла без дела, когда я приехал, потому что в руках мандаринов он не мог заставить ее оплачивать расходы. Один кантонский купец взял ее в аренду на легких условиях и добился такого успеха, что теперь богатеет. В Китае существует аксиома, что ни одно производственное или торговое предприятие не может быть выгодно осуществлено депутацией мандаринов.

Чанг стремительно меняет облик своей столицы, возводя во всех ее частях красивые здания школ в иностранном стиле, буквально провозглашая с крыш домов свое евангелие образования. Молодежь в этих школах в основном одета в иностранную одежду; его уличная полиция и солдаты в казармах - все в иностранной форме; многие из последних отрезали свои кии в знак разрыва со старым режимом. В разговоре с их офицерами я приветствовал благоразумие этой меры, поскольку так они меньше подвергаются опасности быть схваченными во время бегства.

Солдаты Чанга учатся маршировать под каденцию его собственных военных песен, которые, хотя и лишены огня Тиртеуса или Кёрнера, не плохо подходят для пробуждения патриотических чувств. Возьмите эти строки в качестве примера:

"Иностранцы смеются над нашим бессилием,
И говорят о том, чтобы разделить нашу страну, как арбуз,
Но разве мы не сильны на 400 миллионов?
Если мы, представители Желтой расы, сплотимся,
какая иностранная держава осмелится пристать к нам?
Только взгляните на Индию, великую по своим размерам.
но погруженную в безнадежное рабство.
Посмотрите также на евреев, знаменитых в древние времена,
ныне рассеянных по лицу земли.
Затем посмотрите на Японию с ее тремя маленькими островами,
Подумайте, как она одержала верх над этой великой страной,
и завоевала восхищение всего мира.
Что меня восхищает в японцах.
Это не их умение пользоваться кораблем или пушкой.
А их беззаветная любовь к стране".

То, как вице-король Чанг справлялся со своим недугом, можно рассматривать как картину переменчивой политики полупросвещенной страны.

Первый врач, к которому он обратился, был китайцем старой школы. Помимо приема таблеток, состоящих из

"Глаз тритона и палец лягушки,
Шерсть летучей мыши и язык собаки".

Доктор предположил, что еще нужно кое-что, чтобы привести пациента в гармонию с ходом природы. Указав на изящную цепь холмов, которая волнистой линией тянется через весь город, он сказал: "Корень ваших проблем лежит там. Та дорога, которую вы открыли, повредила позвоночник змеи. Верните холм в прежнее состояние, и вы скоро поправитесь".

Вице-король бессодержательно восполнил пробел, но и сам оказался не лучше. Тогда он послал за английским и американским врачами, которые поочередно уволились, чтобы освободить место для японца, у которого он был под началом, когда я покинул Вучан. Для образца ума и мужества как жалок этот рецидив суеверия! Разве Китай, испробовав европейские методы, не впал во время боксерских волнений в старые суеверия? И не принимает ли она в этот момент японское лекарство? К Японии она обращается за советом при организации своих государственных школ, а также при подготовке армии и флота. В Японию она отправляет своих сыновей и дочерей во все возрастающем количестве. Не менее восьми тысяч ее юношей и, что еще более важно, одна-две сотни ее девушек из лучших семей сейчас находятся на этих островах, вдыхая дыхание новой жизни.

Некоторые писатели бьют тревогу в связи с этой массовой капитуляцией Китая. Но я, со своей стороны, не опасаюсь никаких зловещих тенденций в учениях Японии, будь то политические или образовательные. По памяtnому случаю двенадцать лет назад, когда маркиз Ито был приглашен на банкет в Пекине губернатором города и ректором Императорского университета, я поздравил его с тем, что "Япония оказывает на Китай более сильное влияние, чем любая западная держава, подобно тому, как луна поднимает более высокий прилив, чем более далекое солнце" - подразумевая, что японцы готовы признать, что их страна сияет за счет заимствованного света.

В конце концов, обновляющий эффект, на который я рассчитываю, будет достигнут не столько благодаря их учению, сколько благодаря их примеру. "Что мешает нам сделать то, что сделали эти островитяне?" - этот аргумент часто повторяет вице-король Чанг в своих обращениях к дремлющим соотечественникам. Как я уже говорил, именно под его влиянием император двенадцать лет назад принял новую образовательную программу. Не может быть сомнений и в том, что именно его влияние, как ни одного другого человека, побудило вдовствующую императрицу возобновить и расширить эту программу.

Чтобы показать, что происходит именно в это десятилетие: 3 сентября 1905 года был издан указ, "отменяющий конкурсные экзамены по литературе старого образца" и предписывающий "впредь уделять исключительное внимание созданию вместо них школ современного обучения по всей империи". На следующий день дополнительный указ предписывал провинциальным канцлерам или экзаменаторам, которые, подобно Отелло, лишились своего занятия, проводить экзамены и инспектировать школы в своих провинциях; а чтобы придать новому порядку больший вес, требовалось, чтобы они "исполняли эту обязанность совместно с вице-королем или губернатором провинции".

Новость, пришедшая вместе с этими постановлениями, свидетельствует о том, что доселе легкомысленный суд наконец-то всерьез занялся вопросами образования. В государственном бюджете появилась сумма в 300 000 таэлей на ежегодные расходы театральной труппы при дворе. По просьбе двух министров (вице-короля Юаня и генерала Тиеляна) Ее Величество сократила эту сумму до одной трети, приказав устраивать театральные представления не ежедневно, а дважды в неделю, а сэкономленные таким образом 200 000 таэлей *направить на нужды школ*. Как сильно это напоминает политику

вице-короля Чанга, который, освобожденный от сбора военной компенсации, выделил такую же сумму на строительство школьных домов! Империя, которая строит школьные дома, с большей уверенностью заявит о себе в мире, чем та, которая тратит свои деньги на батареи и форты.

В дополнение к принятию нового образования есть три пункта, которые Чанг провозглашает необходимыми для обновления китайского общества. В уже цитированной небольшой книге он говорит:

Калечение женщин делает их потомство слабым;
Суеверие *фуншуй* препятствует открытию шахт,
и делает Китай бедным".

Как мог человек, написавший это, снова впасть в глупость *Фуншуй*? Не может ли быть так, что он закрыл эту новую дорогу в знак уважения к суевериям своего народа? В любом случае это было бы прискорбной слабостью; но его страна, благодаря его усилиям, теперь полностью привержена прогрессу. Однако она движется в этом направлении так же, как ее благородные реки движутся к морю - с множеством обратных изгибов, множеством впадающих водоворотов.

ПОСТСКРИПТУМ №. I

Прощаясь с этим выдающимся человеком, представляющим лучший класс своих соотечественников, я вспоминаю два или три случая, о которых я упомянул в качестве дополнения. В своей телеграмме в Ванкувер, помимо того что он предложил мне занять пост президента предлагаемого университета, он просил меня выступать в качестве его юридического и политического советника. В соглашении, официально заключенном через консула в Нью-Йорке, вместо этих названных функций была заменена обязанность обучать младших мандаринов международному праву. Причиной такого изменения стало то, что правительство Пекина отказалось разрешить *любому иностранцу* занимать пост советника. Возражение было представлено как основанное на общей политике, а не на личных мотивах. Однако если бы пекинские чиновники прочитали мою книгу об осаде, в которой я обличаю вероломство маньчжурского правительства и выступаю за позицию Китая, вполне можно предположить, что их возражения могли бы иметь оттенок личности.

Когда вице-король Чанг отправлялся в Пекин, я зашел к нему на борт парохода. Он держал в руке отпечатанный отчет о моей вступительной лекции в начале нового семестра и выразил сожаление, что в спешке отъезда не смог найти время, чтобы лично присутствовать на ней. По этому случаю (накануне) несколько его высших чиновников, включая казначея, судью и префекта, угостив меня обедом в Мандаринском институте, привели шестьдесят младших чиновников, чтобы они произнесли салам своему наставнику. Совершив эту церемонию, я поклонился Их Превосходительствам и попросил их оставить меня с моими учениками. "Нет, - ответили они, - мы тоже желаем послушать вас"; и они заняли места перед помостом.

Вице-король Чанг, похоже, проявил некоторую ревность к сэру Роберту Харту, раскритиковав предложение генерального инспектора о едином налоге. Он также подверг неблагоприятной критике план профессора Дженкеса по унификации валюты Империи - возможно, под влиянием страха, что такое *нововведение* может снизить полезность дорогостоящего завода, который он недавно построил для чеканки серебряной и медной монеты. По этой же причине, возможно, он возражает, как я слышал, против предложенного Советом по доходам привлечения профессора Корнелла в качестве финансового советника.

Однако при всех своих недостатках он настоящий патриот, и его влияние во многом способствовало движению Китая в правильном направлении. Побольше бы таких людей, как Чанг, "Длинный лук из пещеры"!

Прилагаю весомый документ, который не менее интересен тем, что несколько окутан тайной. Я сожалею, что не имею права раскрывать его авторство. Отчет следует считать анонимным, поскольку он является неопубликованным документом секретной службы. Читателю остается лишь догадываться о национальности и личности его автора. Ценный тем, что он бросает свет на великого героя в сложной ситуации, отчет приобретает пикантность и интерес благодаря тому, что к завесе официальной тайны нужно относиться с должным уважением. Мой безымянный друг получил мою благодарность и заслуживает благодарности моих читателей.

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ИНТЕРВЬЮ С ВИЦЕ-КОРОЛЕМ ЧАНГОМ ВО ВРЕМЯ КРИЗИСА 1900 ГОДА

"Во время нашей беседы 17 июня, подробно описанной в моей депеше вам от 18 июня, вице-король объяснил свою решимость поддерживать порядок и обеспечивать защиту, полагающуюся по договору; он также подчеркнул свое желание поддерживать дружеские отношения с Англией.

"В начале июня в трех городах - Вучане, Ханьяне и Ханькоу - распространились слухи о похищении детей и даже взрослых людей с помощью гипноза; и хотя краткое уведомление вице-короля о том, что лица, распространяющие подобные рассказы, будут казнены, пресекло их распространение здесь, страх распространился на сельские районы и возбудил умы людей против иностранцев и, как следствие, против новообращенных и миссий.

"25 июня вице-король, как сообщается в отдельной депеше от 28 июня лорду Солсбери, направил специального посланника, чтобы заверить меня, что Е. П. не примет и не будет действовать в соответствии с какими-либо антииностранными указами из Пекина. В то же время он передал копию телеграфного меморандума от себя и семи других высокопоставленных провинциальных офицеров, настаивавших на подавлении боксеров и поддержании мира. Этот совет Е. П., как я понял, привел к отзыву Ли Хун Чанга на север в качестве переговорщика.

"Искаженные сведения о захвате фортов Таку и военных действиях на севере вызвали некоторое волнение, но прокламация вице-короля от 2 июля, копия которой была направлена в моей депеше от 3 июля в Министерство иностранных дел, и энергичные полицейские меры, принятые Его Превосходительством, вскоре восстановили спокойствие, которое, несмотря на периодические слухи, сохранялось до недавнего заговора и испуга, о которых сообщалось в моей депеше Вам от 23 августа. В той же депеше я описал, как, выполняя мое пожелание, Его Превосходительство пошел на беспрецедентный шаг, отменив свою прокламацию, содержащую императорский указ, который был воспринят как разрешение на преследование новообращенных. Иностранцев в течение последних двух месяцев интересовал вопрос, может ли вице-король и будет ли он поддерживать порядок в своих войсках. Сам вице-король, похоже, пребывал в некотором сомнении до возвращения своих доверенных офицеров, которые присутствовали на маневрах японцев, когда начались северные беспорядки. Время от времени в войсках распространялись сообщения о недовольстве, но обученные войска никогда не проявляли никаких признаков нелояльности.

"В конце июня около 2000 или 3000 человек прошли через Ханькоу, направляясь в Ньянкинг, где губернатору, по слухам, нужна была охрана. Они были безоружны и не причинили никакого вреда, кроме вторжения на территорию таможи и Пароходной компании

китайских торговцев. В июле около 5 000 солдат, из которых, возможно, половина была обучена, отправились из провинции Хукан по суше в Хонань и далее в Чили. Их возглавлял антииностранный казначей Хунаня; их отправка объяснялась конституционной обязанностью оказать помощь императору. С июля я не слышал ни о каких других отрядах, хотя говорили, что их общее число достигнет 10 000. Возможно, вице-король отправил этих людей, потому что не чувствовал себя достаточно сильным, чтобы полностью бросить вызов Пекину, поскольку отказ помочь двору вызвал бы народное осуждение, а также для того, чтобы избавиться от значительной части опасного класса "бездельников".

"Примерно 20 июля поступило настойчивое сообщение о том, что вице-король тайно размещает пушки на противоположных берегах реки. Немецкие военные инструкторы заверили меня, что это сообщение беспочвенно; и лейтенант Брэндон с Н. М. S. *Pique* тщательно прочесал берег на расстояние трех миль в длину и ширину, не обнаружив ни малейшего следа пушки. Единственные орудия на позиции - два 5-дюймовых Armstrong M. L. в стенах Вучанга, они находятся там уже давно и используются "только в учебных целях".

"Еще во время нашей беседы 17 июня вице-король выразил беспокойство по поводу миссионеров в отдаленных пунктах внутренних районов; и тогда же я предложил различным миссиям, что женщинам и детям будет лучше в договорном порту. Сами миссии предпочли отозвать всех своих членов и по просьбе вице-короля предоставили списки станций, оставленных на попечение местных властей. С тех пор даже в Хупе было несколько случаев грабежа, особенно в большом районе Синь-Чань на границе с Хунань, а в Ханчжоу-фу, в Хунань, в начале июля было разгромлено помещение Лондонской миссии, и некоторое время по всей провинции казалось вероятным, что миссии будут уничтожены. Главной причиной этого, как и беспорядков в Хупе, стало распространение предполагаемого указа от 26 июня, восхваляющего боксеров и предписывающего властям подражать северянам в истреблении иностранцев. Похоже, что этот указ напрямую дошел до местных властей, и те, кто враждебно относился к иностранцам, действовали на его основании или дали знать о его существовании дворянам и народу. Все часовни в Хунани были опечатаны, и было понятно, что все имущество миссии и новообращенных будет конфисковано. Однако в конце июля вице-король и губернатор Хунани издали удовлетворительное постановление, и я больше не слышал жалоб из этой провинции, западная часть которой кажется спокойной.

"Помимо защиты жизни и имущества иностранцев в своей провинции, вице-короля часто просили оказать помощь миссионерам, уезжающим из Кансуха, Шенси, Шанси и Хонана. В каждом случае Его Превосходительство с готовностью соглашался. Подробные телеграммы снова и снова отправлялись не только его пограничным офицерам, но и губернаторам других провинций, с которыми Е. П., при необходимости, в резких выражениях объяснялся. Так, когда казалось, что Хонан может обернуться против нас, вице-король настоял на публикации благоприятных указов и даже пошел на то, чтобы отправить своих людей для создания постоянного депо сопровождения в Чинг Цзу Куан, важном пункте в Хонане, где путешественникам с севера и северо-запада приходится пересаживаться с телеги на лодку. К счастью, исполняющий обязанности губернатора Шанси оказал ему благородное содействие. Но беженцы, которые неизменно свидетельствуют о чудесном чувстве безопасности, возникшем после достижения Хупе, вряд ли согласятся с тем, что они обязаны жизнью усилиям Чанг Чи-тунга; ведь простое бездействие с его стороны поощрило бы многочисленных враждебно настроенных офицеров обращаться с ними так же, как Шанси обращался со своими миссионерами.

"Временами в течение последних двух тревожных месяцев действия вице-короля по отправке войск на север, возникновение беспорядков в различных пунктах, сообщение Е. П. об указах,

в которых пекинское правительство пыталось придать лоск северному восстанию, и его стремление заявить, что вдовствующая императрица не подстрекала к вспышке и не питала враждебных чувств к иностранцам, неизбежно вызывали беспокойство. Но, оглядываясь назад, можно оценить мастерство и постоянство, с которыми Е. П. преодолел серьезнейший кризис и выполнил свой долг как перед китайцами, так и перед иностранцами. Для китайского государственного деятеля и ученого нет ничего особенного в том, чтобы рисковать популярностью, положением и даже жизнью, оказывая дальновидное сопротивление очевидным постановлениям суда, которому все его воспитание навязывает слепую лояльность и повиновение. Его желание обеспечить личную безопасность вдовствующей императрицы за ее долгие заслуги перед империей вполне естественно; не стоит винить его и за оказание некоторой военной помощи своему государю, даже если он догадывался, что она будет использована против тех иностранных государств, с которыми он сам неуклонно поддерживает дружбу и против возможного нападения которых он не установил ни одной лишней пушки."

ПОСТСКРИПТУМ № 2

ТУАНЬ ФАН ИЗ ВЫСОКОЙ КОМИССИИ

Во время долгого отсутствия Чанга Туан Фан, губернатор Хупэ, держал печать и выполнял функции вице-короля. Он был маньчжуром - одним из тех образцов, восхитительных, но не редких, которые, приобретая утонченность китайской культуры, не теряют ничего от силы своей собственной расы. "Своей расы", - говорю я, потому что по языку и привычкам маньчжуры сильно отличаются от своих китайских подданных.

В Боксерской войне губернатор Туань показал себя с лучшей стороны. Будучи губернатором в Шэньси, он не стал убивать миссионеров, как это сделал маньчжурский губернатор соседней провинции, а эффективно защитил их и благополучно отправил в Ханькоу. Однажды, когда я был у него дома, к нему пришел миссионер, чтобы поблагодарить его за доброту, проявленную по этому случаю.

Упомянув одну из своих книг, я как-то спросил его, читал ли он ее. "Вы не написали ни одной книги, которую бы я не прочитал", - таков был его категоричный ответ. Он был довольно частым гостем в моем доме, пунктуально отвечая на все мои звонки; а когда его перевели на пост губернатора Хунани, он, похоже, был рад, что Йельская миссия пользуется его покровительством. Его сын учится в школе в Соединенных Штатах, а жена и дочери берут уроки английского у сотрудниц Американской епископальной миссии.

Губернатор Туан (ныне вице-король) - один из ведущих членов комиссии, недавно отправленной за границу для изучения и составления отчета об институтах западного мира. Ее отъезд был отложен из-за взрыва бомбы в одном из вагонов как раз в тот момент, когда комиссия покидала Пекин. Предполагаемый убийца был "поднят на своем собственном петарде", оставив общественность в недоумении относительно мотивов возмущения.

ГЛАВА XXXI

АНТИИНОСТРАННАЯ АГИТАЦИЯ

Американское влияние на Дальнем Востоке - Чиновники и бойкот - Интервью с президентом Рузвельтом - Бунт в британской концессии - Экстерриториальность - Два пути к цели - Серьезная ошибка - Трагедия в Нань-Чане - Опасности из-за суеверий

Антииностранный дух - далеко не новинка, а нормальное состояние китайского сознания. Однако за последний год он приобрел новые формы, был направлен против новых объектов и использовал новые методы. Поэтому он заслуживает особого места среди новых явлений в Китае XX века.

Там, где все меняется, меняются и нравы людей. Они стали беспокойными, как море, и переменчивыми, как флюгер. Вчерашние друзья - сегодняшние враги, и достаточно небольшого или мелкого раздражения, чтобы перевести человека или страну из одной категории в другую. Вспышки убийств, редкие в прошлом, теперь стали тревожно частыми, настолько, что последний год можно назвать годом антииностранных беспорядков. За последние девять месяцев произошло четыре таких вспышки. В четырех широко разбросанных провинциях, выплескивая свою ярость довольно беспристрастно на людей четырех национальностей и всех профессий, они были движимы общей ненавистью и указывали на общую цель. Эта цель - если у них была цель - заключалась в том, чтобы заставить пересмотреть договорные отношения.

Америка имеет честь быть мишенью для первых нападков. Поэтому при рассмотрении этой темы я начну с Америки и бойкота, как это изложено в длинном отрывке из выступления перед Лигой издателей Нью-Йорка 8 ноября 1905 года на тему

АМЕРИКАНСКОЕ ВЛИЯНИЕ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

"Господин президент и джентльмены:

"Если бы меня попросили найти *точку опоры*, на которой можно было бы построить машину для движения мира, я бы выбрал эту лигу издателей; и эта машина была бы не чем иным, как силовым прессом! Я принял ваше приглашение не только из приятных воспоминаний о вашем прежнем гостеприимстве, но и потому, что произошли новые события, которые вызывают к патриотизму каждого добропорядочного гражданина. Это вопросы, которые стоят выше партийных; они затрагивают наш национальный характер и благополучие другого народа, которому мы обязаны священными обязанностями справедливости и гуманности.

"Когда я согласился выступить перед вами с докладом об американском влиянии на Дальнем Востоке, я не знал, что с нами будет представитель Японии, и ожидал, что мне придется разрываться между двумя империями. Счастлив, что одну из этих империй я передал мистеру Стивенсу.

"Я, соответственно, не буду больше говорить о Японии, кроме того, что мудрое терпение commodora Перри, которое в 1854 году побудило сёгуна открыть свои порты без выстрела, завоевало благодарность японского народа; так что во многих отношениях они свидетельствуют о предпочтении нас и нашей страны. Например, они называют английский язык "американо" и т. д. Они были разочарованы тем, что их претензии к России не были поддержаны Соединенными Штатами. Это, однако, вызвало лишь кратковременное оцепенение. В дальнейшем ничто не нарушало гармонии двух народов, которые сталкиваются друг с другом на берегах Тихого океана. За мудрой инициативой Перри последовала не менее мудрая инициатива Таунсенда Харриса, который еще до прибытия консула или министра был приглашен в Йедду, чтобы дать совет правительству сёгуна.

"Американское влияние, начавшееся таким образом, поддерживалось благородной армией министров, консулов и миссионеров. Полное отсутствие резни и убийств делает историю наших сношений с Японией скромной по сравнению с трагической историей Китая. Она говорит о господстве закона.

[Сноска *: Единственный миссионер, убитый за последние пятьдесят лет, был зарезан во время схватки с грабителем].

"Мое знакомство с Японией длится уже сорок шесть лет, и за это время я поддерживал приятные отношения с большинством министров, которых она посылала в Китай. Один из ее чиновников недавно подарил мне красивый шарф-булавку, который многое говорит об американском влиянии, изображая два флага в дружеском союзе на одном флагштоке. В ответ я подарил ему следующие строки:

"Солнце и звезды разделены!

Далекие, но родственные солнца,
В дружеском согласии здесь они вращаются
Чтоб образовать новый небесный знак.

"Ты, солнце Востока, еще выше поднимись
Чтобы наполнить светом восточные небеса!
А вы, звезды и полосы, развернутые
Пролейте славу на западный мир!

"Наш звездный флаг впервые разбудил рассвет
В империи восходящего солнца.
И пусть ни одна злая случайность не разорвет эту связь,
И мы громко кричим "банзай!".

"Теперь я перехожу к менее радостной теме американского влияния в Китае. Это напоминает мне натуралиста, который взял для главы заголовок "Змеи в Исландии", а вся глава состояла из слов "В Исландии нет змей". Хотя раньше американское влияние пылало, как созвездие в Млечном Пути, оно исчезло настолько, что его едва можно разглядеть с помощью микроскопа. На какое влияние мы можем рассчитывать, если наши товары закрыты не законодательно, а в результате народного недовольства?

БОЙКОТ

"Правда, по последним данным, бойкот прекратился. Я предвидел и предсказывал более двух месяцев назад, что по природе дела он не может быть длительным, что это всего лишь *ballon d'essai* - обнадеживающее доказательство того, что восточные люди учатся применять наши методы. Но разве не существует плачевного различия между условиями, в которых она используется в двух странах? В одной из них люди все читают, и газета у каждого в руках. Как только объявляется забастовка или бойкот, все руки опускаются на свои места, и все идет своим чередом. В другой - читателей меньше, чем один из двадцати. Газеты вдали от открытых портов почти не известны, а если и существуют, то подвержены тирании мандаринов или терроризму толпы. Поэтому война может вестись в одной провинции, а люди в другой о ней почти не слышат. Chevaux-de-frise могут не пускать товары в один порт, в то время как в других портах они принимаются более или менее открыто. Мало того, враждебное чувство, порожденное таким конфликтом интересов, не рассеивается солнечным светом, а разгорается и распространяется, как эпидемия, по огромным регионам, не освещенным газетами или контактами с иностранной торговлей.

"Свидетельствуем о массовом убийстве американских миссионеров в Лиенхоу в провинции Кантон. Я не собираюсь вдаваться в подробности этого шокирующего злодеяния и не буду останавливаться на нем дальше, чем отмечу, что, хотя бойкот был прекращен 14 сентября, люди в этом районе были в таком отчаянии, что миссионеры почувствовали себя в опасности

через четырнадцать дней после этой даты. В газете *New York Sun* от 5 ноября я нашел часть письма одного из пострадавших, преподобного мистера Пила, написанного ровно за месяц до трагедии. Позвольте мне прочитать его вместе с вводным абзацем.

"ПРИНЦЕТОН, штат Нью-Джерси, 4 ноября - А. Ли Уилсон, студент Принстонской теологической семинарии, несколько дней назад получил письмо от Джона Р. Пила, миссионера, который вместе с женой был убит в Лиенчоу, Китай, 28 октября. Письмо было датировано 28 сентября и попало в Америку в то время, когда Пил и его жена были убиты. Оно дает ключ к разгадке событий, которые привели к смерти Пила. В письме, в частности, говорится следующее:

"Интерес к бойкоту жизненно важен для миссионеров. Раньше американцы всегда пользовались особой благосклонностью, и вывешивание американского флага означало защиту; но сейчас все иначе. Попыток личного насилия не было, но люди стали менее сердечными и более подозрительными. Жители Китая не требуют, чтобы их кули разрешили въезд в Штаты, они лишь просят, чтобы американцы перестали относиться к китайцам с презрением и предоставили их торговцам и студентам те же привилегии, что и другим иностранцам".

"В мае этого года Пил окончил Принстонскую теологическую семинарию.

"Разве не очевидно, что искра, вызвавшая взрыв, и нитроглицерин, сделавший его возможным, появились благодаря бойкоту?

Они не только бойкотируют такие мелочи, как фигурки на таможне, но и распространяют табу на вещи, связанные с головой и сердцем". Лидер всего этого движения ранее был активным сторонником Международного института, учреждения, которое предлагает открыть бесплатные курсы лекций и поставить китайских интеллектуалов на одну ступень с учеными Запада. Теперь он выступает против Международного института, потому что его создал и проводит доктор Рид, широко мыслящий американец.

"После этого вы будете удивлены, узнав, что ваши собственные издания, лучшие учебники для школ Дальнего Востока, попали в *индекс expurgatorius*? Недавно несколько таких книг были возвращены под предлогом, что они запрещены, потому что на них стоит печать американского издательства.

"Если я скажу, что государственные чиновники, высокие и низкие, с удовлетворением смотрят на это утверждение чего-то вроде национального чувства, вы можете ответить: "Национальное чувство! Да, это долг - культивировать его". Но разве мы не знаем, как оно культивируется в Китае? Разве ненависть к иностранцам не принималась за патриотизм и не разжигалась втайне как защита от иностранной агрессии? В данном случае, однако, нет никаких оснований подозревать подобный мотив. Движение является исключительно результатом провокации с нашей стороны; оно поддерживается с целью заставить наше правительство изменить или отменить наши оскорбительные законы о запрете въезда. Вице-король Центрального Китая, с которым я провел последние три года, известен как пионер реформ - человек, который сделал больше, чем кто-либо другой, чтобы обучить свой народ его обязанностям, а также его правам. Когда по истечении срока контракта я собрался уезжать домой, префект Вучана, уроженец Кантона, направил мне письмо, в котором умолял меня выступить в защиту его народа перед президентом Соединенных Штатов. На это письмо

ссылался в беседе вице-король, и он повторил содержащуюся в нем просьбу. Он дал мне прощальный банкет, на котором присутствовали многие из его мандаринов, и по этому случаю тема снова поднялась, и та же самая просьба была повторена и навязана мне со всех сторон. Обещая приложить все усилия, позвольте мне привести пример того масла, которое я лил на их уязвленные чувства.

"Я сказал: "Под воздействием этих мелких обид ваш народ забывает, чем он обязан Соединенным Штатам. Они теряют из виду опасность отчуждения своего лучшего друга". Во время Боксерской войны, когда Пекин был захвачен объединенными силами восьми иностранных держав, кто, как не Америка, первой ввела самоотверженный указ, запрещающий любой державе захватывать какую-либо часть китайской территории? В этом ее поддержала Великобритания; другие державы подчинились, и целостность империи была обеспечена. И снова, когда Китай оказался под угрозой втягивания в водоворот русско-японской войны, кто, как не Америка, обеспечил ей привилегии нейтралитета - тем самым во второй раз защитив ее национальную жизнь? А теперь вы обращаете против нас! Разве такое поведение не осуждается вашим древним поэтом, который сказал:

"Ki wo siao yuen, wang wo ta teh" и т.д.

(Сколько поступков доброты совершено.

Один маленький проступок сводит все на нет,
Как мотыльки заслоняют сияющее солнце
И закрывают его блеск").

"Если устранить причину обиды, есть основания надеяться, что благотворные действия нашей страны в тех двух случаях, столь важных для судьбы, запомнятся, и заставят Китай смотреть на наш флаг как на эгиду, под которой он может найти защиту в трудную минуту. Только тогда наше влияние, которое сейчас сведено к нулю, обретет полную ценность.

ПРОВОКАЦИИ К БОЙКОТУ

"Нанесенные увечья, хотя и ничтожные по сравнению с полученными выгодами, таковы, что ни один уважающий себя человек не должен ни наносить их, ни терпеть. Возьмем один пример, которых я мог бы привести двадцать. Два молодых человека, оба христиане, один богатый, другой бедный, приехали в Соединенные Штаты за образованием. Их продержали в тюремном бараке три месяца, один из них, заболев, был помещен в больницу; другой, получив разрешение навестить его, совершил побег в Канаду, а оттуда вернулся в Китай.

"Что удивительного в том, что к нам больше не приезжают студенты и что более 8000 человек сейчас продолжают обучение в Японии!

[Сноска *: Примирительная политика президента Рузвельта приносит свои плоды Сорок студентов собираются отправиться в Соединенные Штаты (май, 1906)].

"Нынешнее раздражение, как нас уверяют агитаторы, вызвано возмутительным отношением к *привилегированным классам* (купцам, путешественникам и студентам), а не исключением рабочих, на что их правительство дало свое согласие. Однако в растущем интеллекте китайцев наступило время, когда их правители ощущают такую дискриминацию как клеймо. Вице-король Чанг и его мандарины требуют не просто справедливого применения существующих законов. Они требуют отмены этих позорных запретов и права конкурировать на равных с иммигрантами из Европы. Если мы проявим готовность относиться к китайцам справедливо, их страна и их сердца будут открыты для нас как никогда раньше. Наша

торговля с Китаем расширится до огромных масштабов, а наш флаг будет стоять выше всех тех, что возвышаются над целостностью этой империи и защищают ее".

16 ноября меня принял президент Рузвельт. Пробежав глазами по документам (см. ниже), которые я передал ему в руки, он высказался по каждому пункту. Он признал, что недовольство, вызванное законами об исключении, действительно имеет место. Он пообещал, что их можно будет смягчить или устранить путем усовершенствования методов управления; но он не надеялся на их отмену. "У нас на руках одна расовая проблема, и мы не хотим другой", - сказал он с ударением. Бойкот, к которому китайцы прибегли как к способу принуждения, он осудил как усугубление существующих трудностей. Перерыв в торговле и убийства американских миссионеров, к которым он привел, сделали невозможным, по его словам, передачу Китаю излишков репараций, как он намеревался.

Я ожидал именно такой реакции, но она ни в коем случае не удовлетворит правящие классы Китая, которые стремятся ни к чему иному, как к отмене закона. Когда я заверил его, что газеты ошибаются, представляя агитацию как ограничивающуюся рабочими и купцами, добавив, что высшие мандарины, официально осуждая ее, на самом деле дают ей добро, он ответил, что считает это так, и повторил заявление, что ничего не выиграет от таких насильственных мер со стороны Китая.

Из Исполнительного особняка я отправился в китайское легатство, где обсудил этот вопрос с министром сэром Чентун Ляном. Он не был удивлен отношением президента. Он сказал, что отношение к Китаю в Конгрессе и во всей стране улучшается, но, по его мнению, потребуется десять лет, чтобы добиться отмены законов об исключении.

Нынешняя заминка в переговорах частично исходит от Пекина, но он надеется, что скоро будет достигнуто временное урегулирование.

Вышеупомянутые документы прилагаются.

ПИСЬМА С ПРОСЬБОЙ ОКАЗАТЬ ДОБРЫЕ УСЛУГИ (Перевод)

"Достопочтенному доктору Мартину.

"Сэр:

"За последние три года мы часто обменивались мнениями по вопросам образования и другим актуальным темам; и мне приятно осознавать, что ни одна противоречивая нота не омрачила наше общение.

"Учитывая вашу образованность и долгое сорокалетнее пребывание в нашей столице, а также пятнадцать лет в других частях Китая, мы относимся к вам с глубоким уважением. Когда мы слышим ваши слова, мы размышляем над ними и храним их как то, что не должно быть забыто. Именно благодаря вашей учености и личному характеру вы смогли так гармонично объединиться с офицерами и учеными Центральной империи.

"Итак, сэр, есть вопрос, который мы хотим довести до вашего сведения - вопрос, требующий усилий таких мудрых людей, как вы. Я имею в виду исключение китайских рабочих. Это очень сильно сказывается как на нашем торговом, так и на рабочем населении.

Мы просим вас вспомнить о вашем пятидесятипятилетнем пребывании в Китае и сказать доброе слово от нашего имени президенту Соединенных Штатов, чтобы обеспечить благосостояние обоих классов".

"Если благодаря вашим уговорам запретительные постановления будут отменены, благодарность китайского народа не будет иметь границ; ваша пятидесятипятiletняя преданность благу Китая получит достойное завершение в одном дне; а ваше имя будет передано грядущим поколениям.

"Будучи старыми друзьями, я пишу так же откровенно, как если бы мы разговаривали лицом к лицу.

"(Подпись) ЛЯНГ ТИНГ ФЕН,
"Директор нормального колледжа двух озерных
"провинций, интендант округа (*Таотай*) и т.д. и т.п.
"Вучан, 8 июля 1905 г."

Вышеприведенный перевод был сделан мной, и оригинал прилагается к копии, представленной президенту, для удовлетворения любого официального переводчика, который может пожелать ознакомиться с ним.

Это письмо можно считать выражением настроений высших чиновников Китайской империи. Оно было написано накануне моего отъезда домой человеком, который, как никто другой, имеет право считаться представителем вице-короля Чанга; а на следующий день просьбу повторил сам вице-король. Эти обстоятельства делают его документом более чем обычной важности.

Возмутительное обращение, которому подвергались привилегированные классы (торговцы, студенты и путешественники) под прикрытием исполнения законов об исключении, вызвало глубоко укоренившееся недовольство, бойкот которого - лишь поверхностное проявление. Возможно, это движение будет недолгим, но оно уже длится достаточно долго, чтобы нанести нам немалый ущерб.

Помимо того, что это причинило неудобства нашей торговле, оно вызвало чувство враждебности, для искоренения которого потребуются годы примирительной политики.

В письме нет ни прямой ссылки на бойкот, ни намек на предстоящие переговоры; однако можно не сомневаться, что, обращаясь с этим призывом, автор имел в виду и то, и другое. Вице-король и его чиновники правы, считая нынешний момент серьезным кризисом в отношениях между двумя странами.

Их дружеские отношения никогда не прерывались, за исключением фанатичных вспышек, известных как "Боксерские смуты", целью которых было изгнание всех иностранцев. Ведущая роль нашей страны в последующем урегулировании, особенно в предотвращении угрозы расчленения Китая, значительно усилила наше влияние. И снова, когда разразился русско-японский конфликт, который велся в основном на китайской территории, именно американская дипломатия обеспечила Китаю преимущество нейтралитета и еще раз предотвратила опасность, угрожавшую его существованию.

И все же любая искра благодарности за эти величайшие услуги может быть погашена раздражением, вызванным дискриминацией ее рабочих и последующим жестоким обращением с другими классами ее народа. Не нужно приводить никаких аргументов, чтобы показать, насколько важно устранить все причины для жалоб в интересах нашей растущей торговли.

Я не давал моим мандаринским друзьям никаких оснований ожидать, что в существующие законы будут внесены какие-либо радикальные изменения. Самосохранение стоит на более

высокой степени, чем удобства межнационального общения. В течение многих лет эти законы служили оплотом, без которого малочисленное население наших западных штатов было бы поглощено притоком азиатов. В ранние времена китайцам было проще пересечь океан, чем жителям наших восточных штатов - континент. Однако теперь, с завершением строительства железных дорог, путь по континенту сократился до пяти-шести дней вместо многих месяцев, а население нашего Тихоокеанского побережья настолько велико, что больше нет никакой опасности того, что его заполонят иммигранты с Дальнего Востока. Поэтому вопрос о том, насколько целесообразно и политично сохранять эти старые ограничения, остается открытым. Пеленки, необходимые для защиты младенца, мешают растущему мальчику. Этот вопрос, возможно, лучше всего решить, выяснив общие настроения в наших тихоокеанских штатах. У меня сложилось впечатление, что, за исключением фруктоводов Калифорнии и некоторых других, они решительно против того, что они называют "спускать решетки".

Наиболее реальным способом решения этой проблемы, как мне кажется, будет принятие правил, направленных на предотвращение злоупотреблений при исполнении наших законов об исключении. Президент уже решительно осудил такие злоупотребления. Понятие "привилегированные классы" может быть истолковано в более либеральном смысле. Можно предусмотреть смягчение трудностей, связанных с содержанием под стражей и репатриацией; можно назначить лучший класс инспекторов с генеральным суперинтендантом, в обязанности которого должно входить следить за тем, чтобы законы исполнялись гуманно и добросовестно.

18 декабря, менее чем через три месяца после нападения на американцев в Лиенчоу, была предпринята попытка уничтожить британское поселение в Шанхае.

Женщину, арестованную по обвинению в похищении, отправили в иностранную тюрьму дожидаться суда. Китайский заседатель не без оснований настаивал на том, что она должна содержаться в местной тюрьме. На его протест не обратили внимания, хотя его поддержал *таотай*, или местный губернатор, и в поселение ворвалась толпа иногородних, обратила в бегство иностранную полицию, начала жечь и грабить. К счастью, отряду морских пехотинцев с пулеметами и огнестрельным оружием удалось погасить пламя и подавить восстание. Еще несколько часов промедления, и этот богатый город превратился бы в кучу пепла. Сорок человек из числа бунтовщиков были убиты и многие ранены. Несмотря на то, что поселение находится на земле, предоставленной Великобритании, оно называется международным и управляется муниципальным советом, избираемым иностранными плательщиками. Китайские жители, которых насчитывается полмиллиона, не имеют права голоса в совете, и это тоже вызывает недовольство. Однако они защищены от жестокости собственных чиновников, и утверждается, что они не принимали участия в беспорядках. На самом деле, если бы он не был быстро подавлен, они должны были бы испытать все ужасы грабежа и разбоя. После того как все закончилось, они потребовали признания в муниципальном правительстве, пообещав, что будут удовлетворены, если им позволят назначить постоянный комитет, с которым совет должен консультироваться перед принятием решения по любому вопросу, затрагивающему их интересы.

Как ни скромна была эта просьба, она была отклонена почти единогласным голосованием иностранных плательщиков. Они знали, что такой комитет, каким бы он ни был избран, наверняка будет манипулироваться губернатором для расширения своей юрисдикции. Их решение было спокойно принято китайскими жителями, которые ценят защиту, которой они пользуются в этой странной республике. Этот вопрос наверняка возникнет снова, и их

требование быть услышанными будет выдвигаться с большей настойчивостью по мере того, как они будут знакомиться с принципами представительного правления.

Существование *imperium in imperio*, которая встает между ними и их народом, конечно, неприятно мандаринам; и они стремятся урезать ее привилегии. Если бы его франшизы были сданы, на воротах образцового поселения можно было бы начертать "Ичабод".

Практика выделения специального квартала для каждой национальности - старая практика в Китае, принятая для удобства. Когда после первой войны англичане потребовали открытия портов, они потребовали предоставления концессии в каждом из них, в пределах которой их консулы должны были иметь главную, если не исключительную власть. Другие страны выдвинули те же требования; и Китай предоставил концессии не по необходимости, как англичане, а, видимо, по собственному желанию - иностранный консул был обязан поддерживать порядок в своем народе. Однако теперь приток туземцев в иностранные поселения и огромный рост богатства и населения этих смешанных общин заставили китайское правительство смотреть на готовность своих предшественников как на ошибку. Соответственно, открывая новые порты во внутренних районах страны, оно выделяет иностранный квартал, но не делает никаких "уступок". Оно не отказывается, как раньше, от осуществления юрисдикции в этих пределах.

Вышеизложенный вопрос касается исключительно управления китайцами, проживающими в иностранных "концессиях". Но сейчас на политическом небосклоне вырисовывается более масштабный вопрос: как вернуть право контроля над иностранцами, где бы они ни находились на территории империи. Если бы это было в их силах, китайцы отменили бы не только франшизы иностранных поселений, но и договорное право на освобождение от контроля со стороны местного правительства. Это право представляет жизненно важный интерес для иностранцев, чья жизнь и имущество не будут в безопасности, если они будут зависеть от местных трибуналов, как они устроены в настоящее время.

Такое исключение принято в Турции и других мусульманских странах, не говоря уже о неграх Африки. Оно было признано договором в Японии; и японцы, в той мере, в какой они продвигались по пути реформ, чувствовали себя удрученными исключением, которое закрепило за ними клеймо варварства. Когда они доказали свое право на место в сообществе наций, где действуют хорошие законы, иностранные державы с радостью согласились позволить им пользоваться всеми прерогативами суверенитета.

Как соотносится ее испытательный срок с периодом ее соседей? Япония приняла решение о национальном обновлении по западному образцу в 1868 году. Китай не пришел к такому решению до краха своей попытки истребить иностранцев в 1900 году. В Китае эпоха реформ начинается с возвращения двора в 1902 году, тогда как в Японии - за четыре года до тридцати! А какой контраст во враждебности двух стран! В одной царит закон и порядок, в другой - насилие толпы, не сдерживаемое, а то и подстрекаемое властями!

Когда северный ветер пытался заставить путника снять плащ, тот заворачивался в него еще плотнее и прижимал к себе. Когда солнце выходило с теплыми лучами, путник снимал его по собственной воле.

Империя восхода являет собой пример последнего метода; Китай предпочитает первый. Не стоит ли опасаться, что кажущийся успех бойкота побудит ее упорно придерживаться политики путника, идущего против северного ветра. Ее следует уведомить, что она находится на испытательном сроке и что единственный способ восстановить свои суверенные права - это показать, что она достойна доверия. Боксерская вспышка отложила на много лет снятие

мантии экс-территориальности, и каждое новое проявление насилия толпы откладывает это событие на более отдаленную дату.

Путать "чужака" с "врагом" - ошибка бедуина или афганца. Разве Китай не поступает так же, когда принимает враждебность к иностранцам за патриотизм? Этим промахом он рискует оттолкнуть от себя своих лучших друзей - Англию и Америку. Фермер, пытающийся привязать веревкой шаткую бочку, в которой сидела курица с гнездом, полным яиц, - глупая птица приняла его за врага и бросилась ему в лицо. Не грозит ли Китаю та же участь, которую пытались предотвратить его друзья?

В апреле магистрат по приглашению отправился во Французскую католическую миссию, чтобы разрешить давний спор, и разрешил его, совершив самоубийство - в Китае это самая страшная форма мести. Задохаясь и теряя дар речи, он заявил, что стал жертвой убийственного нападения старшего священника. Его раны были сфотографированы, а фотографии распространены с целью возбудить толпу. Дворяне и население провели собрания, чтобы довести свое мужество до нужного уровня, губернатор и мандарины держались в тени, и на пятый день здания миссии были разрушены, а священники убиты. На английского миссионера, его жену и дочь, живших неподалеку, напали и убили, но не потому, что они не принадлежали к другой нации и другому вероисповеданию, а потому, что разъяренной толпе нет дела до различий.

Английские и французские чиновники прибыли на место происшествия на канонерских лодках, чтобы рассмотреть дело и договориться об урегулировании. Дело английской семьи было улажено без труда, а вот дело французской миссии оказалось более сложным. Среди французских требований было два пункта, которые китайское правительство сочло неудобными. Оно приняло версию об убийстве и поспешило воздать посмертные почести умершему судье. Французы потребовали отказаться от этих почестей и публично признаться в самоубийстве. Выплатить денежную компенсацию и отстранить губернатора от должности было несложно, но как суд мог согласиться на унижение - плясать под дудку французского волынщика? Английский хирург заявил в запечатанном отчете о вскрытии, что раны, должно быть, нанесены им самим, поскольку их расположение не позволяло им быть нанесенными нападавшим. Но

[Примечание корректора PG: здесь пропущены две строки текста].

В 1870 году Франция согласилась на денежную выплату за зверскую резню в Тяньсине, потому что Вторая империя вступала в борьбу с Германией не на жизнь, а на смерть. Если на этот раз она облегчит жизнь Китаю, то не потому ли, что Республика ведет смертельную борьбу с Римской церковью?

Постоянные трения и частые столкновения Китая с Францией обусловлены, главным образом, двумя причинами: (1) французским протекторатом над римскими миссиями и (2) угрожающим поведением Франции в Индо-Китае. Именно для того, чтобы отомстить за судебное убийство миссионера, Луи Наполеон послал войска в Китай в 1857-60 годах. С этого момента Церковь, долгое время подвергавшаяся гонениям, перешла на императивный тон. Возвращение конфискованного имущества стало источником бесконечных проблем, а уверенность в том, что церковь и государство поддержат его, подбадривала новообращенных туземцев не только настаивать на своих правах, но и вмешиваться в споры, к которым они не имели никакого отношения - практика, которая более чем что-либо другое имела тенденцию приводить Святую веру в неприглядное состояние среди китайского народа.

Однако, с другой стороны, есть более плодотворные источники трудностей в невежестве народа и в несправедливом отношении к новообращенным со стороны китайского правительства. Если правительство, не имея понятия о свободе вероисповедания, распространяет на христиан всех вероисповеданий принудительную веротерпимость и рассматривает их как предателей своей страны, то разве не естественно, что их соседи-язычники относятся к ним с неприязнью и подозрением?

В таком состоянии духа они, подобно язычникам Древнего Рима, обвиняют их в ужасных преступлениях и используют малейший повод для убийственного нападения. Говорят, что шпиль церкви приносит несчастье жителям района - люди сжигают здание. Распускают слух, что у младенцев в больнице для подкидышей вынимают глаза, чтобы сделать из них фотопрепараты, - больницу сносят, а сестер милосердия убивают. Скелет, найденный в доме врача, выставляют на улицу как доказательство дьявольских действий - и тут же разъяренная толпа рушит здание и убивает всех иностранцев в пределах досягаемости. Один из таких случаев произошел во время резни в Тяньсине в 1869 году, другой - в 1905 году в Лиенчоу. Это также не единичные случаи. Две американки, работавшие в больнице в Кантоне, были атакованы толпой, которая обвинила их в убийстве человека, чью жизнь они пытались спасти, и они едва избежали убийства. Но зачем продолжать этот жуткий список? При виде их безумной ярости, столь роковой для их благодетелей, так и тянет воскликнуть: *Unglaube du bist nicht so viel ein ungeheuer als aberglaube du!* "Из двух чудовищ - неверия и суеверия - большее опасение вызывает последнее!"

В Китае, если человек падает на улице, священник и левит заботятся о своей безопасности, держась на расстоянии, а если добрый самаритянин опускается, чтобы поднять его, то на свой страх и риск. При лечении больных медику требуется столько же мужества и такта, как если бы он имел дело с сумасшедшими! Эти мрачные тени, столь вредные для доброго имени Китая, несомненно, будут рассеяны многочисленными агентствами, которые сейчас используются для распространения информации. А как обстоят дела с религиозными миссиями?

Медицинские миссии признаны мощным средством преодоления предрассудков. Они достигают сердца людей, служа их телесным недугам; среди их сторонников - высокопоставленные чиновники, а вдовствующая императрица в последнее время проявила склонность оказывать им свое покровительство. А как насчет миссионеров-проповедников и миссионеров-учителей? Враждебно ли относятся китайцы к этим направлениям миссионерской работы?

В отличие от магометан или брахманов, китайцы не сильно привязаны к какой-либо форме религиозной веры. Они не возмущаются предложением нового вероучения, особенно если оно сродни вероучению их древних мудрецов. Они возражают не против вероучения, а против иностранца, который его приносит. В их газетах уже начинает муссироваться вопрос о принятии христианской веры и распространении ее собственным путем, без помощи иностранцев. В том, что они были бы рады, если бы купец и миссионер оставили их в покое, никто не сомневается. Тем не менее влияние миссий неуклонно растет, и их благотворное влияние признается ведущими умами империи.

Сказал Верховный комиссар Туан Фанг в своем обращении к Советам миссий в Нью-Йорке 2 февраля 1906 года:

"Сегодня вечером мы с удовольствием свидетельствуем о той роли, которую играют американские миссионеры в содействии прогрессу китайского народа. Они несут свет западной цивилизации в каждый уголок империи. Они оказали неоценимую услугу Китаю,

выполняя кропотливую работу по переводу на китайский язык религиозных и научных трудов Запада. Они помогают нам приносить счастье и утешение бедным и страждущим, создавая больницы и школы. Пробуждение Китая, которое, как кажется, уже близко, в немалой степени можно отнести на счет миссионеров. За это служение Китай не будет вам неблагодарен".

На миссионерских станциях, число которых сегодня исчисляется сотнями, как правило, есть средние школы или колледжи. В них не только преподается современная наука, но и добросовестно ведется преподавание, что служит наглядным примером для тех чиновников, которым поручено контролировать государственные школы. Вот лишь некоторые из них:

Здесь, в Пекине, находится университет Американской методистской епископальной церкви, который вполне заслуживает своего названия. В Тунчоу, пригороде столицы, находится благородный колледж Американского совета (конгрегационалистов), который во всех отношениях является достойным конкурентом. Они сотрудничают друг с другом и с медицинским колледжем Союза, который под руководством Лондонской миссии завоевал расположение вдовствующей императрицы.

Американская пресвитерианская миссия имеет среднюю школу и теологическую семинарию и в определенной степени сотрудничает с тремя вышеупомянутыми обществами. Подобный четырехсторонний союз говорит о том, в каком духе ведется работа по христианскому образованию. Атлантика перекинута, две нации объединились; конфессиональные различия забыты в связи с могущественным предприятием по обращению империи. В экономии своих преподавательских сил они уже убедились в истинности максимы "Союз - это сила".

В Шантунге, в Вэйхиене, есть прекрасный колледж, который английские баптисты объединили с американскими пресвитерианами. Первоначальным предприятием последних был колледж в Тенгчоу, который под руководством доктора Мейтера стал убедительным доказательством того, что глубокое и широкое образование может быть получено на китайском языке. В большинстве этих школ английский язык теперь занимает видное место, но не как единственное средство обучения, а как ключ к мировой литературе и подготовка к общению с иностранными народами.

В Шанхае, который занимает лидирующие позиции как в образовании, так и в торговле, есть замечательное учебное заведение под названием Колледж Святого Иоанна, в котором английский язык является основой обучения. В других многочисленных учебных заведениях он является ведущей отраслью обучения, отвечающей потребностям центра внешней торговли.

Одно из самых известных учреждений Шанхая - римско-католический колледж в Сиккавее, сохранивший традиции Маттео Риччи и его знаменитого новообращенного Павла Сю. При нем находятся астрономическая обсерватория и бюро погоды, которые высоко ценятся иностранцами в Китае и должны быть более известны во всей империи.

Проезжая по побережью, на котором колледжей больше, чем маяков, вы попадаете в Кантон, где рядом с "Великим городом" возвышается красивый и заметный Кантонский христианский колледж.

Они упомянуты в качестве примера, чтобы показать, что миссионеры делают для образования в Китае. Это узкий взгляд на образование, который сводит его к преподаванию в школах. Миссионеры возглавили работу по созданию китайской журналистики и

подготовке учебников по всем отраслям науки. Общество распространения полезных знаний распространяет семена светской и религиозной истины.

Благодарность за то добро, которое они уже сделали, а также за те блага, которые еще предстоит получить, должна побудить китайское правительство щедро признать все эти учреждения. На открытии Медицинского колледжа Союза мистер Рокхилл, американский министр, в своей замечательной речи предложил признать их дипломы правительством; и поскольку представитель вдовствующей императрицы находился в кресле по этому случаю, есть основания надеяться, что его предложение не будет оставлено без внимания.

ГЛАВА XXXII

МАНЬЧЖУРЫ, НОРМАННЫ КИТАЯ

Династия Та-Цзин - Вдовствующая императрица - Ее происхождение - Первое регентство - Ее личность - Другие типы - Два маньчжурских принца - Два маньчжурских министра - Выбор нации - Выводы

При широком изучении мировой истории мы обнаруживаем закон, который, по-видимому, управляет движением наций. Те, что живут на севере, стремятся захватить юг. Первые - это кочевники, охотники или рыболовы, которых делает смелыми постоянная борьба с недугами окружающей среды. Вторые заняты оседлыми отраслями цивилизованной жизни.

Готы и вандалы Рима, татары при Чингизе и Тамерлане - все они подчиняются этому закону и, похоже, движимы общим импульсом. На востоке и западе Восточного полушария можно отметить два примера этого общего движения, которые позволяют провести любопытную параллель: Я имею в виду норманнов в Великобритании и маньчжуров в Китае. Обе империи находятся под властью династий, зародившихся на севере; ведь королевский дом Британии, хотя и под другим титулом, всегда гордился своей норманнской кровью.

Норманны, завоевавшие Британию, сначала обосновались во Франции и там овладели искусством цивилизованной жизни. Маньчжуры, пришедшие с берегов Амура, поселились в Ляо-туне, регионе, расположенном примерно так же по отношению к Китаю. Там они узнали кое-что о китайской цивилизации и ждали удобного случая, чтобы завладеть империей. В Британии на троне находилась родственная ветвь норманнской семьи, и Вильгельм Завоеватель сумел придать своему вторжению окраску правоты, претендуя на трон якобы по завещанию Эдуарда Исповедника. Маньчжуры, хотя и не ссылались на такую искусственную санкцию, стремились к господству в Китае, потому что их предки из Золотой Орды правили северной половиной империи. Норманнское завоевание, выросшее из семейной ссоры, было решено одной битвой. Завоевание маньчжурами страны, более чем в десять раз превышающей по площади Британию, было не таким простым. Однако они добились этого с беспрецедентной быстротой, потому что пришли по приглашению и принесли мир народу, измученному долгими войнами. Их задача была сравнительно легкой на севере, где еще сохранялись традиции кин-татар; но на юге она была длительной и кровавой.

Оба дома относились к своим новым подданным как к завоеванному народу. Каждый из них возложил на себя бремя иностранных гарнизонов и новой знати. Каждый ввел чужой язык, который пытались закрепить как речь двора, если не народа. В каждом случае язык народа утверждал себя. В Британии он поглотил и ассимилировал чужой язык; в Китае, где отсутствие общих элементов делало слияние невозможным, он вытеснил язык завоевателей не только для целей письменности, но и как разговорный диалект двора.

Оба завоевателя сочли необходимым примирить подвластную расу путем либеральных и своевременных уступок; но здесь начинается контраст. В Британии никогда не навязывался внешний знак подчинения; со временем все особые привилегии правящей касты были отменены, и никаких следов расовой антипатии нигде не проявляется - если не считать Ирландии. В Китае кий остается знаком подчинения. Привычка примирила людей с его использованием, но он все еще предлагает заманчивую хватку революционным агитаторам. Каждая партия, которая поднимает штандарт восстания, отменяет кий; не будет ли разумным для маньчжурского правительства сделать ношение этого аксессуара вопросом выбора, тем более что он начинает исчезать из формы их солдат?

Распространение реформы в одежде от лагеря к двору и от двора к народу (по желанию) устранило бы опасность. Это также устранило бы препятствие на пути принятия Китая в конгресс наций. Отмена кия подразумевает отказ от длинных одеяний, которые производят впечатление варварской пышности. Уже сейчас китайцам негласно разрешено принимать иностранную одежду, и в каждом случае им приходится обходиться без кия. Японцы никогда не поступали мудрее, чем перенять наш западный костюм. Их пример подталкивает к подобной реформе в Китае. Новый костюм означает новую эру.

Для завершения параллели требуется еще один момент: каждый победитель давал завоеванной стране лучшее правительство, чем любое другое в ее предыдущей истории. Для Конфуция феодализм был идеалом, и он прекрасно сравнивает государя с Полярной звездой, которая восседает на полюсе неба, а все созвездия вращаются вокруг нее и воздают ей почести. И все же централизованное правительство Первого Хван-ти было огромным улучшением по сравнению с рыхлой агломерацией Чоу. Все великие династии приняли принцип централизации; но ни одна из них не применяла его с таким успехом, и ни одна не демонстрирует такой большой процент уважаемых правителей, как дом Та-цзин. О первых шести было рассказано в части II. Что касается двух следующих, то еще слишком рано выносить вердикт истории. Один умер после короткого правления в два года и три месяца, слишком короткого, чтобы проявить характер. Другой сейчас сидит у подножия трона, а его приемная мать размахивает скипетром. Оба были заслонены вдовствующей императрицей и управлялись ее властным духом.

В Китае были женщины-правительницы, вошедшие в историю, такие как Лу из династии Хань и Ву из династии Тханг, но в Китае нет закона, предусматривающего наследование власти женщиной при любых условиях. Правление женщины ненормально, а правительница - чудовище. Ее характер всегда очернен так, что его трудно очертить. И все же в каждом случае эти женщины обладали редким талантом, ведь без необычных дарований было бы невозможно захватить скипетр перед лицом таких предрассудков и управлять им над покорным народом. Обычно их описывают примерно так же, как иудейские летописцы описывают характер Иезавели или Аталии. Жестокие, развратные и непримиримые, они "уничтожают семя царское", убивают пророков и заставляют слух народа трепетать от рассказов о бесстыдной безнравственности.

Среди них не стоит искать параллель со знаменитой вдовствующей императрицей, так хорошо известной читателям журнальной литературы. По трагическим перипетиям, если не по продолжительности правления, она не имела себе равных в мировой истории. Она также была одинока в том, что ее судьба переплелась с клубком иноземных вторжений. Дважды она бежала от ворот павшей столицы, и дважды иноземный завоеватель позволял ей вернуться. Без иностранца и его самоограничения в Китае не было бы вдовствующей императрицы. Ненавидела ли она иноземца за то, что тот прогнал ее, или благодарила его за неоднократное восстановление?

Дочь герцога Чоу (история с рабыней - миф), она стала второстепенной женой Хиенфунга в 1853 или 1854 году; а ее сестра несколько позже стала супругой младшего брата императора. Имея счастье подарить своему повелителю сына, она была возведена в ранг императрицы и стала оказывать не малое влияние на мать наследника. Если бы она не была защищена своим новым рангом, ее бездетная соперница могла бы изгнать ее со двора и присвоить мальчика. Вместо этого ей пришлось признать совместное материнство, которое через несколько лет привело к совместному регентству.

Едва молодая императрица успела привыкнуть к своему новому достоинству, как падение Таку и Тяньцина в 1860 году предупредило императора о том, что его может ожидать. Взяв с собой двух императорских дам и их младенца-сына, он удалился в Джехо, на границе Тартарии, чтобы успеть избежать плена. Там он узнал о сожжении своего летнего дворца и сдаче столицы. Скончался ли он от болезни или гордый характер не позволил ему пережить позор, неизвестно. Известно лишь, что после его смерти в 1861 году два принца, Сушун и Туанхва, организовали регентство и вернули двор в столицу примерно через год после подписания мирного договора принцем Кунгом в качестве представителя императора. Принца Кунга не включили в регентский совет, и он знал, что ему уготована гибель. Решив действовать на опережение, он нашел возможность посоветоваться с императрицами, которые надеялись, что он спасет их от тирании Совета Восьми. 2 декабря удар был нанесен: все члены совета были схвачены, главарь предан смерти на рыночной площади, некоторые покончили с собой, другие были приговорены к изгнанию. Было сформировано новое регентство, состоящее из двух императриц и принца Куна, последний носил титул "совместного регента".

Какую роль в этом первом *государственном перевороте* сыграла императрица-мать, остается только догадываться. Проникновенная и честолюбивая, она не довольствовалась тем, что была орудием в руках Восьмерки. Старшая императрица уступила первенство превосходящему разуму, что и продолжала делать в течение двадцати лет.

Было еще одно действующее лицо, которое было бы неправильно упускать из виду, а именно Квейлианг, добрый секретарь, подписавший договоры в Тяньсине. Его дочь была главной женой принца Кунга, и хотя он был слишком стар, чтобы принимать участие в революциях при дворе, именно он побудил молодого и неопытного принца Кунга бороться за свою жизнь.

Правящий титул младенца-императора был изменен с *Кисианг*, "удача", на *Тунг-чи*, "совместное правление"; и империя согласилась с новым режимом.

Однако был один человек, которого такое положение вещей не вполне устраивало. Это была беспокойная, амбициозная молодая вдовствующая. Империя была спокойна, и в течение нескольких лет все шло своим чередом, а принц Кунг все больше набирал силу и достоинство. Его растущее влияние не давало ей покоя, и однажды утром указом обеих вдов лишили его власти и заточили узником в своем дворце. Его предполагаемый проступок заключался в отсутствии уважения к их величествам; он бросился к их ногам и попросил прощения.

Дамы не были непримиримы; он был восстановлен в правах и облечен всеми своими прежними достоинствами, кроме одного. Титул *Ичэн-вана*, "совместного регента", больше никогда не появлялся.

В 1881 году смерть старшей вдовствующей королевы оставила вторую вдовствующую королеву наедине с ее славой. Они так гармонично сотрудничали во время своего совместного регентства, и первая была так покорна воле второй, что не было никаких оснований для подозрений в нечестной игре, но такие подозрения всегда на крыльях, как летучие мыши в сумерках восточного двора.

После смерти Тун-чи ловкий выбор племянника трех лет, который должен был стать ее приемным сыном, дал вдовствующей императрице перспективу еще одного длительного регентства. Призванная к власти реакционерами, в 1898 году, после непродолжительной отставки, вдовствующая императрица свергла свою марионетку в результате второго *государственного переворота*.

Во время последовавшего за этим разрушительного отката она испытывала сомнительное удовлетворение, чувствуя себя единственной аристократкой Китайской империи. Разве это не удовлетворение гладиатора, который в горящем амфитеатре уселся на трон Сезара? Разве не почувствовала она, что тоже является порождением обстоятельств, когда ее непродуманная политика заставила ее во второй раз искать спасения в бегстве? Беспомощная беглянка, как она могла предположить, что судьба припасла для нее более светлые дни, чем те, которые она когда-либо переживала?

Приняв ситуацию и вернувшись вместе с императором, империя и мир приняли ее, и, наученная опытом, она занялась благодатным делом обновления китайского народа. Преклонный возраст, осознание власти, готовность подчиниться более свободным обычаям европейских дворов - все это заставило ее отбросить вуаль и открыто предстать на императорской сцене в качестве главного действующего лица.

Шесть лет назад ее семидесятилетие было отпраздновано с большой помпой, хотя она запретила своим людям быть слишком щедрыми в своей преданности. В Вучане Туань Фан, исполнявший обязанности вице-короля, устроил банкет, на котором попросил меня произнести речь в честь вдовствующей. Задача была деликатной для человека, перенесшего тяготы осады в 1900 году; но я согласился и оправдал вдовствующую, руководствуясь принципом британского права: "Король не может сделать ничего плохого". Переложив вину на ее министров, я произнес хвалебную речь о ее талантах и государственных заслугах.

Возникает вопрос, знали ли мы ее в лицо и по характеру? Разве мы не видели ее на великолепном портрете, выполненном мисс Карл и выставленном в Сент-Луисе? Если мы подозреваем художницу в лести, то разве у нас нет галереи фотографий, на которых она предстает во многих величественных позах? Возможна ли лесть солнечному лучу? Мы, конечно, видим ее так же правдиво, как видим себя в зеркале!

Что касается характера, то еще слишком рано высказывать свое мнение. *Varium et mutabile semper femina*.

К карандашу и солнечному лучу добавляются словесные изображения, сделанные мужчинами и женщинами, от критических взглядов которых она не скрывалась; и мы можем с уверенностью утверждать, что знали ее внешность так же хорошо, как и внешность любой дамы, занимающей или разделяющей европейский трон. Будучи чуть ниже среднего роста европейских дам, она обладала столь совершенными пропорциями и столь изящной походкой, что, казалось, ей не нужно было ничего, что добавляло бы ей величественности. Черты ее лица были скорее живыми и приятными, чем красивыми; цвет лица - не желтый, а суболовый, а на лице сияли струистые глаза, наполовину скрытые темными ресницами, за

которыми таились то улыбки благосклонности, то молнии гнева. Никто не принял бы ее за сорокалетнюю. Она носила с собой планшеты, на которых даже во время разговора делала заметки. Карандаш был опорой ее скипетра. С его помощью она рассылала свои приказы с автографами; им же она начертала те изобразительные символы, которые носили как самое гордое украшение ее министры. Я видел их в позолоченных рамах в зале вице-короля.

Изыщество ее культуры вызывало искреннее восхищение в стране, где женщины неграмотны; а широта ее понимания была такова, что позволяла охватить все детали управления. Она выбирала своих агентов с редкой рассудительностью и переставляла их со столба на столб, чтобы они не забывали о своей зависимости от ее воли. Не имея аналогов в своей стране, она иногда сравнивалась с Екатериной II. У нее было преимущество в благопристойности ее личной жизни; хотя, как говорят, у нее были фавориты, они никогда не осмеливались хвастаться ее благосклонностью, и любопытная публика никогда не могла их опознать.

Ее полное имя, включая почетные эпитеты, добавленные Академией, было Цзе Хи Туаньинь Каньи Чаоюй Чуаньчэн Шоукунг Чиньен Чунхи. За несколько часов до своей смерти, которая наступила на следующий день после смерти императора, она назвала его племянника преемником, и нынешний правитель, Хсуан-Тунг, родившийся в 1903 году, начал править 14 ноября 1908 года.

Let the Dowager be taken as a type of the Manchu woman. Покойный император, хотя и был красив и умен, но слишком мал для представителя сильной расы. Туань Фан, верховный комиссар, является более подходящим образцом. Маньчжуры в целом выше китайцев, и как по физическим, так и по интеллектуальным качествам они доказывают, что их ветвь семьи далеко не эфетична.

Принц Кун, который в течение пятнадцати лет возглавлял императорский кабинет, был высок, красив и урбанистичен. Несмотря на недостатки образования, полученного при узком дворе, он проявлял широту и способности высокого порядка. Принц Чинг, сменивший его в 1875 году, хотя и менее привлекателен внешне, не лишен той проницательности, которая выдается за государственную мудрость. Что может быть лучше, чем то, что он в течение тридцати лет удерживался на вершине катящегося бревна? Чтобы сохранить свое положение после свержения императора и потрясений Боксерской войны, ему потребовались недюжинная ловкость и умение приспосабливаться. Лично я много видел обоих принцев. Они более умные люди, чем можно было бы ожидать от выходцев из восточного двора.

Вэньсян, который с момента открытия Пекина и до своей смерти в 1875 году играл ведущую роль в ведении иностранных дел, проявил огромные способности в управлении государством через скалы и проломы. Его умственная сила производила сильное впечатление на всех иностранцев, а среди соотечественников обеспечивала ему легкое восхождение. В такой стране, как Китай, на таких людей непременно возлагают слишком много официальных обязанностей. Физически он был не очень силен; однажды, войдя в комнату, хрипя от астмы, он сказал мне: "Вы видите, я как маленький ослик, с тугим ошейником и тяжелым грузом". Успех правления принца Куна был во многом заслугой Вэньсяна. Паочуинь, министр финансов и член Внутреннего совета, отличался литературным гением. Принц Кун любил по торжественным случаям вызывать его и Тунсуяна на состязание в стихосложении. Участие в конкурсе такого выдающегося ученого и поэта, как Тунг, показывало, что маньчжуры стали соперничать с китайцами в утонченности литературной культуры. Я запомнил его как степенного седобородого человека, добродушного и веселого.

По случаю падения кунского министерства он сложил с себя почести в трех строфах, в которых больше правды, чем поэзии:

"Сквозь жизнь, как в приятном сне,
Не сознавая своих лет,
В улыбке Фортуны греюсь я;
Вечная, весенняя явь.

"Увы! Левиафан, чтобы взять
Не под силу рыбаку;
От мечты о славе я пробуждаюсь.
Юность и сила моя уходят.

"Что потеря часто маскируется под выгоду.
Пусть мы утешимся потерей.
Мои товарищи по несчастью, прислушайтесь к совету
И сохраняйте здравый смысл".

Не раз во время кризисов сердце нации прикипало к дому маньчжуров как к воплощению закона и порядка. Народ предпочел придерживаться довольно хорошего правительства, а не рисковать тем, что в результате разборок фракций появится лучшее.

Для подтверждения их лояльности необходимы три вещи: (1) отмена пострига и косички, (2) отказ от всех привилегий на экзаменах и при распределении должностей, (3) устранение всех препятствий на пути к межнациональным бракам.

Недавно это было разрешено провозглашением. Тем, кто владеет хлебом и рыбой, не так-то просто допустить других к равной доле. Если бы к этому добавилась отмена унижительного знака, маньчжурская династия могла бы надеяться на вечность, потому что маньчжуры перестали бы существовать как народ.

ВЫВОДЫ

1. Не раз я требовал изгнания маньчжуров и раздела Китая. То, что они заслужили это, никто из тех, кто знает историю 1900 года, не рискнет отрицать. Недаром на медали, посвященной осаде Пекина, были выгравированы *Мен Текель* и *Ичабод*. Если я и отказываюсь от своих слов, то только в связи с обнадеживающими переменами, произошедшими в духе маньчжурского правительства. Под руководством вдовствующей императрицы и императора у народа было больше шансов на мирный прогресс, чем при новой династии или при польской политике разделения.

2. Перспектива получить все привилегии члена братства наций послужит стимулом к совершенствованию. Но подчинение иностранцев китайской юрисдикции не должно допускаться без испытательного срока, столь же длительного и тщательного, как тот, через который пришлось пройти Японии. Учитывая вероломство и варварство, так ярко проявившиеся в 1900 году - охота за головами и указы об уничтожении иностранцев, - испытательный срок в тридцать лет не будет слишком долгим. За это время реформы в области права и правосудия должны быть полностью проверены, а центральное правительство должно нести ответственность за подавление любой тенденции к антииностранным беспорядкам.

Правительство, которое поощряет боксеров и других бунтовщиков как патриотов, не заслуживает равного места в конгрессе наций. Альтернативой является "политика

канонерской лодки", согласно которой иностранные державы будут осуществлять наказание на местах. Если мать дома не хочет наказывать своих непокорных детей, она должна позволить соседям сделать это.

3. До проведения правовой реформы и в ее основе следует настаивать на принятии конституции. В такой конституции главной статьей должна быть не толерантность, а свобода совести. Пока Китай будет смотреть на местных христиан как на людей, отрекшихся от своей национальности, до тех пор они будут объектами преследований; самозащита и репрессии будут держать население в состоянии брожения, и мир будет невозможен. Если Китай искренен в своих реформах, он последует примеру Японии и сделает свой народ равным перед законом без различия вероисповедания.

4. В новом образовании задействованы все виды реформ, к которым Китай безоговорочно привержен. С помощью железной дороги, телеграфа и газет школьный учитель развеет застой в отдаленных районах, давая всему народу горизонт шире, чем его деревня, и мысли выше, чем его очаг. Воодушевленный здоровой наукой и истинной религией, китайский народ не пройдет и нескольких поколений, прежде чем займет свое место среди ведущих наций Земли.

ПРИЛОЖЕНИЕ

I.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МИССИОНЕРОВ ПО РАСПРОСТРАНЕНИЮ СВЕТСКИХ ЗНАНИЙ В КИТАЕ[*]

[Сноска *: Эта статья была первоначально написана для известной работы д-ра Денниса "Светская польза христианских миссий". В нынешнем виде она не является простой перепечаткой: она была значительно расширена и приведена в соответствие с требованиями времени].

Хотя главным мотивом миссионеров, отправляющихся в Китай, как и в другие страны, является надежда привести народ к Христу, побочные результаты их работы по распространению светских знаний приносят неоценимую пользу всему миру в целом и китайскому народу в частности. Это признает и недавняя Высшая комиссия[**].

[Сноска **: См. [стр. 263.](#)]

Именно в роли апостолов науки римско-католические миссионеры три века назад обосновались в Пекине и смогли распространить свою веру по всей провинции. Вооружившись телескопом и секстантом, они провели реформу китайского календаря и обеспечили своей религии уважение и приверженность самых высоких умов империи. Они так прочно укоренились, что церкви, основанные ими, смогли пережить полтора века гонений. Их достижения, подробно описанные аббатом Гуком и другими, заполняют одни из самых ярких страниц в истории миссий. Я не буду подробно останавливаться на них в этом месте, поскольку моя задача - привлечь внимание к работе протестантских миссий.

СТОЛЕТИЕ ПРОТЕСТАНТСКИХ МИССИЙ.

Не будет лишним заявить, что на протяжении столетия они были активными посредниками, особенно между англоязычными странами и Дальним Востоком. С одной стороны, они предоставляли такую информацию о Китае, которая была необходима для торговых и национальных связей, а с другой - привносили в китайское сознание растущую науку западного мира. Доктор Моррисон, возглавивший эту работу в 1807 году, не только дал

китайцам первый перевод нашего Священного Писания; он первым составил китайский словарь на английском языке.

ПИОНЕР АМЕРИКАНСКИХ МИССИЙ

Только в 1838 году Америка послала своего миссионера-первопроходца в лице доктора Бриджмена. Помимо сотрудничества с другими людьми в пересмотре Библии Моррисона, или, правильнее сказать, в создании новой версии, Бриджмен завоевал бессмертие, создав и выпустив ежемесячный журнал *"Китайский репозиторий"*, который стал тезаурусом информации о Китайской империи.

ПРЕССА - МИССИОНЕР ФРАНКЛИН

Американский совет проявил свою просвещенную политику, открыв типографию в Кантоне, и, отправив С. Уэллса Уильямса заведовать ею в 1833 году. Джон Р. Моррисон, сын миссионера, уже предпринимал подобную попытку, но по разным причинам был вынужден отказаться от этого предприятия. С момента прибытия Уильямса и до сегодняшнего дня типография демонстрирует свою растущую силу - рычаг, который, будучи установленным на узкую точку опоры в пригороде одного порта, сумел сдвинуть с места весь восточный мир.

Искусство печати не было новым для китайцев. Они открыли его еще до того, как о нем начали мечтать в Европе; но, имея наследственную склонность к заикливанию, они продолжали гравировать свои иероглифы на деревянных брусках в виде стереотипных пластин. Они действительно провели несколько экспериментов с разборными шрифтами (в основном на дереве), но этот усовершенствованный метод так и не получил распространения среди людей. Христианские миссии должны были предоставить им бесценное благо - электрический пресс и металлические шрифты. То, что Уильямс начал в Кантоне, было усовершенствовано в Шанхае Гэмблом из Пресвитерианского совета, который увеличил количество шрифтов и внедрил процесс электротипирования.

Удивительно, как много удалось сделать доктору Уильямсу для того, чтобы Китай стал известен западному миру. Его книга "Срединное царство", впервые опубликованная в 1848 году, и по прошествии полувека остается самым авторитетным источником информации о Китайской империи. Начав, подобно Бенджамину Франклину, как печатник, он, подобно Франклину, сыграл блестящую роль в дипломатии нашей страны, помогая в переговорах о заключении нового договора и не раз занимая пост поверенного в делах.

РАСШИРЕНИЕ РАБОТЫ

Следующий период миссионерской деятельности связан с Нанкинским договором, положившим конец Опиумной войне в 1842 году. Открытие пяти крупных морских портов для иностранных резидентов было огромным расширением по сравнению с маленьким пригородом Кантона; а снятие запретительных интердиктов, впервые достигнутое французским министром Лагрене, способствовало усилиям миссионерских обществ во всех странах. В этой связи будет справедливо сказать, что в 1860 году, когда Пекинская экспедиция устранила оставшиеся барьеры, наши миссионеры снова были обязаны доступом во внутренние районы именно французам.

МЕДИЦИНСКАЯ РАБОТА

С самого раннего рассвета нашей миссии можно утверждать, что не успевала часовня открыть свои двери, как рядом с ней открывалась больница для облегчения телесных недугов, с которыми грубое шарлатанство китайцев было не в состоянии справиться. И по

сей день ни в одной части Китая нет миссионерской станции, которая бы не демонстрировала таким образом практическую благотворительность доброго самаритянина. Этот славный крестовый поход против болезней и смерти начался, насколько можно судить по протестантам, с офтальмологической больницы, открытой доктором Питером Паркером в Кантоне в 1834 году.

ПРЕПОДАВАНИЕ МЕДИЦИНЫ

В тот же день началось обучение местных врачей; и тех, кто отправился благословлять свой народ своим вновь приобретенным медицинским мастерством, сегодня можно исчислять сотнями. В отличие от оккультных методов местных врачей, ни они, ни их иностранные учителя не прячут свой свет под бушлатом. В качестве примера можно привести Медицинский колледж Союза, благородное учреждение, недавно открытое в Пекине под санкцией и покровительством императорского правительства. Официальная депеша Совета по образованию (в июле 1906 года) предоставляет право присваивать ученые степени и гарантирует их признание государством. В течение многих лет эта великая школа, вероятно, будет ведущим источником новых преподавателей.

СЕМЕНА НОВОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Не менее важным, хотя и не столь ранним, было создание христианских школ. Заслуга школ для девочек в том, что они первыми пролили свет на затененное полушарие китайского общества. Школы для мальчиков предназначались для всех слоев населения, но их главной целью было воспитание местного служения, не только для сотрудничества с иностранными миссиями, но и для того, чтобы в конечном итоге занять место иностранного миссионера.

САМЫЙ РАННИЙ КОЛЛЕДЖ СОЮЗА

Одним из самых ранних и успешных маяков стал колледж Тенгчоу, основанный доктором К. В. Мейтером. Именно там молодых китайцев наиболее тщательно обучали математике, физике и химии. Успех этого учебного заведения был настолько заметен, что когда правительство открыло университет в Пекине, а недавно в Шантунге, то в каждом случае они обращались к Тенгчоу, чтобы найти местных преподавателей естественных наук. Из этой школы они получили учебники, и оттуда же был назначен (доктор Хейс) президент первого провинциального университета, организованного в Китае.

МЕТОДИСТСКИЙ ЕПИСКОПАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ В ПЕКИНЕ

Миссии Методистской епископальной церкви в последнее время взяли за дело образования и продвигают его с большой энергией. Не говоря уже о средних школах для обоих полов на Фукиене, у них есть процветающий колледж в Шанхае и университет в имперской столице под председательством Г. Х. Лоури. Разрушенное боксерами в 1900 году, это учебное заведение теперь восстало из пепла, как птица, со всеми перспективами на более блестящее будущее, чем те, которые когда-либо осмеливались предвидеть его самые оптимистичные друзья.

КОЛЛЕДЖ АМЕРИКАНСКОГО СОВЕТА В ТУНЧОУ

Прекрасный колледж Американского совета в Тунгчоу, недалеко от столицы, постигла та же участь, но он возродился с таким же размахом. Доктор Шеффилд, его президент, внес ценный вклад в список учебных пособий.

Эти великие учебные заведения вместе с медицинским колледжем Лондонской миссии, о котором говорилось выше, и средней школой пресвитерианцев Соединенных Штатов создали систему сотрудничества, которая значительно повышает эффективность каждого из них. Главным краеугольным камнем этого образовательного союза является Медицинский колледж.

Аналогичный союз английского баптизма и американских пресвитериан проводит большую работу в Вейхиене, в Шантунге. Я говорю о них из-за этой наиболее примечательной особенности - международного и межконфессионального союза. Не хватит места, чтобы перечислить десятую часть процветающих школ, которые помогают в образовательном движении; но колледж Святого Иоанна в Шанхае (Епископальный колледж США), хотя он уже упоминался, требует дальнейшего внимания, потому что, как мы теперь узнаем, китайское правительство присвоило ему статус университета.

ПОДГОТОВКА УЧЕБНИКОВ

Школы нуждаются в учебниках, и полное отсутствие чего-либо подобного, за исключением отдела классического китайского языка, дало толчок к ранним и настойчивым попыткам восполнить этот недостаток. Одними из первых были выпущены учебники по географии и истории. За ними последовали пособия по математике и физике; ежегодно рассылались альманахи, содержащие научную информацию в форме, отвечающей вкусу китайских читателей, наряду с религиозными истинами. Такой ежегодник, изданный покойным доктором Маккарти, пользовался большим спросом. Полная серия учебников по математике была переведена мистером Уайли из Лондонской миссии, а учебники по другим предметам, включая геологию, были подготовлены мистерами Мюрхедом, Эдкинсом и Уильямсоном. В конце концов задачу по выпуску учебников взял на себя специальный комитет, а затем и Общество распространения полезных знаний, которым теперь руководит преподобный доктор Ричард.

Некоторые прогрессивные мандарины так остро ощущали потребность в учебниках, что при одном из правительственных arsenalов был создан корпус переводчиков, в котором работал доктор Джон Фрайер, получивший заслуженную известность. Эти переводчики, естественно, уделяли большое внимание книгам по военному искусству и политике западных стран, а односторонняя тенденция их публикаций подчеркивала спрос на такие книги, которые были подготовлены миссионерами.

Учебники по международному праву и политической экономии стали доступны для китайской литературы благодаря доктору У. А. П. Мартину, который, работая переводчиком в двух американских посольствах, был глубоко поражен невежеством китайских мандаринов в этих жизненно важных вопросах.

Отправляясь в 1863 году на жительство в Пекин, доктор Мартин взял с собой перевод Уитона, и китайский МИД приветствовал его как своевременное руководство в новой ситуации. Вслед за этим он перевел Вульси, Блунчли и Холла. Он также подарил им популярную работу по натурфилософии - не перевод - и более расширенную работу по математической физике. Первый труд не только вышел во многих изданиях в китайской прессе, но и часто переиздавался в Японии, и по сей день сохраняет свою популярность в обеих империях. В последнее время он добавил учебник по ментальной философии.

Книга того же автора "Доказательства христианства" получила широкое распространение как в Китае, так и в Японии. Хотя книга имеет ярко выраженную религиозную направленность, она обращается к читательскому вкусу к научным знаниям, стремясь

отвратить язычников от идолопоклонства путем демонстрации единства и красоты природы, а также пытаюсь показать разумность нашей открытой религии.

ТРИ ПРЕЗИДЕНТА ГОСУДАРСТВЕННЫХ КОЛЛЕДЖЕЙ

Небезынтересно, что китайцы искали президентов для своих высших школ среди протестантских миссионеров. Доктор Фергюсон из Методистской епископальной миссии был призван стать президентом Наньянского колледжа в Шанхае; доктор Хейс - главой нового университета в Шантунге; а доктор Мартин, прослужив двадцать пять лет главой Дипломатического колледжа в Пекине, в 1898 году стал президентом нового Императорского университета. Его назначение было произведено указом престола, опубликованным в "Правительственном вестнике"; ему было присвоено звание мандарина, близкое к высшему. По окончании работы в этом учебном заведении, после того как оно было разгромлено боксерами, он был отозван в Китай, чтобы возглавить университет для двух провинций - Хупэ и Хунань.

СОЗДАТЕЛИ КИТАЙСКОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ

В движении современного общества нет более заметной силы, чем журналистика. В этом деле наши миссионеры с самого начала играли ведущую роль, ведь именно они завезли ее в Китай. На каждой центральной станции в течение последних полувека они выпускали периодические издания на китайском языке. Больше всех в этом направлении потрудился доктор Ю. Дж. Аллен, представитель Южной методистской епископальной церкви. Он посвятил этому всю свою жизнь, а также перевел множество книг.

Раньше у китайцев была только одна газета в империи - "*Пекинская газета*", самый старый журнал в мире. Теперь, в подражание иностранцам, у них есть несколько десятков ежедневных газет, в которых они сообщают иностранные новости и которые печатают иностранным шрифтом. Высшие мандарины морщатся от их язвительной критики.

ОНИ ВОЗГЛАВИЛИ РЕВОЛЮЦИЮ В РАЗГОВОРНОМ ЯЗЫКЕ

Одним из триумфов христианства является придание письменной формы языку современной Европы. Оно делает то же самое для языческих народов во всех частях света. Китай также не является исключением. Культура, которой отличаются его ученые классы, полностью ограничивается классическим языком, который читают везде, но нигде не говорят, примерно как латынь на Западе в средние века, за исключением того, что латынь была действительно языком, который можно было использовать в речи, тогда как классический язык Китая обращен не к уху, а к глазу, являясь, как сказал доктор Медхерст, "окультизмом, а не языком".

Мандарин, или разговорный язык севера, действительно был переведен на письменность самими китайцами; аналогичное начало было положено и в некоторых южных диалектах. Во всех этих попытках использовались китайские идеограммы, но они так многочисленны и разрознены, что для овладения ими даже для чтения на простонародном диалекте требуется многолетний труд. Во всех частях Китая наши миссионеры перевели Писания на местные диалекты, чтобы их можно было понять при чтении вслух и чтобы каждый человек "мог услышать на своем языке чудесные дела Божьи". В некоторых местах они напечатали их на местном наречии, используя китайские иероглифы. Однако эти иероглифы являются неуклюжими инструментами для выражения звуков, и в некоторых провинциях наши миссионеры пытались писать по-китайски римскими буквами.

Эксперимент, несомненно, оказался успешным. Старушки и маленькие дети таким образом за несколько дней научились читать Священное Писание и другие книги. Эта революция должна идти вперед вместе с распространением христианства; не стоит ожидать, что через несколько веков иероглифы изучаемого языка будут вытеснены из обихода римским алфавитом или новым алфавитом, недавно изобретенным и распространяемым чиновниками в Пекине.

В заключение: Наши миссионеры познакомили наших купцов с Китаем; они же познакомили китайцев с иностранными народами. Они помогали нашим посланникам в их переговорах; и они предоставили китайцам бесценное благо - научные учебники. Наряду со школами для современного образования они открыли больницы для облегчения телесных страданий.

W. A. P. M.

ПЕКИНГ,

4 августа 1906 года.

II.

НЕУПОМЯНУТЫЕ РЕФОРМЫ[*]

[Сноска *: Написано автором для газеты *North-China Daily News*].

Возвращение Миссии расследования усилило наше любопытство относительно ее результатов в виде предложений и их реализации. Все доброжелатели Китая с радостью узнали, что создание парламента и замена конституционного правления автократическим займут первое место в становлении нового Китая. Отчеты Верховных комиссаров еще не представлены общественности, но известно, что они с пользой потратили время на изучение институтов Запада и проявили мудрую дискриминацию при выборе тех, которые они рекомендуют принять. Есть, однако, три реформы жизненной важности, которые почти не упоминались, и которые необходимы Китаю для полного принятия в сообщество наций.

1. СМЕНА КОСТЮМА

Во время их поездки никто не предложил изменить китайский костюм, да и не было бы вежливым или политичным сделать это. Но я не восхищаюсь ни вкусом, ни мудростью тех ораторов, которые, приветствуя высоких гостей, аплодировали им за их изящное платье и величественную осанку. Если эта неосторожная лесть и имела какой-то эффект, то лишь для того, чтобы отсрочить перемены, которые уже начались. Все солдаты Империи скоро будут носить западную форму, и все школьники быстро переходят на такую же форму. По-моему, мало какое зрелище, которое я наблюдал, так полно надежд для Китая, как зрелище на императорском дне рождения, когда военные демонстрируют свои искусные упражнения и западную форму, а тысячи школьников появляются в новом костюме, который одновременно и красив, и удобен. Но двор и мандарины держатся за свои устаревшие наряды. Если павлин хочет парить вместе с орлом, он должен сначала избавиться от своего громоздкого хвоста.

Эта тема, хотя и пахнет портновской мастерской, не лишена внимания большого совета государственных деятелей Китая. Разве не показал Карлайл в своем "Сарторе Резартусе", как философия одежды имеет фундаментальное значение для истории цивилизации? Японцы с удивительной прозорливостью решили этот вопрос в то самое время, когда приняли свою новую форму правления.

Когда мистер Лоу был министром США в Пекине около тридцати лет назад, он сказал писателю: "Только посмотрите на это дурачество!", держа в руках модные таблички с изображением новой формы одежды для дипломатической службы Японии. Время доказало, что он ошибался, и что японцы были правы, приняв новую форму, когда захотели встать в один ряд с западными странами. Со своими старыми шаркающими одеяниями и неотъемлемыми манерами они никогда не смогли бы спокойно общаться с западным обществом.

Костюм мандарина в Китае, хотя и более внушительный, не менее варварский, чем в Японии, а этикет, который его сопровождает, совершенно несовместим с обычаями западного мира. Представьте себе, как мандарин при встрече с другом снимает свою роскошную шапку, украшенную кистями, перьями и рубиновыми пуговицами, или отодвигает длинные рукава, чтобы пожать руку! Мы привыкли оставлять такие мелочи дамам, и этикет не требует от них откладывать шляпки.

Квакеры, как и мандарины, не снимают шляп на публичных собраниях; странность их манер отгораживает их от общества и делает их следование весьма затруднительным. Хотят ли наши китайские друзья, чтобы на них смотрели как на квакеров, или они желают свободно общаться с людьми великого Запада?

Их церемониальный колпак скрывает бритый паштет и болтающийся кий, и здесь кроется главное препятствие на пути предлагаемой реформы стиля и манер. От этих знаков подчинения придется официально или негласно отказаться, прежде чем скрывающий их головной убор уступит место парадной шляпе европейского общества. Не изящный и не удобный, этот головной убор следует рекомендовать не по его собственным достоинствам, а как часть костюма, общего для всех народов, которые соответствуют обычаям современной цивилизации.

Верховных комиссаров, должно быть, поразило, что, куда бы они ни отправились, в хорошем обществе они встретили только один общий тип костюма. Они также не могли бы советовать принять костюм той или иной национальности - общее соответствие является всем, что кажется возможным или желательным. Будут ли китайцы цепляться за свои шапки и халаты смертельной хваткой, как тот кореец, который прыгнул с поезда, спасая свою высокую шляпу, и погиб? Раз уж они едут по великой железной дороге мирового прогресса, то не позаботятся ли они о том, чтобы во всех отношениях приспособиться к требованиям новой эпохи?

2. ПОЛИГАМИЯ

Мы пока не знаем, что правительство реформ намерено делать с этим отжившим свой век учреждением. Будут ли они продолжать возжигать перед ним благовония, чтобы замаскировать его дурной запах, или же похоронят его с глаз долой сразу и навсегда?

Комиссары-путешественники, чья широта и проницательность в равной степени очевидны, несомненно, не преминули поинтересоваться этим в странах, которые они посетили. Конечно, они не нашли его там; но, как и в случае с вопросом о костюме, благовоспитанность хозяев удержала бы их от высказывания каких-либо предположений, касающихся домашней жизни китайцев.

Комиссары имели честь быть представленными королеве-императрице Александре. Представьте себе, что они спросили бы, сколько у нее подчиненных жен, помогающих ей поддерживать достоинство Царя-Императора! Они с удивлением узнают, что ни один

европейский государь, какими бы распущенными ни были нравы, никогда не имел дворца, полного наложниц, как постоянного приложения к его царственной челяди; что для принца и народа идеалом является моногамия; и что, хотя поведение богатых и великих часто таково, что заставляет нас краснеть за нашу христианскую цивилизацию, сегодня верно, что коронованные главы Европы в целом подают достойный пример домашней морали.

"Восхитительно!" - отвечают комиссары; "наши древние государи были такими же, и наши мудрецы учили, что должно быть *"Ne Wu Yuen Nu, Wai wu Kwang-tu"* (в гареме нет тоскующей красавицы, вне гарема нет мужчины без пары). Это роскошь последующих веков, которая держит множество женщин в уединении ради удовольствия нескольких мужчин и оставляет простого человека без жены. Мы от души одобряем практику Европы, но что делать с Африкой?"

"Там королевские дворы считают множество жен необходимым условием своего величия, а вельможи исчисляют свое богатство по количеству жен и коров. Слава принца - это слава петуха на постоялом дворе или быка во главе стада. Таков их идеал - от короля Дагомеи с его телохранителем из амазонок до султана Марокко и хедива Египта. Магометане Азии не только продолжают эту практику - они пытаются перенести свой идеальный рай в Европу. Турция, разложившаяся и прогнившая, с ее черными евнухами и черкесскими девушками-рабынями, служит наглядным уроком для всего мира".

"Мы просим прощения, мы достаточно знаем об Азии, но что касается Америки - процветает ли там многоженство?"

"Она существовала у перуанцев и ацтеков до испанского завоевания, но теперь она под запретом во всех странах от полюса до полюса. Свидетель тому - мормоны из Юты! Их отказались принять в Американский союз, пока они придерживаются восточного типа многобрачия".

"Ах! Мы понимаем, что вы указываете на мормонов как на предупреждение для нас. Вы имеете в виду, что нас не примут в общество более цивилизованных народов, пока мы придерживаемся многоженства. Что ж! Наши собственные мудрецы осудили ее. Оно имеет долгую и позорную историю, но его дни сочтены. Без сомнения, оно будет подавлено нашим новым сводом законов".

Этот воображаемый разговор настолько точно передает то, что должно было произойти, что я чувствую искушение облечь следующие абзацы в форму диалога. Диалог, однако, неизбежно окажется многословным, и я поспешу закончить обсуждение.

Что касается мормонов, то я могу добавить, что на конференции по международному арбитражу, состоявшейся в июле прошлого года на озере Мохонк, присутствовали евреи, квакеры, протестанты и римские католики, но не было ни мормонов, ни турок. Вероисповедания не требовались в качестве верительных грамот, но турки и мормоны не сочли нужным постучать в дверь. И те, и другие - объекты презрения, и ни одна нация, чья семейная жизнь формируется по такому же образцу, не может надеяться на то, что ее примут в полное братство с западными народами.

Мерзости, связанные с таким типом общества, несовместимы ни с каким, кроме низкого уровня цивилизации - это евнухи, рабство, противоестественные пороки и, более всего, общее унижение женского пола. В китайском обществе женщина занимает затененное полушарие, не случайно представленное темной частью в их национальном символе - *Иньян-цзе* или Диаграмме двойных принципов. До сих пор она была настолько полностью лишена возможности получить образование, что недавно один молодой человек в местной

средней школе начал сочинение с восклицания: "Я рад, что я не китаянка". Едва ли одна из тысячи умеет читать!"

Если "Знание - сила", как говорил Бэкон, а до него Конфуций, то каким источником слабости было для Китая это пренебрежение к женщине. К счастью, она не исключена из новой системы национального образования, и есть основания полагать, что с воцарением невежества исчезнет и полигамия как положение вещей, противное здравому смыслу интеллигентной женщины. Но не ускорит ли это процесс раскрепощения полов и не пробудит ли прекрасных дочерей Востока к более благородному пониманию человеческой жизни, если правители издадут указ, ставящий наложничество под запрет закона? Ничто так не поможет Китаю завоевать уважение западного мира.

3. ДОМАШНЕЕ РАБСТВО

Со времени написания первой части этой статьи я узнал, что некоторые из комиссаров высказались за изменение костюма. Я также узнал, что регулирование рабства должно занять место в пересмотренном уставе, хотя и не упоминается комиссарами. Если бы эта информация дошла до меня раньше, она могла бы побудить меня опустить слово "неупомянутый" из общего заголовка, но это не изменило бы ни единого слога в моем отношении к теме.

Доброжелатели Китая с радостью отмечают, что в стране есть правительство, достаточно сильное и смелое, чтобы решать социальные вопросы такого рода. О том, насколько остро стоит вопрос о рабах, можно судить по ежедневным заметкам в ваших колонках. Что, например, делала леди из Сечуэна, кроме как занималась привычной формой работорговли? А случай с поющими девочками в возрасте до пятнадцати лет, о котором вы говорили на прошлой неделе, - не что иное, как форма рабства? И снова, в качестве кульминации, что подумает западный мир о стране, которая позволяет хозяйке избить до смерти девочку-рабыню за то, что она съела кусок арбуза, как об этом сообщает ваш корреспондент из Ханькоу? Банальность провокации напоминает нам о разводе жены за то, что она предложила свекрови блюдо из полусырых груш. Последний, классический случай, оправдывается сыновним долгом, но я слишком уважаю автора "Хиаокинга", чтобы согласиться с традицией, которая наносит тяжкий ущерб одному из лучших людей древности. Традиция, пусть и необоснованная, может служить ориентиром для общественного мнения. Она предполагает другую тему, которую мы могли бы (но не будем) оставить для другого раздела, а именно: регулирование развода и ограничение супружеской власти. Это действительно тесно связано с моей темой, ибо что такое жена или наложница, как не рабыня, пока муж имеет право развестись или продать ее по своему желанию - с провокацией или без нее?

На прошлой неделе в нескольких шагах от моего дома произошел ужасный случай не развода, а убийства жены. Мужчина, работавший в угольной мастерской, оставил свою жену у тетки в деревне. Тетка жаловалась, что она слишком глупа и неуклюжа, чтобы зарабатывать на жизнь. Жестокий муж отвез бедную девушку в уединенное место, где убил ее и оставил непогребенной. Вернувшись в угольную мастерскую, он сообщил своей тете, что готов ответить за содеянное, если его призовут к ответу. "Призвали ли его к ответу?" спросил я сегодня утром у одного из его соседей. "О нет! - ответил он, - все улажено, женщина похоронена, и никакого расследования не требуется". Разве женщина не является рабыней, хотя и называется женой, в обществе, где подобные вещи остаются безнаказанными? Разве новые законы, от которых так многого ждут, не ограничат брачные отношения одной женщиной и не сделают мужчину, с которым она связана, мужем, а не господином?

Конфуций, как нам рассказывают, сложил с себя полномочия в своем родном государстве, когда князь принял подруг-певиц, присланных из соседнего княжества. Девушки были рабынями, купленными и обученными для своей позорной профессии, и торговля девушками для той же службы является основной формой домашнего рабства в наши дни - так мал был прогресс в области морали, так мало продвинулись к законодательству, защищающему жизнь и добродетель беспомощных!

Но работорговля не ограничивается женщинами; любой мужчина может продать своего сына, а классы обоих полов есть во всех домах богачей. Прæдиальное рабство практиковалось в древности, как и в Европе в средние века, и в России до недавнего времени. Мы читаем о том, что придворным фаворитам предоставлялись земли и рабочие руки. Как эта система исчезла, мы не будем спрашивать. Однако несомненно, что в Китае никогда не происходило грандиозного акта освобождения, подобного тому, который стоил Линкольну жизни, или тому, за который доброму царю Александру II пришлось заплатить такую же неустойку. Россия сегодня вкушает горькие плоды веков крепостного права, а величайшей опасностью, с которой когда-либо сталкивались Соединенные Штаты, была война, вызванная рабством негров.

Форма рабства, преобладающая в Китае, не угрожает войной или революцией, но по своим социальным аспектам она хуже негритянского рабства. Оно разлагает нравы и развращает семью, и пока оно существует, на нем лежит клеймо варварства. В Китае есть великие люди, которые ради чести своей страны не побоялись бы взять дело в свои руки. Если потребуется, они подражают Линкольну и царю Александру, чтобы удалить такое пятно.

Нам говорят, что предлагается ограничить рабство несовершеннолетними, а свобода наступит по достижении совершеннолетия. Это значительно смягчило бы зло, но зло настолько вопиющее, что требует не смягчения, а уничтожения. Пусть законодатели Китая возьмут за образец положения британского законодательства, позволяющие похвастаться тем, что "как только раб касается британской земли, его оковы спадают". Пусть они также следуют этому высокому законодательству, определяющему права и обеспечивающему благосостояние самого скромного подданного. Пусть старая система будет выкорчевана до того, как начнет действовать новая, иначе существует опасность, что ограничение рабства несовершеннолетними приведет к тому, что эти беспомощные создания будут подвержены большинству несчастий, которые сопровождают пожизненное рабство.

Количество и масштабы реформ, которые были постановлены или проведены, таковы, что нынешнее правление можно назвать самым выдающимся в истории империи. Можно ли надеяться, что в отношении многоженства и домашнего рабства действия Китая будут таковы, что выведут его из разряда Турции и Марокко в полные товарищи с самыми просвещенными нациями Европы и Америки.

III.

НОВАЯ ОПИУМНАЯ ВОЙНА

Объявлена война против коварного врага, который уже давно истощает ресурсы Китая и истощает силы его народа. Она решила раз и навсегда избавиться от проклятия опиума. Домашнее производство наркотика и все последствия этого порока осуждаются тронным указом, за которым следует свод правил, призванных не ограничить, а искоренить это чудовищное зло.

В этом смелом шаге по реформированию общества не может быть сомнений, что правительство поддержано лучшими чувствами всей страны. Большинство китайцев считают опиум началом своих национальных бед. В 1839 году он втянул их в первую войну с Западом, и это открыло путь к серии войн, в результате которых их столица была дважды оккупирована иностранными войсками.

Их первая попытка избавиться от инкубатора сопровождалась такими проявлениями гордости, невежества и незаконного насилия, что Великобритания была вынуждена начать войну - не для защиты незаконного оборота, а для того, чтобы возместить нанесенный ущерб и смирить надменную империю. В этом новом натиске китайцы проявили столько здравого смысла и сдержанности, что это свидетельствует о том, что за шестьдесят семь лет, прошедших с тех пор, они многому научились благодаря иностранным связям.

Не обращаясь к иностранцам, они мужественно решили бороться со злом в его внутренних аспектах. Большинство мандаринов заражены этой болезнью, а лицензионная культура мака сделала наркотик настолько дешевым, что даже бедняки поддаются искушению.

Запретительный указ утверждает, что 30 или 40 процентов взрослого населения находятся под воздействием соблазнительного яда. Это, между прочим, дает огромную цифру, намного превышающую все оценки иностранных писателей.

Пораженные признаками социального упадка, более патриотичные государственные деятели Китая не замедлили понять, что все попытки реформ в области образования, армии и законодательства окажутся безуспешными, если опиуму будет позволено истощить силы нации. "Нельзя вырезать кусок гнилого дерева", - говорит Конфуций. Любая схема обновления страны должна иметь в своей основе здоровый и энергичный народ". Именно этот развращенный вкус впервые создал рынок для наркотика; если этот вкус удастся искоренить, торговля и порок исчезнут вместе, с согласия или без согласия Великобритании.

Однако Великобританию нельзя было игнорировать. Кроме того, что она обладает огромным влиянием, а ее коммерческие интересы обширны и разнообразны, разве не является она хозяйкой Индии, чьи маковые поля раньше поставляли в Китай и до сих пор отправляют на китайский рынок пятьдесят тысяч сундуков в год? Этот импорт уже не является незаконным, он регулируется договором. Согласованные действия могли бы предотвратить осложнения и гарантировать успех. К новому британскому правительству обратились по вопросу. К счастью, к власти пришли либералы, и оно не было связано старыми традициями.

В Палате общин без единого голоса несогласных прошла общая резолюция, выражающая сочувствие Китаю и готовность принять аналогичные меры в Индии. "Когда в палате спросили, какие шаги были предприняты для выполнения резолюции об отмене опиумного трафика между Индией и Китаем, г-н Морли ответил, что, насколько он понимает, Китай рассматривает вопрос о принятии правил, ограничивающих импорт, выращивание и потребление опиума. Он не получал никаких сообщений из Китая, но как только будут представлены предложения, он готов рассмотреть их в сочувственном духе. Министру Е. Б. М. в Пекине было поручено связаться с китайским правительством по этому вопросу".

Телеграмма, содержащая эти слова, датирована Лондоном, 30 октября. Императорский указ, положивший начало тому, что многие называют "новым крестовым походом", был издан всего за сорок дней до этой даты (т. е. 20 сентября). Следует также отметить, что в конце августа через нанкинского вице-короля был направлен меморандум Антиопиумной лиги, в котором предлагалось принять меры со стороны правительства. Его подписали 1200

миссионеров различных наций и церквей. Разве не вероятно, что их представления, поддержанные вице-королем, привели в движение руку, которая качает скипетр?

Постановление гласит следующее:

"Со времени первого запрета опиума почти весь Китай был наводнен этим ядом. Курильщики опиума тратили свое время, пренебрегали работой, разрушали свои конституции и обедняли свои семьи. Таким образом, на протяжении нескольких десятилетий Китай представляет собой зрелище растущей нищеты и слабости. Мы с негодованием говорим об этом. Двор теперь намерен сделать Китай могущественным, и наш долг - побудить наш народ к реформаторству в этом отношении.

"Итак, мы постановляем, чтобы в течение десяти лет эта вредная грязь была полностью и окончательно вычищена. Далее мы повелеваем Государственному совету рассмотреть средства для строгого запрещения как курения опиума, так и выращивания мака".

Среди правил, разработанных Государственным советом, есть и такие:

Обязать всех курильщиков опиума сообщать о себе и получать лицензии.

Курильщики, занимающие должности, делятся на два класса. Представители младшего класса должны очиститься за шесть месяцев. Для старших срок не установлен. Оба класса на время лечения должны оплачивать услуги утвержденных помощников, которые будут исполнять их обязанности.

Все опиумные притоны должны быть закрыты через шесть месяцев. Это места, где курильщики коротают ночи в компании праздных и порочных людей.

По истечении шести месяцев запрещается изготавливать или продавать опиумные лампы и трубки. Лавки по продаже наркотика должны быть закрыты только на десятый год.

Правительство предоставляет лекарства для излечения от этой привычки.

Поощряется создание антиопиумных обществ, но их членов предупреждают, чтобы они не обсуждали политические вопросы.

У читателя, несомненно, возникает вопрос: удастся ли Китаю освободиться от рабства этого ненавистного порока? Самодержцу легко издать указ, но нелегко добиться повиновения. Обнадёживает тот факт, что эти решительные действия одобряются всеми наместниками - Юань, самый молодой и могущественный, уже предпринял шаги по введению нового закона в действие в столичной провинции. В рядах индийских торговцев - парсов, евреев и магометан - также наблюдается волнение: они предъявили иск о возмещении ущерба, нанесенного их уважаемому бизнесу.

В целом мы склонны верить в добросовестность китайского правительства, принявшего эту меру, и предвещать ее успех. После смены основ образования эта смелая попытка подавить национальный порок занимает самое видное место в длинной череде реформаторских движений.

W. A. P. M.

ПЕКИН, январь, 1907.